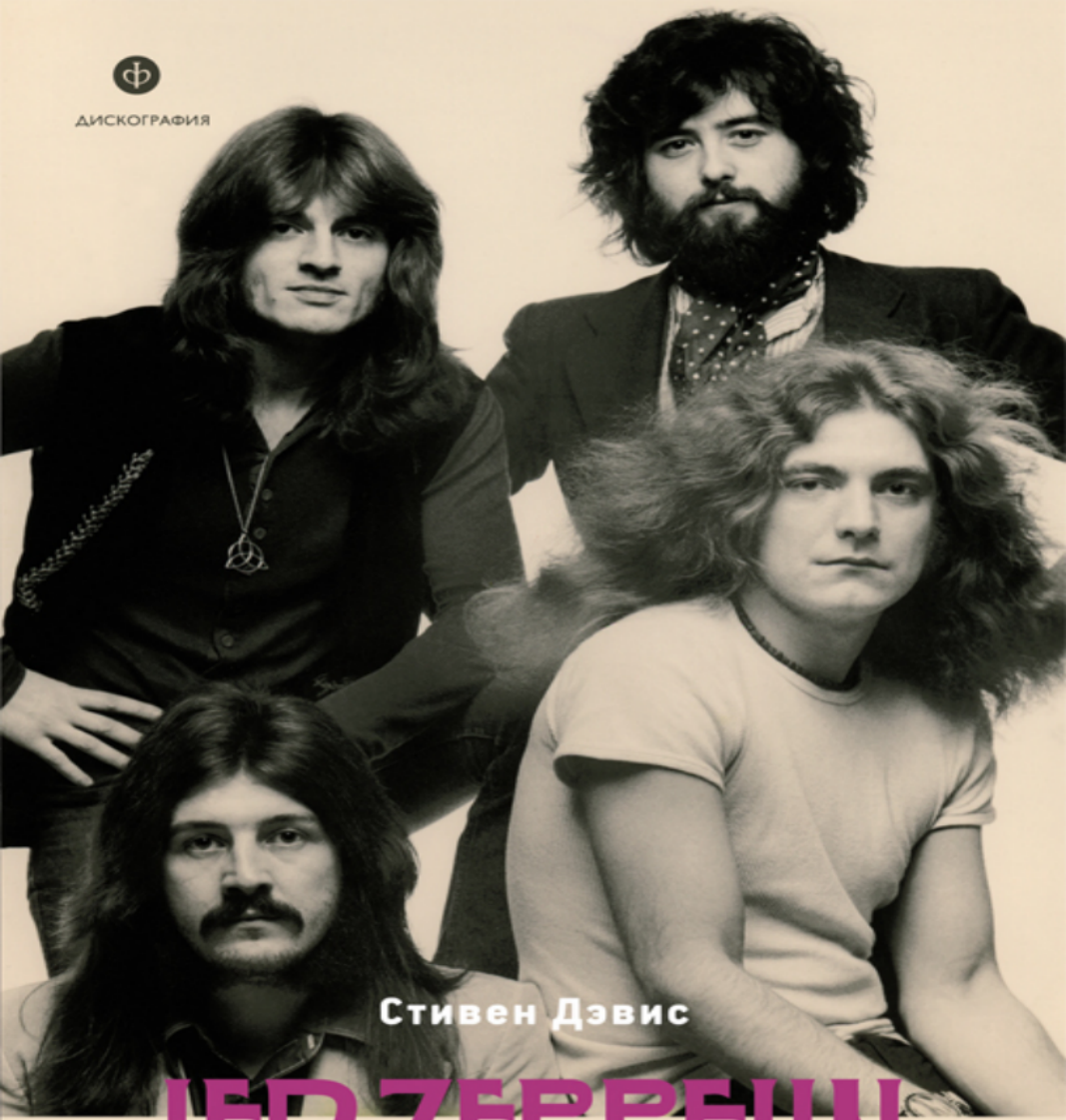
ДИСКОГРАФИЯ



Стивен Дэвис

LED ZEPPELIN

молот богов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Культовая книга о культовой группе - абсолютная классика рок-журналистики.

- Часть первая
  - Прелюдия
  - Глава первая: Поезд набирает ход
  - Глава вторая: Восхождение Цеппелина
  - Глава Третья: Год Акулы
  - Глава четвертая: Валгалла, я приду!
  - Глава пятая: Секретное общество
  - Глава шестая: Мятежный дом на материке
- Часть Вторая
  - Глава седьмая: Звездный корабль
  - Глава восьмая: Ангел со сломанным крылом
  - Глава девятая: Ничья вина
  - Глава десятая: Мощь, загадка и молот богов
  - Глава одиннадцатая: Вечером (На закате)
  - Глава двенадцатая: Кода

Часть первая

Прелюдия

Клеветнические, позорные заявления и противоречащие друг другу слухи относительно Лед Зеппелин начали циркулировать как отравленная кровь во время третьего турне британского рок-квартета по Америке в 1969 году. Ужасные сказки передавались от одной группировки к другой во время гастролей Цеппелина, постепенно продвигаясь вперед. Тусовочные сообщества «Девон» и «Амаретта» должно быть впервые получили сведения о них в Нью-Йорке. Члены группировок названивали прекрасной мисс Памеле в Лос-Анжелес, а также и в чикагский “Plaster Caster”. В скором времени все рок-куртизаны из обществ «любителей чая и виски» пересказывали друг другу историю о том, как участники Лед Зеппелин во время путешествия подкрепляли свои силы влагалищной жидкостью, используя для этого непосредственно источник ее происхождения. Этому сопутствовали россказни о том, как музыканты поедают женщин, выбрасывая кости прямо из окон; о распухших девчонках, которых перед совокуплением сажали в чаны с теплыми вареными бобами. В Лос-Анджелесе с первыми лучами солнца, девочки, пошатываясь, удалялись от отеля “Sunset Strip”, разнося нелепые байки в Голливуд и Уолли о потрясающих по величине счетах за сеансы хиромантии и магии, за номера люксов с зажженными свечами; о девицах, публично раздевающихся на столах в буйных ночных рок-клубах; об избиении женщин, о сексуальной магии и бесконечных оргиях. Они повествовали о пьяной даме из прибрежного отеля в Сиэтле, которая позволила участникам группы избивать себя телом небольшой мертвой акулы, в то время как музыканты Vanilla Fudge снимали этот процесс на пленку кинокамеры. В Новом Орлеане циркулировали небылицы о заигрывании цеппелинов с разношерстной франкоязычной публикой. В документальном фильме «Группи» одна ненормальная что-то бессвязно лепетала о мастерстве, с которым гитарист обращается с кнутом. Группи поведали об этих «фактах» своим младшим сестрам. Слухи достигли высшей школы. Лед Зеппелин была ядовита и опасна.

Кривотолки не были бы такими уж предосудительными, если б не место и время происходящего: Америка, Южная Калифорния, 1969 год. Никсон — глава Белого Дома, геноцид во Вьетнаме, Чарльз Мэнсон находится в Дэт Волли, препятствуя развитию музыкального бизнеса, ожидая удобного момента для засылки в Биверли Хилл отряда боевиков, состоящего из крысоподобных хиппи для полного уничтожения продюсеров и импрессарио. Это были времена охоты на ведьм. Кривлянье Лед Зеппелин — лишь

скромные жестокие игры молодых английских артистов, потерявших голову в США и обладавших неисчерпаемой энергией. Музыканты установили недостижимый дотоле уровень распущенности, мистики, роскоши и излишеств для рок-групп, пытавшихся всячески следовать им, хотя — все они были отличными ребятами, даже где-то джентльменами.

Был и еще один слушок, передаваемый о Лед Зеппелин и эта сплетня была более зловещей, нежели небылицы о пороках, которым предавались участники группы в часы досуга. Наибольшим из грехов (о котором говорили и говорят до сих пор) заключался в том, что якобы музыканты продали свои души дьяволу в обмен на свой постоянный успех, неповторимый дар и невероятное могущество. Девушки свято верили этому, подразумевая здесь аналогичную сделку Фауста с Сатаной. «Вы только посмотрите», — заявляли они. «За время своей десятидневной премьеры Лед Зеппелин превратилась в величайшую группу в мире, доведя индустрию производства пластинок до пика. Реформация всемогущего Зеппелина казалась возможной, но они не сделали этого самостоятельно.»

В этой абсурдной фабуле можно заметить уловку. Один из 4-х музыкантов не продал свою душу дьяволу. Один из них сказал «нет» и отказался подписаться кровью. И вот, что с ним случилось (а может и не случилось). Он оказался чужаком, посторонним человеком за пределами внимания. Он даже и не гастролировал с группой, хотя и мог делать это. Он не позволял манипулировать собой.

Предрекали различные ужасы и смерти, которые якобы свалятся на музыкантов Лед Зеппелин. Группа будет повергнута в позор и раскаяние. Лишь он единственный, кто окажется невредимым, кто сохранится, выживет. История сношения цеппелинов с дьяволом заложена в самих традициях поп-музыки, учитывая факт, что группа начинала именно как блюз команда. На самом деле, все молодые английские музыканты ориентации Beatles — Rolling Stones, Animals, Yardbirds and Kinks — первой волны; Cream, Jeff Beck and Led Zeppelin — второй, считали себя учениками школы блюза. Прежде, чем большинство из них вышло на сцену, они месяцами и даже годами вели затворническую жизнь, импровизируя записи старых блюзменов, аранжируя классические американские блюзы Блайнд Лемон Джефферсона, Биг Билла Брунзи, Скип Джеймса Лидбелли и Мадди Уотерса. Позднее, они открыли для себя Элмора Джеймса, Санни Боя Вильямсона и Роберта Джонсона — короля блюзовых певцов из дельты Миссисипи, влиятельного и демонического музыканта, соединившего идею фолк-блюза с сатанизмом. В дельте

Миссисипи, где родился Роберт Джонсон ходило поверье, что если восходящая звезда блюза будет ждать на пустынном перекрестке дорог темной безлунной ночью, то сам Сатана явится и будет играть на гитаре музыканта, наложив тем самым печать на душу блюзмена, гарантируя на всю жизнь легкие деньги, женщин и славу. Но отныне на имя этого музыканта накладывается запрет на американском юге.

Роберт Джонсон был самым значительным блюз-музыкантом когда-либо жившем на свете. Люди поговаривали, что он должно быть встретился с Сатаной на пересечении дорог ночью, получив в награду великолепное звучание гитары. Родившись в Робинсонвилле штата Миссисипи (в 40 милях к югу от Мемфиса) в 1911 году, Роберт рос, слушая классических сельских блюз-менестрелей — Чарли Пэттока, Сан Хауса и Вилли Брауна. К 20 годам Роберт научился извлекать плач и стенания из гитары, ударяя по струнам отбитым бутылочным горлышком. К 1935 году таинственный и загадочный молодой музыкант изобрел звенящий ударный гитарный стиль и написал или подобрал цикл песен, которые затем стали прообразом ритм-энд-блюза, рок-н-ролла и рок музыки.

Он переделал отчаянные любовные песенки типа «32–20 Blues» и «Добропорядочная Женщина», а также такие грустные песни как «Напрасная Любовь». Здесь были и легкие нотки с оттенком сексуального воображения (“Terraplane Blues” and “Travelling Riverside Blues”), в которой персонаж приказывает своей любовнице нажимать на лимон до тех пор, пока сок не потечет по ноге — это действие нашло воплощение в лирической песне Роберта Планта через 40 лет. Роберта Джонсона отличало чувство глубокого убеждения в душераздирающих дьявольских песнях. В “Me And The Devil Blues” он признается: «Я и дьявол шли рядом, Я буду избивать свою женщину до полного удовлетворения. И каждый слушающий вызывающую, 50-летней давности запись “Hellhound On My Trail” может ощутить напряжение, через которое Роберт Джонсон передает свои наиболее знобящие и шокирующие строки: «Я должен двигаться, Блюз падает как град, Я не могу достать денег, Сатана следит за мной».

К 1938 году записи этого молодого гения начали просачиваться и на север. В Нью-Йорке продюсер Джон Хаммонд готовил свой знаменитый концерт «От спиричуалз к свингу», который будет исполнен величайшими афро-американскими музыкантами в атмосфере Карнеги Холла. Хаммонд был знаком с “Terraplane Blues” and “Last Fair Deal Gone Down” и хотел, чтобы Роберт Джонсон исполнил эти песни на концерте. Но тут

распространился слух об убийстве Роберта. На самом деле, он был отравлен одним ревнивым мужем неподалеку от Гринвуда (Миссисипи). Мать и брат Джонсона похоронили тело за синагогой в безвестной могиле неподалеку от городка Морган. Гитара исчезла и Хаммонд был вынужден пригласить в Карнеги Холл Биг Билла Брунзи.

«Привет Сатана, Я думаю — нам пора идти», — пел Роберт Джонсон, и обладая печатью дьявола — он может и не умер на самом деле. И правда, популярность росла. Джонсон, между последней записью и смертью работал в одной малоизвестной группе. Его эмоциональный стиль и настойчивые ритмы копировались, ходили пластинки, а “Terraplane Blues” стала ударным хитом на юге. Единственный музыкант, учившийся у Роберта, являлся сыном его подружки. Впоследствии стал блюзменом, работая под именем Роберта Локвуда. Через 2 года после смерти Роберта, Локвуд уже выступал, следуя стилю и манере Джонсона, с партнером — певцом и музыкантом на гармонике Райсом Миллером (псевдоним Санни Боя Вильямсона). До 1941 года Локвуд и Вильямсон были звездами “King Biscuit” в Хелене (штат Арканзас). Затем, Локвуд играл на электрогитаре и это было новшеством, так как многие музыканты из дельты Миссисипи никогда не слыхали звучания этого кардинально нового инструмента. Через несколько лет подключились к исполнению песен Роберта Мадди Уотерс, Джон Ли Хукер, Хаулин Вулф, Би Би Кинг и Элмор Джеймс в Чикаго, Мемфисе и Детройте. Потом, это все перестало быть блюзом вообще и получило название ритм-энд-блюза. Десять лет спустя, Элвис Пресли и Чак Берри превратили эту музыку в рок-н-ролл. Проживи Роберт Джонсон еще 20 лет, он возможно и играл бы что-то типа “Maybelline” Чака Берри. И Элвис и Чак Берри находились под опекой цензоров и запрещались на родине блюза и центральном Западе. Там их музыка именовалась дьявольщиной. Баптистские священники собирались при свете факелов для того, чтобы сжечь пластинки этих музыкантов на кострах, как ранее сжигали ведьм.

И еще немного о музыке и жизни музыкантов — виртуозов, связанных с запахом горящей серы. Есть ореол грусти и меланхолии, окружающий их мир: все великие знают это и пользуются своими собственными методами. «Музыка», — писал Жорж Бизе, — «какое великолепное искусство! И какая грустная профессия!» Чем выше мастерство музыканта, тем выше цена за овладение им. Возьмите жизнь генуэзского скрипача Никколо Паганини (1782–1840), чья музыкальная карьера сравнивается с карьерой Лед Зеппелин. Паганини стал первым великим

виртуозом и суперзвездой благодаря своей памяти и мышлению. В эпоху, когда оперные певцы являлись единственными музыкантами, способными достичь прочного успеха и удачи в Европе, Паганини выдвигает блестящую виртуозную инструментальную композицию. Появляясь на концертах в узких брюках и с чрезмерно длинными волосами, он заставлял женщин визжать и падать в обморок, производя загадочные и оригинальные эффекты на скрипке. Он придумал соединение скрипки с гармоникой, усовершенствовал прижимание пальцев к струнам и оживил древнюю практику скордатуры, разнообразное перебирание струн. И он стал богатейшим музыкантом своей эпохи.

Но всю его музыкальную жизнь Паганини преследовали досадные слухи. Его слава была такой широкой, а могущество над инструментом и женщинами настолько легендарным, что даже любой европейский крестьянин знал, что Никколо Паганини продал свою душу дьяволу. Он именовался в прессе сумасшедшим игроком и неизлечимо больным разложенцем. Указывалось, что музыкант был эгоистичен, жесток, жаден и отвратителен. Общество считало, что он являлся организатором шайки бандитов, убивавших мужей благородных дам. В одном из высказываний современника говорилось, что Паганини «довлеет над человечеством своим мастерством и возвышенностью искусства, полученных от дьявола в обмен на душу — уже достаточно проклятую». Очевидцы в Италии даже видели, как на концерте в Милане сам Сатана управлял пальцами Паганини, в то время, как во Франции достопочтенные люди свидетельствовали о том, как посланники ада шли куда-то по дороге от концертного зала. И когда Паганини скончался в 1840 году во Франции, то католическая церковь запретила захоронение тела в освященной земле, так как местные крестьяне были очень напуганы. Тело оставалось непогребенным в течение трех лет, пока, наконец, не было доставлено в Италию. Дьявол появляется со скрипкой и смычком, как Мефистофель в «Фаусте» Гете. Дьявол — скрипач есть в песне Чарли Данеля «Дьявол отправился в Джорджию». Но это очень старая мысль.

В апреле 1982 года одна местная комиссия при штате Калифорния прослушала записи Лед Зеппелин наоборот, так как баптистские священники жаловались, что когда пластинки этой группы слушаются таким образом — можно различить послания Сатаны, а участники группы якобы прибегли к такому способу маскировки, призывая молодых американских христиан к поклонению сатанизму и дьяволу. И будьте уверены, что при прослушивании «Лестницы в Небо» в положении реверса,

некоторые члены комиссии заявили, что они отчетливо слышали зловещие слова: «Добро пожаловать к Сатане».

Глава первая: Поезд набирает ход

До сих пор можно видеть тень
Лед Зеппелин
Над Америкой: это было как
пришествие
Ислама в пустыню…

— Майкл Херр.

Сага о Лед Зеппелин началась в 1943 году в белой, строго рациональной Англии во время войны. Джеймс Пейдж — служащий авиакомпании женился на Патриции Элизабет Гэффикин — секретаре врача. 9 января 1944 года она родила своего единственного ребенка в Хестоне (графство Миддлсекс). Сына назвали Джеймс Патрик Пейдж. А после войны отец получил место в отделе кадров на одном из промышленных предприятий. Семья Пейджей переезжает в Фелтхэм, что неподалеку от аэропорта Хитроу и к западу от Лондона. В середине 50-х Пейджи переместились в Ипсом (графство Суррей) — тихий городок с сельской природой и лошадиными скачками.

Джимми рос в полном одиночестве в уютном домике на Майлз Роуд. Он даже и не помнит были ли у него друзья по играм до 5 лет. «Эта обособленность в детстве, пожалуй, наложила отпечаток на мою последующую жизнь», — вспоминал он годы спустя. «Один. Большинство людей не могут жить без себе подобных. Они становятся пугливы, а моя изолированность не беспокоила меня нисколько. Она давала мне чувство безопасности.» И все же Джимми нашел своего самого верного друга в возрасте 15 лет. Это была гитара в испанском стиле с металлическими струнами. Джимми не знал, что с нею нужно делать, поэтому он принес ее в школу и приятель показал, как с нею надо управляться. Он наблюдал за толпой ребят, которые окружили студента, игравшего мелодию в стиле скиффл. Позднее, молодой Пейдж отправился к знакомому парню и попросил его сыграть что-нибудь на гитаре. Но со скиффлом Джимми быстро расстался, после того как он услышал рок-н-роллы Элвиса “Baby Let’s Play House” и Чака Берри “No Money Down”. По утверждению музыканта, «восторг и жажда деятельности просто захватили меня и я захотел стать частью всего этого.» Джимми взял несколько уроков у преподавателя из Кингстона-на-Темзе, прежде, чем обратиться к зарубежным

радиопередачам и записям. «Понравившиеся соло буквально вызывали мороз на коже», — вспоминал Пейдж позднее, — «и я тратил часы, а иногда и дни, чтобы постигнуть их». Поначалу он работал над гармоничными соло Бадди Холли, затем сконцентрировался на Джеймсе Бертоне — гитаристе, игравшем, в основном хиты Рикки Нельсона. Извивающийся стиль игры на гитаре сводил Джимми с ума. Юный Пейдж старался все в точности переснять, но все попытки были безуспешны. Наконец, кто-то открыл секрет — изюмина заключалась в замене обычной третьей струны с покрытием на более легкую без покрытия. В противном случае, аккорды было бы невозможно воспроизвести. И в скором времени, гитара стала всепожирающей страстью жизни Джимми Пейджа, который отправился в западную часть Лондона и вступил в кружок молодых гитаристов, коллекционеров пластинок и начинающих блюзменов. Среди новых друзей был парень одного возраста с Джимми, которого звали Джефф Бек. Джефф сконструировал собственную гитару и играл на ней в течение года. Однажды, он приехал к Пейджу в Ипсом вместе со своей сестрой. Бек играл соло Джеймса Бертона из репертуара Рикки Нельсона “My Babe”. «Мы сразу же стали кровными братьями», — вспоминает Пейдж.

Испанская акустическая гитара больше не устраивала. Чтобы переснять резкие звуки гитар Бертона, Берри или Клиффа Гэллапа (игравшем с Джином Винсентом), Джимми пришлось приобрести электрогитару. Итак, он просмотрел газету и купил Хоффман Сенатор с электрическим звукоснимателем. Но у Сенатора был неказистый вид, да и сам Пейдж не считал ее хорошей. В конце концов, начинающий музыкант убедил своего отца подписать чек на покупку дешевой электрогитары «Грациозо» — британской копии классического рок-н-ролльного варианта, называемого Фендер Стратокастер. К 1960 году Джимми Пейдж становится обладателем электрогитары. Высокий, очень худой, настороженный и очень смышленый, он был чемпионом школы по прыжкам в высоту и примерным учеником. Ежедневно учителя забирали у Джимми гитару на время занятий, возвращая ее только после 4-х дня. «Прекрасно», — замечает Джимми, — «что в школе не было преподавания игры на гитаре. Самообучение — первая и наиболее важная часть моего образования. Помню, что мы с Джеффом Беком наслаждались музыкой и игрой, но именно потому, что мы не обязаны!!! были заниматься этим». В 16 лет Пейдж уже играл в местных группах Ипсома. В 1960 году, на акустической гитаре он аккомпанировал поэту-битнику Ройстону Эллису на поэтическом вечере в лондонском театре «Мермэйд». У начинающего музыканта вдруг

возобновился интерес к акустическому инструменту после прослушивания гитариста Берта Джанша. Однако, увлечение быстро прошло. Джимми приобрел новую оранжевого цвета гитару под названием “Chet Atkins Country Gentleman” — очень редкий вариант для Англии тех времен и начал играть с разными группами в западном Лондоне. В 1961 году Джимми работал в одной второразрядной группе на танцплощадке, которая выступала в качестве разогрева для именитых групп Юга — Thunderbirds Криса Фарлоу и Pirates Джонни Кидда. Пейдж принялся заводить публику своими естественными, танцевальными, но очень все же необычными гитарными ритмами. Случилось так, что лондонский певец и продюсер Нейл Кристиан оказался в этом зале. После шоу он предложил Джимми работу соло-гитариста в своей группе — Neil Kristian and Crusaders. После сдачи экзаменов, родители Джимми наконец дали свое согласие.

Crusaders играли музыку Чака Берри и Бо Диддли перед серой незаинтересованной публикой, по крайней мере, в течение двух лет. Но в Лондоне 17-летний Джимми Пейдж начал пробивать себе дорогу и по скорости стал одним из тузов английской рок-гитары. Определенно, он был звездой Crusaders и настоящим лидером со своей блестящей современной аппаратурой, которую другие молодые гитаристы никогда не могли бы себе позволить. Пейдж зарабатывал 20 фунтов в неделю. И это было в те времена, когда водитель автобуса почитал за счастье заработать и 10. Он был одним из первых гитаристов Лондона, играющих с педалью и все восходящие звезды ориентировались на Джимми Пейджа. Молодой гитарист из южного Лондона — Джон Болдвин позднее указал в своем интервью: «Даже в 1962 году я помню, как мне рекомендовали посетить Neil Kristian and Crusaders. Ведь у них такой потрясающий молодой гитарист гитарист! Я услышал о Пейдже раньше, чем о Клэптоне или Беке».

Crusaders выступали очень интенсивно по всей южной Англии. Поэтому спустя несколько месяцев, Пейдж просто переутомился. Будучи звездой шоу, Джимми был вынужден изгибаться назад таким образом во время игры, что его голова буквально касалась сцены, а также выполнять популярные тогда пируэты. Здоровье Джимми стало резко ухудшаться. Группа практически жила в своем прицепе в постоянной сырости, переезжая с места на место по тряским дорогам Англии. Однажды вечером в Шеффилде, поднимаясь во время прогулки по лестнице, он неожиданно потерял сознание. Очнулся на полу костюмерной. Врачи поставили диагноз — воспаление желез, осложненное истощением и усталостью. Недостаток и

нерегулярность питания, бронхит — только довершили дело. Вынужденный проделывать многочисленные акробатические трюки на сцене, пестрая публика, недостаток сна, питания и Джимми просто сломался. В конце концов, он оставляет Crusaders и направляется в художественную школу, намереваясь заняться живописью.

В то время, как молодой Пейдж учился рисовать и смешивать краски, культурная жизнь била ключом в Англии и уже возникли предпосылки для изменения популярной музыки в Европе и Америке. На севере в порту Ливерпуль, Битлз вырвались вперед с простенькими мелодиями Джона Леннона и Поля Маккартни. Но именно в 1963 году британский блюз породил новое поколение музыкантов и поклонников в основном потоке поп-музыки тех дней. Вообще-то, движение это началось в 1958 году, когда Мадди Уотерс рычал во время гастролей по Англии со своей достаточно непритязательной чикагской ритм-энд-блюзовой группой, осложненной лишь черными узкими костюмами, сальными прическами в стиле «помпадур» и громкими грубыми усилителями. Британская аудитория ожидала «подлинного» фолк-блюза старшего поколения, но Мадди поразил всех своей работой с овердрайвером и блюзом, который будто падал откуда-то сверху как град. Во время визита в Англию, Мадди переманил к себе двух ключевых английских музыкантов — Алексиса Корнера и Сирила Дэйвиса для привлечения интереса к блюзу. По возвращению в Англию, он пригласил обоих — Корнера и Дэйвиса в свой Трэд Оркестра и запустил их на Би-Би-Си в телешоу «Трэд Таверн» субботним вечером. Такой акции оказалось достаточной для создания первой в Англии блюз-группы под названием Alexis Korner and Cyril Davies Blues Incorporated. К маю 1962 года участники группы, включая и неофитов блюза таких, как Мик Джаггер — вокал, барабанщика Чарли Уотса и басиста Джека Брюса, с трудом втискивались в “Marquee” — клуб любителей классического джаза на Оксфорд Стрит. Через год Мик и Чарли ушли из группы и образовали The Rolling Stones (Джек Брюс затем уйдет в Cream), но ночи блюза в вышеуказанном клубе продолжали приводить в исступление буйную молодежь Лондона, что создавало некоторые проблемы для «мерси саунда», который победоносно надвигался с севера Британии.

В конце концов, Алексис Корнер исключил Rolling Stones из списка выступавших в “Crowdaddy Club” в Ричмонде, который открылся исключительно для Blues Incorporated. Rolling Stones, как известно, взлетели вверх и никогда больше не оглядывались назад.

Студент художественной школы Саттона Джимми Пейдж внимательно следил за всеми событиями. Чтобы достичь профессионального мастерства, он превратил холл дома Пейджей на Майлз Роуд в музыкальную студию с магнитофоном, грудами пластинок и записей, усилителями, различными электрогитарами, набором ударных и прочими инструментами. Каждое воскресенье у Джимми собирались и играли молодые блюзмены из Ричмонда и клуба “Ill Pie Island”, ну и конечно же, Джефф Бек. Мать Пейджа, привившая сыну вкус к музыке, готовила чай. Молодой музыкант очень любил развлечения. Вместе с другом, они катались на машине в окрестностях Ипсома, пугая дикими возгласами и криками людей. В Ипсоме находилось множество психиатрических лечебниц и ребят буквально тянуло к учреждению, где содержались молоденькие девицы с сексуальными проблемами, такими как безудержная мастурбация. Однажды, Джимми с приятелями пытались похитить пару девчонок из клиники к великому удовольствию всей честной компании. Но предприятие не удалось. Иногда Джимми неожиданно исчезал с гитарой, отправляясь в путешествие по Скандинавии, Европе и даже по восточным странам. Предпочтение отдавалось автостопу. Однажды он даже достиг Индии, но возобновившиеся воспалительные процессы заставили Пейджа вернуться домой. Вскорости, Джимми оставил свои кисти и палитру и начал снова серьезно играть на гитаре. Чтобы получить аудиторию, он вынужден был на время приклеиться к группе Сирила Дэйвиса в “Marquee”, где белые блюзмены готовились к совместному выступлению с Мадди Уотерсом. Через несколько недель после одной из сейшенов в клубе и при посредничестве какого-то молодого гитариста, Пейдж внедрился в лондонскую группу Roosters. Посредник объявил, что Джимми играет так же, как Мэттью Мэрфи, выступавшим тогда в Memphis Slim. Пейдж был польщен. Гитарист представился: «Меня зовут Эрик Клэптон.»

Сирил Дэйвис скончался от болезни крови и Джимми прекратил свои посещения “Marquee” через несколько недель после смерти музыканта. Скоро и Rolling Stones покинули свое пристанище в ричмондском “Crowdaddy” и были заменены новой группой Эрика Клэптона — Yardbirds, игравшей экспериментальный рок. По всей Англии создавались новые группы и Джимми был буквально засыпан предложениями стать соло-гитаристом сразу во многих группах, но проблемы со здоровьем заставили его отказаться. Пейдж приступил к работе гитариста в студии, исполняя роль виртуозного наймита, используемого продюсерами для добавления неадекватных звуков

к игре молодых гитаристов из других групп. Сессионная работа началась после одного из вечеров в “Marquee”. Старый приятель из Ипсома — звукоинженер Глин Джонс предложил Джимми принять участие в концерте следующего дня. К пластинкам и записям английских групп предъявлялись большие требования, а в сонном Лондоне был только один электрогитарист — студийник — Биг Джим Салливан, считавшийся довольно способным в искусстве аранжировки и обыгрывании музыки новых групп.

Первая проба Джимми — хит “Diamonds”, написанная Джетом Харрисом и Тони Миханом, который только что ушел из группы Клиффа Ричарда. Во второй раз он работал для Картера Льюиса и группы Southerners, создавших песню “Your Mama Out of Town”, которая одно время даже возглавляла британские чартсы. Постепенно продюсеры начали предсказывать Джимми успех. Не сказать, чтобы у них был большой выбор: если бы вы были в то время продюсером и вам необходим студийный гитарист, то все равно — вам пришлось бы обратиться либо к Биг Джиму Салливану или к малышу Джимми Пейджу, как его называли в то время. Через некоторое время, Джимми примкнул к группе Картера Льюиса, но почти сразу же оттуда и ушел, возвратившись в студию. «Мне было позволено вступить в недоступное до того братство, это было здорово и началась уже серьезная игра», — сказал он.

В 1965 году Шел Тэлми, Эндрю Олдхэм и Микки Мост являлись ведущими продюсерами Англии. Они очень надеялись на многосторонний талант Джимми в воспроизведении гитарных стилей Джорджа Харрисона, Чака Берри и Брайана Джонса. Именно с их помощью Джимми участвовал в ранних записях Who, Kinks, Them и других британских групп нового вторжения. И когда в январе 1965 года группа Who приехала на студию для записи своего первого сингла “I Can’t Explain”, то увидела Шела Тэлми и Джимми Пейджа, ожидающих в вестибюле на случай, если гитарист Питер Тауншенд не сможет справиться с гитарой. Но Тауншенд доказал свою состоятельность, а Джимми лишь добавил свою ритм-секцию. Однако, на второй стороне сорокапятки, Пейдж играл на соло-гитаре, используя новшества, на которые был мастер. В данном случае использовался фузз. Это устройство было создано специально для него двумя годами раньше. В интервью Джимми указывал: «Случилось так, что Роджер Мейер, который впоследствии работал на Джимми Хендрикса, заглянул ко мне — студенту художественной школы, когда я занимался рисованием. Он сказал, что работает в экспериментальной лаборатории Адмиралтейства и что сможет

сделать любые необходимые мне приспособления. Я ответил — почему бы ему не попробовать создать вещь, звучание которой я слышал на одной из пластинок группы Ventures “2000 Pound Be” несколько лет назад. Это был фузз Гибсона. У нас имелся такой в Англии, но ужасного качества, поэтому я настоял на необходимости усовершенствования уже имеющегося при помощи технических средств Адмиралтейства. Затем фуззы появились у Pretty Things, Джеффа Бека и многих других.»

Естественно, что большинство групп гордились своей музыкой и бывали в ярости, когда другие музыканты использовали удачные новшества в своих записях. Воистину, работа для Them крайне тяготила Джимми. И очень скоро, четверка несговорчивых музыкантов из Белфаста, бывших с Ваном Моррисоном была заменена лондонскими «рабочими лошадками». «Группа стала подумывать о выпуске пластинки. Но люди, принимавшие участие в записях прошлых лет, чуть не заменили самого Вана Моррисона. Все были на ножах!», — вспоминал Джимми Пейдж. Сложились неплохие отношения с Kinks: присутствие Джимми и его игра на ритм-гитаре высвободила Рэя Дэйвиса, который носился по студии, руководя и продюсируя. Однако, впоследствии, Kinks были встревожены слухами о том, что Джимми Пейдж якобы назвал себя автором композиций с использованием фузза, таких как “All Day and All of the Night” and “You Really Got Me”. Они почувствовали, что Джимми нарушил договор молчания, раздавая интервью прессе и высказывая, на их взгляд ложные утверждения.

Ведя жизнь хорошо оплачиваемого наймита в студии, музыкант вдруг вернулся в Ипсом однажды вечером (друзья натолкнули Джимми на мысль, что просто неприлично вот так сразу удаляться и бросать своих родителей). И он опять вернулся к своей любимой роли начинающего блюзмена, озвучивая пластинки и изучая гитарные соло. В конце января 1965 года он играл, объединив, наконец две вещи — студию и блюз. Впервые Санни Бой Вильямсон приехал в Англию в 1963 году на турне, организованного в рамках фестиваля американского фолк-блюза. Он вернулся на следующий год, записываясь с авангардными английскими группами Yardbirds и Animals (музыканты которых побаивались этого большого неординарного блюзмена). Да и в Хелене (штат Арканзас), где Санни Бой жил, даже местные музыканты относились к нему с почтением. Санни Бой был 6 футов 2 дюймов ростом и по свидетельствам очевидцев — неуравновешен и скор на расправу.)

В сходившей с ума по блюзу Англии, карьера Санни Боя взлетела наверх. Он отправился к лондонскому портному, заказав

свои варианты галантерейной атрибутики, появляясь на концертах в двуцветных с тонкими полосками костюмах и котелке, делая мучительные поклоны. Обладая обычным для блюзмена хорошим аппетитом к виски, он обычно выступал пьяным. Однажды, во время визита в Бирмингем, Санни Бой поджег номер в отеле при попытке поджарить кролика в электрокофейнике. И если даже молодые британские блюзмены, игравшие с Вильямсоном, находили его просто опасным — значит так оно и вправду было. Санни Бой был посвящен в тайну Роберта Джонсона его пасынком Робертом Локвудом. Музыкант всей своей жизнью был тесно связан с солнечным примитивным блюзом 30-х годов. Сейшен, объединившая Санни Боя Вильямсона и Джимми Пейджа была организована Джорджио Гомельским — менеджером Yardbirds. Там же присутствовали органист Брайан Огер, барабанщик Мик Уоллер и некоторые другие музыканты. Санни Бой вломился в студию, с треском откупорил бутылку виски, небрежно кивнул преисполненным благоговения молодым музыкантам и прорепетировав только один раз — моментально сделал запись. Джимми играл соло в песнях “I See a Man Downstairs” and “Little Girl”, все же остальное было сделано при помощи гармоники с усилителем Санни Боя. При записи царил настоящий хаос — Санни Бой набрал музыкантов, раздумывающих над длинными паузами и скрытой блюзовой структурой. Казалось, что запись — сплошная импровизация. По иронии судьбы, Вильямсон возвратился домой в Штаты сразу же после записи с Джимми Пейджем. Там он примкнул к группе, исполнявшей белый блюз. Музыканты называли себя Hocks (впоследствии The Band). В разговоре с Робби Робертсоном, Санни Бой дал характеристику английским музыкантам, игравшим с ним, назвав музыку Yardbirds и прочих неумелой. На следующий год в мае Санни Бой Вильямсон скончался.

Год 1965-й был удачен для свингующего Лондона. Пиво стоило 3 шиллинга за пинту, а на улицах можно было увидеть массу микроавтомобилей и девушек в мини-юбках. Чем-то новым повеяло в воздухе. Многие пытались извлечь выгоду из поп-взрыва — новые искусство, музыка, стиль — все это как-то сразу ворвалось в Лондон. И наконец, Битлз достигли пика своего величия и популярности. Они не хотели больше выступать в небольших залах. В то же время Роллинги покинули “Marquee” и другие клубы, начав деятельность в провинциальных театрах, а затем — уехали на гастроли по США. Самой крутой и громкой группой Лондона стала Yardbirds со своим резвым ритм-энд-блюзом и заводным молодым гитаристом Эриком Клэптоном. Козырной туз сейшена — Джимми Пейдж (частично из-за своей

дружбы с Клэптоном, частично для того, чтобы произвести наибольший эффект в городе) появлялся с группой во время концертов в Лондоне.

Yardbirds образовалась в районе Ричмонда — Кингстона под влиянием Rolling Stones. Ритм-гитарист — Крис Дрейя и певец Кейт Релф были выпускниками художественных колледжей запада Лондона. К ним присоединились бас-гитарист Пол Самвелл-Смит и барабанщик Джим Маккарти, работавшие вместе в группе Хэмптона Грэма. Поначалу они исполняли акустические блюзы (также как и Metropolis Blues Quartet) по вечерам в “Railway Hotel” г. Норбитона. Но в начале 1963 года они услышали Rolling Stones, поменяли название группы на Yardbirds и включились в работу над классическим ритм-энд-блюзом, чего не делали Роллинги. Они позаимствовали кое-что из Хоулин Вулфа, Джимми Рида и Бо Диддли. В отличии от Стоунз, у Yardbirds был несколько другой подход. Роллинги же были зажаты в тисках своих неподвижных аранжировок. Yardbirds постепенно перешли от классического ритм-энд-блюза к свободной форме солирования и длинным инструментальным композициям, в основном импровизируя, каждый раз выдавая что-то новое. После выпуска первого альбома, Yardbirds последовали примеру Стоунз и начали осваивать мир, выступая каждый вечер в течение двух месяцев кряду, предлагая публике новую манеру исполнения. В отличие от Rolling Stones, Yardbirds оказались не в состоянии трансформировать свой неуемный ритм-энд-блюз хотя бы в один хитовый сингл. В конце 1964 года Джорджио Гомельский решил изменить тактику и сделать чистый поп-сингл при помощи другого композитора, не имеющего ничего общего с ритм-энд-блюзом. Песня называлась “For Your Love” манчестерского поэта Грэма Голдмана (основавшего затем группу 1 ˚CC). Сразу же после выпуска песни в марте 1965 года — она стала мировым хитом. Но ярый приверженец блюза Эрик Клэптон возненавидел песню и саму идею Yardbirds играть другую музыку. После многочисленных извинений он отказался ее играть, а затем вообще покинул группу.

Даже до того, как Эрик Клэптон ушел из Yardbirds, Гомельский попросил Джимми Пейджа взять на себя соло-гитару. Пейдж немедленно принял предложение. Честно говоря, он не хотел склоки между профессионалами вокруг Yardbirds, не хотел навредить и дружбе с Эриком Клэптоном. Поэтому Джимми пригласил в группу другого классного гитариста — Джеффа Бека. Остальные музыканты никогда раньше и не слышали о таком.

За истекший год, Бек превратился в одного из самых крутых музыкантов Лондона, покинув танцевальную команду,

именуемую Tridents. Джефф был настолько беден, что не мог позволить себе покупку простых гитарных струн. Джимми убедил всех, что Бек — именно то, что необходимо для Yardbirds. Наконец, работа предложена и Джефф пришел в группу в марте 1965 года. Ощущать себя на месте Эрика Клэптона в преуспевающей группе было страшновато. Гомельский отвел парня в дорогую парикмахерскую для создания имиджа и купил ему в магазине на Карнаби Стрит яркую одежду для выступлений. И Бек приступил к работе, изобретя новую хореографию с гитарой. Он играл, заложив ее за голову, сжигая усилители, конвульсивно дергаясь, используя психоделические эффекты, заимствованные потом многими группами. Не имея сильных внешних эффектов, которыми обладала группа Мика Джаггера, Yardbirds выставляли своего гитариста как визитную карточку на передний план и скоро превратились в лабораторию по изготовлению гитарных шоу, доминировавшими в прогрессивной рок-музыке тех лет. Для поддержки следующей своей пластинки “Heart Full of Soul” Yardbirds отправились в Америку в июне 1965 года. Перед отъездом из Англии, Джефф появился на пороге дома Пейджей и подарил Джимми редкую гитару “Telecaster” выпуска 1958 года. «Она твоя», — заявил Бек.

Между тем Джимми изучал искусство звукозаписи, работая с молодыми инженерами Глином Джонсом и Эдди Крамером. Вскорости, Эндрю Олдхэм — менеджер Стоунз пригласил Джимми в качестве штатного продюсера в престижную студию “Immediate Records”. Здесь работа Пейджа предполагала взаимодействие с неизвестными группами, певцом Крисом Фарлоу и немецкой эстрадной певицей Нико, которая затем переместилась в Нью-Йорк, наигрывая на фисгармонии в группе Velvet Underground. Помимо этого, Джимми продюсировал 4 композиции для господствующей в то время английской блюз группе — John Mayall Bluesbreakers с Эриком Клэптоном на соло-гитаре. С Клэптоном и Джеффом Джимми записал серию блюзов, используя репертуар Элмора Джеймса. Клэптон и Бек думали, что лишь репетируют, но когда позже “Immediate” выпустила записи под названием «Архив британского блюза», то были возмущены, обвинив Джимми в дружеской измене. В конце 1965 года Пейдж выпустил собственный первый сингл “She Just Satisfies” на лейбле “Fontana”. Сингл имел фузз, кинксовскую манеру игры на гитаре, бессмысленную лирику, да и вокальные данные музыканта оставляли желать лучшего. Джимми играл на всех инструментах сам, за исключением барабанщика Бобби Грэма — ветерана многочисленных сейшенов. Вторая сторона была удачнее. “Keep Moving” представляла собой вариант тяжелой британской ритм-

энд-блюзовой инструменталки с хорошей блюзовой оведаббинговой гармоникой Джимми и копией клэптонской соло-гитары образца 1965 года. Но такой ход не стал козырным.

К началу 1966 года Джимми участвует в сотнях лондонских сейшенов. Этот мудрый работник мира поп-музыки постоянно добивался успеха, тогда как большинство из поколения английских музыкантов той эпохи трудились в группах в поисках славы (особенно в Америке), но как правило, зарабатывали очень мало денег. Вдали от мира лондонских студий звукозаписи, Джимми Пейдж был неизвестен. Он отправился в Лос-Анджелес, где познакомился с Byrds и Buffalo Springfield. Кто знает — может и у него будут собственные музыканты. Чтобы удержаться от множества соблазнительных сейшенов, Джимми приступил к экспериментальной работе с новой техникой.

На одном из концертов в 1966 году неизвестный скрипач спросил Пейджа — пробовал ли тот водить смычком по струнам гитары. Джимми попросил смычок и попытался. “Gibson Black Beauty” выдавала звуки электроволынки, производимые бас струной и неземные, острые и тонкие — квинтой. Гриф гитары — без изгиба, так что можно играть только на двух струнах, но когда Джимми водил смычком сразу по всем шести — дикие вопли и блеянье вперемешку с шумом вырывались из усилителя. Воистину, это было уникальное изобретение и Джимми Пейдж немедленно взял его на вооружение. Совпадением является тот факт, что гитарист по имени Эдди Филлипс с английской группой Creation (Рон Вуд на бас гитаре) уже вовсю применял смычок для электрогитары в лондонских клубах.

Молодой Пейдж сильно утомлялся на студийной работе. Последней каплей, переполнившей чашу терпения была сейшен, которую он организовал для французской звезды Джони Холидей. Одному писателю он бросил: «Я постепенно становился таким человеком, которых сам же и ненавидел”… Весной 1966 года пришло спасение в виде еще одного приглашения присоединиться к Yardbirds. И на этот раз Джимми Пейдж не отказался. К тому времени Бек уже находился с Yardbirds около года, полного взлетов и падений. Группа гастролировала по Америке и Джефф потряс американских тинэйджеров сексуальными позами и нервной манерой игры. Находясь под опекой Джорджио Гомельского можно было вытворять все, что угодно. После шоу в Мемфисе, Гомельский позвонил Сэму Филипсу — легендарному продюсеру, впервые записавшего Элвиса, Джерри Ли Льюиса и других бонз рок-н-ролла. Гомельский выпросил студийное время, а позже самолично разговаривал с Филипсом и упросил его руководить сейшеном, на котором Yardbirds дебютировали с

песней “Train Kept A Rollin’” — возможно самым большим достижением группы. Затем, музыканты записали “Shapes of Things” and “I am a Man” в чикагской студии “Chess”. Растущая популярность Yardbirds заставила Бо Дидли и его последователей, записывающихся на этой студии, забрать кое-какие свои «царственные» вещи после отъезда группы.

Но Джефф становился все более замкнутым и разочарованным. Темпераментный, суетливый, ранимый, с ужасными головными болями от перенесенного в детстве несчастного случая, он мог играть воодушевленно и четко один день, а потом — рассеяно и неритмично на последующих трех концертах. Он встретил девушку по имени Мэри Хьюз в Лос-Анджелесе — американской цитадели Yardbirds и совершенно случайно пропустил концерты, находясь у женщины. Yardbirds оказывали сильное воздействие на новые группы Калифорнии своей громкой, тягучей, трансовой блюзовой музыкой. Что же касается Джеффа, то он стал нудным и постепенно терял интерес к происходящему. Наконец, устал и Гомельский, продав Yardbirds Саймону Напье-Беллу — лондонскому рекламному магнату, который умел завоевывать умы и сердца музыкантов, рассказывая им о возможностях получения преимуществ перед «королями» посредством оборудованной определенным образом студии звукозаписи. Такого музыканты еще никогда не слышали.

До начала 1966 года Джефф Бек пытался убедить Пейджа в необходимости примкнуть к Yardbirds и тогда вместе на пару они смогут играть на соло-гитарах. Бек считал, что комбинация из двух «крутых» психоделических гитаристов будет иметь оглушающий успех. Лишь в этом случае он намеревался вложить всю душу в группу. К апрелю вся музыкальная пресса была полна слухов о том, что Джимми Пейдж собирается играть с Yardbirds и музыкант вскоре подтвердил это. Тогда же он аккомпанировал певцу Яну Виткомбу. Джимми намеревался заменить и Бека, указывая, что последний просто перегорел в Америке. Джимми обучал Виткомба различным элементам сейшена («добрая душа» — отзывался о Пейдже певец). Бас гитарист группы — организатор многих сейшенов представился Джоном Полом Джонсом …

К этому времени Пол-Самвел Смит являлся уже музыкальным директором Yardbirds и именно он продюсировал новый сингл группы “Over Under Sideways Down”. Партия гитары была услужливо подсунута Джеффу Беку Саймоном Напье-Беллом. Самвел Смит также перегорел. Он с отвращением относился к бездействию Yardbirds и хотел только выпускать пластинки. В мае 1966 года в группе царило сильное напряжение. Однажды

вечером Джимми с Джеффом отправились в Оксфорд для показательного выступления в “May Ball” — шоу, ежегодно организуемого первокурсниками университета. На этот раз были приглашены Yardbirds и Hollies. Как только два гитариста появились за авансценой, они увидели сгорбившегося и пьяно покачивающегося Кейта Релфа, сообразив, что шоу будет длинным.

Yardbirds начали неплохо, но публика реагировала слабо. Это сильно расстроило Релфа и он попросту напился. За кулисами Релф и певец Hollies — Алан Кларк принялись крушить подносы с едой меткими ударами дзю-до. В итоге Релф сломал все пальцы на одной руке, которые опухли и стали похожими на сосиски. Чтобы залечить переломы Релф отправился в близлежащий бар. Во время второго отделения концерта Кейт стал просто безобразничать. Yardbirds играли свои хиты, а он пердел в микрофон и предлагал нарядным студентам оттрахать самих себя, а затем на карачках ползал по сцене. Поднявшись, он отправился к ударнику, завалился на установку, и наконец — был выведен под руки. Наблюдая за всем этим из зала, Пейдж от души хохотал. В конце концов вернувшегося Релфа привязали к микрофонной стойке и довели таки концерт до конца.

После шоу Пол Самвел-Смит с отвращением покинул группу. Он предложил Крису Дрейя и Джиму Маккарти последовать его примеру, но они отказались. Джимми предложил свои услуги в качестве бас гитариста, пока не найдется замены. Крис Дрейя вспоминает: «Пейдж занимался организацией и участвовал во многих концертах. Он хотел выйти на ровную дорогу. Думаю, что Джимми увидел отличную возможность, поэтому и пришел в группу, которая уже почти приблизилась к успеху. И он выиграл. Пейдж подготовился взять на себя даже роль барабанщика». (Потом, Дрейя нервно добавил: «И черт меня дернул это сказать».)

В июне 1966 года Джимми дебютировал в качестве басиста в лондонском клубе “Marquee”. Поначалу, Саймон Напье-Белл попытался убедить музыкантов группы не брать такого именитого и опытного профессионала. Беку он заявил: «Ты — одаренный гитарист. Взять еще одного такого — чистое безумие». Но Бек и другие настаивали на обратном и Джимми получил место в группе. «Он был счастлив», — говорил Дрейя, — «хотя бас и не его инструмент — довольствовался и этим. Он был просто рад работать в группе … Джимми — сама услужливость и благодарность. Он мог бы сделать для вас все, пока эгоизм не взял верх».

Первое американское турне Джимми с Yardbirds началось в

августе 1966 года. Они выступали в “Whisky” Лос-Анджелеса and “Carousel Ballroom” Сан-Франциско, а также на всем среднем западе и юге. Джимми, находясь в отличном настроении, изящно расстегивал верхнюю пуговицу своего старинного офицерского кителя и прятал длинные черные волосы под американскую военную шляпу времен гражданской войны. Он вооружался «боевым топором» — Телекастером 1958 года, выкрашенного в дневные психоделические цвета. В музыкальном отношении Yardbirds находились в зените славы. Потребность играть была у Джимми даже более ярко выражена, когда он играл на бас гитаре. “Train Kept A Rollin’” и “I’m a Man” постепенно тонули в туманных волынистых вкраплениях гитары Джеффа. Они выступали в памятном шоу на острове Каталина под открытым небом перед отъездом в Сан-Франциско, где в клубе “Carousel Ballroom” состоялось исполнение основных, ключевых вещей. Джефф Бек неожиданно простудился и отказался играть. И группа порешила передать бас гитару Крису Дрейя, а соло — Джимми. В прошлом любое недомогание Бека сулило кризис для всей группы, так как последний являлся непререкаемым авторитетом Yardbirds и фэны попросту не приняли бы концерта без участия этого гитариста. Теперь же, Джимми Пейдж выждал момент и изменил ход событий.

Соединяя «кислый» Телекастер с двумя фендеровскими усилителями, Джимми воспроизвел известные соло Клэптона и Бека из репертуара Yardbirds, а затем ослепил всех своими собственными. Он потряс аудиторию “Carousel” техникой игры, эксцентричным колдовством, океаном всевозможных звуков, которые смешивались с психоделическим освещением зала. В конце вечера, музыканты группы были спокойны, как никогда. У каждого было чувство, что Джефф не задержится в группе и что в дальнейшем Yardbirds будут иметь дело только с Джимми Пейджем.

Но Джефф продолжил работу в группе, которая завершила летнее турне и вернулась домой в старом составе. Крис Дрейя играл на басу, Джефф и Джимми на соло, а Кейт Релф постоянно жаловался на то, что усилители слишком громки. Вернувшись в Англию, Пейдж и Бек часами репетировали в новой «норе» Джимми — доме-корабле в верховьях Темзы, выполненном в викторианском стиле. Два гитариста нота за нотой изучали соло Фредди Кинга — “I Am Going Down”. Старались играть в унисон, добиваясь гармонии и четких звуков. Две соло гитары в рок-группе — блестяще и ново, поэтому музыканты пребывали в уверенности, что за этим последует небывалая коммерческая удача. Гитары были волшебны, выдавая потрясающие,

сиренообразные завывания, которые наполняли атмосферу странными причудливыми обер и контртонами… К сожалению, немногие из этих вещей Yardbirds оказались записаны. Следующий сингл группы — “Happening Ten Years Time Ago” был написан в ожидании Бека, который опоздал к концертам. Единственная композиция, изображавшей буйный полет фантазии Yardbirds называлась “Stroll On”. Она была сделана в конце лета 1966 года вместе с появлением группы в “Blow Up” — криптодокументальном фильме Микеланджело Антониони о лондонской эре свинга. Режиссер решил изобразить группу в клубе, намереваясь пригласить музыкантов Who, которые в заключительной части концерта должны уничтожить свои музыкальные инструменты. Но с Who ничего не вышло и Напье-Белл привлек к фильму Yardbirds. Они и записали несколько оригинальных композиций для звукового оформления фильма, но на прослушивании играли “Train Kept A-Rollin’ “. Все, что хотел услышать Антониони — звучание двух гармоничных соло-гитар в унисон. Правда тут возникли некоторые контрактные проблемы, относившиеся к песне. Кейт Релф немного изменил слова и песня возродилась под названием “Stroll On”. Yardbirds снялись в эпизоде фильма с Джимми на басу в студии неподалеку от Лондона.

Все еще мучимый мыслью о Who, Антониони упрашивал Джеффа разбить свою гитару. Бек отказался: во-первых, он играл на дорогостоящем инструменте, а во-вторых, эта акция принадлежала не ему, а Питеру Тауншенду. (По правде говоря, играя в Америке, легковозбудимый Джефф часто ударял по отказавшим усилителям. Однажды в Нью-Мексико, он прервал шоу, вышвырнув усилитель в открытое окно, находившееся неподалеку от сцены). Но Антониони продолжал настаивать и Беку вручили дешевую гитару. Гнусно ухмыляясь, тот разбил ее вдребезги, и в этот момент камера запечатлела самодовольно улыбавшегося Джимми Пейджа в ореоле длинных волос и «баков».

В сентябре Yardbirds с двумя соло гитаристами отправились в турне со Стоунз, Айком и Тиной Тернер, Jay Walkers с вокалистом Терри Рейдом. Вечерами Yardbirds блистали и соревнование между двумя гитаристами экстра класса было в самом разгаре. Когда не помогали стереоэффекты и уникальная гармония гитар — музыканты во всем обвиняли Бека. Умудренный опытом Джимми Пейдж, каждый концерт проводил с блеском и скоро стал затмевать Джеффа во время гастролей.

Всем стало понятно, что дни Джеффа Бека в группе сочтены, так как он уже работал с Микки Мостом — опытнейшим

продюсером синглов, который в то время восторгался Донованом и Herman's Hermits. Пока Бек не научился петь и чувствовать себя раскованно в других группах, Мост заангажировал его в качестве соло-инструменталиста и организовал концерт еще до ухода Джеффа из Yardbirds. Концерт этот состоялся за два года до образования Лед Зеппелин. Возникла мысль переделать «Болеро» Равеля для рок-гитары. Организатором явился Джимми Пейдж, игравший на 12-струнной гитаре, Мики Хопкинс — на фоно, плюс — ритм-секцию барабана исполнял Кейт Мун, а на бас гитаре был Джон Энтвистл (двое последних устали от дрязг, происходивших в Who). В последний момент у Энтвистла что-то сорвалось и на его место Микки Мост пригласил молодого Джона Пола Джонса. «Болеро» Бека было записано в студии "IBC" на Лэндхэм Плейс. Полоумный Мун в огромной казачьей шапке схитрил, так как ему больше не позволялось играть без Who ни под каким предлогом.

Создание «Болеро» Бека оказалось настолько серьезным делом, что даже поговаривали о создании новой группы. Кейт Мун и Джон Пол Джонс были к этому готовы, Пейдж и Бек заинтересованы, но необходим вокалист. Были приглашены Стив Винвуд (тогда собиравшийся создать Traffic) и Стив Мэрриот из Small Faces. План рухнул, когда у Джимми поинтересовались — а сумеет ли он играть со сломанными пальцами (Пейдж нагрубил Мэрриоту и его менеджеру, а они обиделись). Именно тогда погиб в зародыше первый прототип Лед Зеппелин.

В октябре Yardbirds предприняли попытку 5-недельных гастролей по США, присоединившись к Каравану Звезд Дика Кларка. Гастроли были ужасными. После трехдневной поездки на автобусе, играя по 2 концерта на день, сломался Джефф Бек. В сердцах он пнул ногой стойку с усилителями, разбил вдребезги гитару и купил билет на ближайший авиарейс в Лос-Анджелес. Yardbirds остались вчетвером. По прибытии группы в Лос-Анджелес, Джефф принес свои извинения, но на собрании группы — трое из четырех участников отказались когда-либо еще играть с Беком. Перед отъездом он предложил Джимми уехать вместе. На что тот отреагировал: «Нет. Я собираюсь остаться». После ухода Джеффа, группа стала полностью принадлежать Джимми. Мнения разделились по поводу того, кто был ответственен за происшедшее. «Все это очень обидно», — сказал он одному журналисту. «Были и склоки, но я не хотел быть частью всего этого … Мы были очень близки. Странная профессиональная ревность встала между нами и я до сих пор не могу понять — почему».

В то время как Yardbirds с огромными усилиями и напряжение завершали турне Дика Кларка, Напье-Белл продал

свою часть акций группы Микки Мосту и его партнеру Питеру Гранту. Мост в основном интересовался Джеффом Беком, тогда как Грант — ветеран британских музыкальных войн, сделал ставку на Yardbirds. Перед отъездом Напье-Белл посоветовал Гранту приглядывать за Джимми Пейджем, так как подозревал, что часть заработков группы присваивается музыкантом. Грант вспоминал: «Он сказал мне, что группа хороша, но нужно найти нового гитариста ибо Джимми Пейдж приносит лишь несчастья. Встретив Джимми, я сообщил ему об этом заявлении». «Приношу несчастья!», — воскликнул он. «Пять недель мы делали фильм “Blow Up” в Америке и занимались организацией турне Стоунз по Британии, получив за это всего по 118 фунтов». «Я промолчал».

Скоро после покупки контракта, Грант повез Yardbirds в Австралию и Сингапур. В отличии от других менеджеров, Грант всегда находился рядом и переносил все невзгоды вместе с музыкантами. Джимми нравилось это, а также гангстерские манеры Гранта. Его огромные размеры устрашали любого, пытавшегося манипулировать с группой. После многих лет отсутствия должного управления, это было первое турне, когда группа смогла заработать хоть немного денег. После Австралии, Джимми вылетел в Индию, где изучал карнатическую музыку. В одиночку он появился в Бомбее на побережье Аравийского моря в три часа утра, имея с собой лишь спортивную сумку через плечо. Пейдж проводил все время на улицах, слушая странствующих музыкантов.

Микки Мост — наиболее удачливый менеджер (продюсер) Англии 1967 года. Казалось, что именно он будет идеален для Yardbirds. Три его детища — Herman’s Hermits, Lulu и Donovan имели громкую мировую славу. Но Джимми Пейдж вел себя неспокойно. Во время поездок по Калифорнии последний слышал, как группы Пола Баттерфилда из Сан-Франциско углублялись в инструментальную импровизацию. Косная традиция 3-минутного сингла (специализация Моста) постепенно отмирала. Джимми хотел ввергнуть Yardbirds в неисследованную еще психоделическую музыку, а не просто выпускать шлягеры для малолеток.

Питер Грант как раз и явился средством для достижения цели. Родившись в 1935 году, он столкнулся поистине с диккенсовскими трудностями жизни: разрушенный дом, эвакуация во время войны, отсутствие образования. К 13 годам Питер становится рабочим сцены в театре “Croydon Empire”. Работал посыльным на Флит Стрит, бегая с проявленной мокрой пленкой. Массивный, с тяжелым взглядом, он работал вышибалой в ночном клубе, актером массовки в фильме «Ружья Наваррона»,

дублером Роберта Морли в фильмах и занимался борьбой, как принц Марио Алассио. Будучи воспитанником улицы, которая привила ему уникальное чутье на деньги и умение их зарабатывать. К концу 50-х, Питер был уже довольно известным британским менеджером американских рокеров, таких как Литтл Ричард, Джин Винсент и Эверли Бразерз. Легенда, ходившая в музыкальных кругах Англии гласила, что Грант избил импрессарио, пытавшегося надавить на Литтл Ричарда после концерта, а затем — отдубасил и шестерых полицейских, прибывших для наведения порядка. К середине 60-х Грант разъезжал по США в качестве тур-менеджера Animals — одного из творений Микки Моста. После нескольких стычек с Animals стало известно, что у Питера есть оружие. Неукротимый и неустрашимый, он был полной противоположностью молчаливому, скрытному Джимми Пейджу, который просто хотел играть на гитаре для раскованных американских ребят, путешествовать, зарабатывать миллионы фунтов, спокойно читать Алистера Кроули, творить магические заклинания или что-нибудь в этом роде. К моменту встречи Пейджа и Гранта, конец Yardbirds был предрешен.

Как известно, контракты должны выполняться и Микки Мост пригласил группу в студию. Джимми хотел записываться как ведущий музыкант, воодушевленный вновь образованными революционными группами. Эрик Клэптон, Джек Брюс и барабанщик Джинджер Бейкер основали Cream, чтобы играть смелые, быстрые электроверсии Роберта Джонсона и Скипа Джеймса. Cream стала наиболее популярной группой Англии. Стив Винвуд создал Traffic и записал рок-сагу под названием “Paper Sun”, а команды новейшего толка (такие как Move, Soft Machine, Pink Floyd и Free с певцом тинэйджером Полом Роджерсом) совершенствовали свое мастерство в студии. В воздухе витали слухи о новом шедевре Битлз “Sergeant Pepper’s Lonely Hearts Club Band”. Пейдж был шокирован, когда Yardbirds подверглись давлению со стороны Микки Моста. Джимми вспоминал: «Мы даже не могли прослушать собственные записи на студии. А ведь некоторые из них проигрывались впервые. Нам надо было работать и работать над синглами, но Микки думал, что альбомы ничего из себя не представляют … ну — посредственность на фоне хитов». Когда Джимми попросил новую запись на прослушивание — Мост парировал: «Не беспокойся об этом». Другие участники группы даже и не были приглашены играть. К Джимми присоединились аранжировщик Моста — Джон Пол Джонс на бас гитаре и другие музыканты. Результатом явился грустный, с демоническим оттенком цикл песен

неизвестных композиторов. Среди выдающихся вещей — “Little Games”, у которой была отличная витиеватая партия виолончели, исполненная Джоном Полом Джонсом, “White Summer” — карнатический мадригал — концертное соло Джимми, “Tinker, Taylor, Soldier, Sailor” и “Glimpses” — обе вещи отражали странную технику Джимми владения смычком и эта музыка впервые попала на пластинки. “Glimpses” — пример смешанных медиумных концертных представлений, психоделия со зловещим пением, фрагментами игры на ситар, звучанием смычка на струнах гитары и невнятными голосами. Помимо этого Yardbirds записывались на студии “CBS” Нью-Йорка. Пара таких записей — “Think About It” и “Goodnight Sweet Josephine” были выпущены группой в начале 1968 года и именно они явились последними синглами ансамбля. В “Think About It” есть зажигательное соло на гитаре Джимми Пейджа, осложненное металлическим перебором и эхом, которое затем трансформируется в ключевое соло. Таким образом, впоследствии возникнет версия “Dazed and Confused”.

Дома в Англии, группы Эрика Клэптона Cream и Джими Хендрикса Experience являлись лидирующими, а Yardbirds игнорировались. Все же “Little Games” стала хитом в Америке, хотя фактически она вышла в свет лишь в 1967 году. В марте фильм “Blow Up” попал в прокат и блистательный эпизод с участием музыкантов превратил их в звезд андеграунда. В то время, как Кейт ежедневно потчевал себя ЛСД, Джимми заботился о делах и давал интервью таким молодежным журналам как “Hit Parader”. Появились подзаголовки типа — «Джимми Пейдж из Yardbirds говорит — «открой свои мысли»». После комментариев о карнатической музыке, Клэптоне и Беке, индийской музыке и своих гитарах, Джимми излагает свою философию хиппи: «Я концентрируюсь не только на одежде. Вообще-то, я рад видеть людей, разгуливающих в вызывающих вещах. Они сбрасывают оковы, надетые на них обществом. Практически, это все создано декадентской Англией, ну и что из этого. Оно является предсказанием конца общества и мира. Не моя забота, так как лично мне не дожить до Апокалипсиса. Если мы проживем ближайшие 5 лет, то быть может и последующие 5. Хотел бы, чтобы новое поколение людей было миролюбивым, но вряд ли это случится, потому что пока только насилие дает ответ на все проблемы. Каждое отдельно взятое общество должно на собственном опыте осознать это. Мы ходим с длинными волосами, выкрикиваем что-то, отвечаем друг другу, а незначительный укол вызывает стычки. Что за вид чувственности!» Джимми закончил интервью резкими выпадами против войны во Вьетнаме и выразил глубокое восхищение

Голливудом, особенно “Sunset Strip”.

Большинство участников Yardbirds перегорели, стали принимать наркотики, но весь год Питер Грант умудрялся держать музыкантов в руках. В апреле — турне по Скандинавии, потом — шоу в Японии и Франции, сопровождавшиеся психоделией, кадрами со взрывами бомб и поездов, а также старой кинохроникой Гитлера, использованием труппы танцоров “Pans People”. Для Релфа и Маккарти это кривлянье представлялось просто шуткой. Но Джимми был свеж, он наслаждался своим приоритетом, играя в одеянии прерафаэлитского денди, с длинными волосами, в вельветовых брюках с бахромой, украшенными оборками, кружевных рубашках, шелковых кафтанах, куртках из лосиной кожи, ковбойских сапогах и шотландских накидках. Музыканты играли на открытых площадках на Юге, а также в танцевальных залах хиппи, таких как чикагских “Boston Tea Party” и “Kinetic Circus”. Джимми с готовностью принял предложение “Plaster Casters” — основного центра городских группи, которые делали слепки стоявших членов рок-звезд, проезжавших через город. Благодаря Питеру Гранту, который мог вздрючить любого, Yardbirds наконец-то стали делать деньги. Как-то Грант затащил музыкантов в местный клуб мафии просто поразвлечься. Было и происшествие в луна-парке Уорвика (Род-Айленд), где остановился автобус с Yardbirds. Два итальянца запрыгнули в автобус, вытащили свои пистолеты и принялись угрожать музыкантам смертью. Но тут поднялся Грант и начал теснить хулиганов к выходу своим гороподобным животом, восклицая: «Чо вы хотите сделать!» … Трагедии не произошло и шоу набирало обороты.

В один из трех вечеров, проведенных в Нью-Йорке, музыканты отправились в “A Go Go” кафе, чтобы услышать выступление Дженниса Яна и его известный хит “Society’s Child”. Но все были удивлены фолк-певцом Джейком Холмсом, сопровождаемого двумя акустическими гитаристами. Одна из его песен “Dazed and Confused” имела мрачную нисходящую гамму и нервную параноидальную лирику. Исполняемая Холмсом и его гитаристами, песня обладала ударным ритуальным соло (почти как у фламенко) и мелодия растворялась в тягучем гитарном звучании. “Dazed and Confused” — согласилась группа — великолепный номер, полный драматизма, пугающий и захватывающий. На следующее утро музыканты приобрели вновь вышедший альбом “The Underground Sound of Jake Holmes” и приступили к переработке сингла. Кейт Релф переписал слова, а Джимми наложил партию яростной гитары из “Think About It”.

Назвав версию “I Am Confused” они уже играли ее в декабре на представлении группы Young Rascals в старом нью-йоркском “Maddison Square Garden”.

В начале 1968 года Питер Грант предпринял последнее турне Yardbirds по США. В группе намечался раскол между фракциями хиппи (Релф и Маккарти) и серьезными профессионалами (Пейдж и Грант). Крис Дрейя находился посередине. Релф всегда смеялся над идеей Джимми о том, что шоу должно продолжаться и на одном из собраний группы он горько заметил Пейджу, что для него вся магия закончилась с уходом Эрика Клэптона.

В конце января 1968 года Yardbirds вернулись в Америку для проведения концертов в колледжах и психоделических танцзалах, которые обеспечивали основную аудиторию новому «прогрессивному року», пришедшему на смену рок-н-роллу. Каждый большой город имел одну или более радиостанцию FM, вещавших рок круглосуточно. Их подходы сильно контрастировали с поп-музыкальными установками BBC католической Англии. Поддерживаемая таблетками, уколами и наркотиками, Yardbirds готовилась завоевать свое место под солнцем. Организатор турне — Ричард Коул — англичанин, недавно нанятый Питером Грантом. 22-летний, ростом 6 футов и 2 дюйма, с золотой серьгой в ухе, Коул стал стимулятором восхождения Лед Зеппелин к вершине. Со временем, его манерничанье с группой создало славу Ричарду Коулу — тур-менеджеру, испытанному рок солдату.

Коул родился на востоке Лондона в 1945 году. Он начал свою карьеру плотником, но однажды в 1965 году в пабе ему предложили сопровождать английскую группу Unit Four Plus Two. В 1966 году он зарабатывал 20 фунтов в неделю, занимаясь транспортировкой Who до тех пор, пока водительские права не отобрали за превышение скорости. Затем, Коул работал на Searchers и жил на юге Франции. По ночам он спал в пикапе, принадлежавшем английской группе Paramounts, которая впоследствии сменила название на Procol Harrum. Невысокий застенчивый пианист по имени Ред Дуайт находился тут же. Скоро он возьмет себе псевдоним — Элтон Джон. Следующая работа Коула — водитель автомобиля группы Ronny Jones and Night Timers с Джоном Полом Джонсом на бас гитаре и Джоном Маклафлином на соло. В конце 1966 года Ричард приступил к работе с группой New Vaudeville Band, создавшей хит “Winchester Cathedral”. Эта команда, наконец-то, выполнила страстное желание Коула посетить Америку. Он говорит: «Мечта любого, особенно, если ты тур-менеджер, побывать в Америке. Обычно, английских сопроводителей оставляют дома, а там набирают

новых людей. Обычно! Я охуенно переделал всю систему, послав недовольных к ебеней матери … Можно взять собственное оборудование, привычное для музыкантов». Менеджером New Vaudeville Band являлся Питер Грант. Однажды, Ричард отправился подыскивать работу на Оксфорд Стрит и Грант предложил ему 25 фунтов в неделю. «Пошел ты на хуй. 30 и точка.» Грант оглядел высокого мускулистого Ричарда и оценив по достоинству эту более привлекательную и менее гигантскую копию самого себя, объявил о согласии. Коул работал на Гранта и Лед Зеппелин все последующие тринадцать лет.

Ричард оставался с New Vaudeville Band до конца того года. Однажды вечером в Бирмингеме молодой местный барабанщик, только что купивший набор инструментов, попросил Коула пристроить его ударником в группу. Посочувствовав 16-летнему Джону Хенри Боннэму, Ричард согласился. После этого Коул переехал в Америку и стал работать с Vanilla Fudge в качестве звукоинженера за сто долларов в неделю, разъезжая с хитом — более легкой версией группы Supremes — “You Keep Me Hanging On”. Услышав, что Yardbirds возвращается в Америку, он написал Питеру Гранту, где просил место тур-менеджера и сразу же получил его. В течение месяца Ричард таскал упрямых и несговорчивых Yardbirds по Америке. Коул был так же крут как и Грант. Он брал на себя физическую защиту музыкантов, наводя страх на нечестных владельцев клубов и избивая агрессивных просителей автографов. Он знал всех группи в разных городах и мог сказать тоскующему по дому ударнику по прибытию в маленький городишко на среднем западе, что знает девчонку, которая без ума от английских барабанщиков. Настоящая наседка и сводня для музыкантов, отличный парень — Ричард Коул был искренне любим группами, в которых работал. Тур-менеджер являлся бойцом — большой, грубый — настоящий лидер, англо-ирландский пират, чувствовавший себя везде как дома.

Yardbirds прибыли в Нью-Йорк в апреле 1968 года на годовщину театра “Anderson” — грязного рок-дворца в двух кварталах от “Fillmore East”. Стояла мерзкая гнетущая ночь и группа опоздала в Лос-Анджелес — вторую родину группы. Все возмутились, когда штатный продюсер “Epic” — американской компании звукозаписи объявил, что собирается записать концерт. Тем не менее, Yardbirds вышли на сцену и открыли шоу песней “Train Kept A-Rollin’ “. “I Am Confused” звучала, как саундтрек к фильму ужасов (это был период расцвета рок-театра Doors) — драматическое представление с игрой Джимми смычком на гитаре, а в конце композиции — ослепительное соло Пейджа. Для “Shapes of Things” Кейт Релф представил Пейджа, назвав его

«Магическими Пальцами» и «Великим Мастером Волшебной Гитары». После представления в индо-кельтском стиле, устроенного Джимми (исполнение песни “White Summer” в индийском стиле на электрогитаре), шоу завершилось хитом “I Am A Man” с беспорядочной игрой Yardbirds, причем Пейдж играл дикое блестящее соло, стоя на коленях. Через несколько дней группа заявилась в “Epic”, чтобы услышать запись концерта. «Это было полное разочарование», — сказал Джимми. «Безобразно сделанная запись человеком, который никогда в своей жизни не имел дела с рок-командой … Один микрофон на всю ударную установку — абсурд. И он неверно записал звучание гитары. Так например, фузз, который дает тягучие звуки, вообще отсутствовал. Хуже того, продюсер вмонтировал сюда шум корриды и звон бьющегося стекла для «оживления» концерта. Yardbirds запретили “Epic” выпускать пластинку.

В то время, когда группа находилась в Нью-Йорке, Ричард Коул связался с Кейтом Муном и Джоном Энтуистлом. Вечером пьяные Мун и Энтуистл проклинали Who, выражали ненависть к Роджеру Долтри и Питу Тауншенду. Музыканты хотели покинуть Who и создать новую группу с Джимми Пейджем и Стивом Винвудом. Энтуистл обратился к Коулу: «Мы назовем ее Лид Зеппелин, который понесется вперед с невъебенной скоростью, как свинцовый снаряд». Мун разразился своим идиотским хохотом, а Ричард Коул рассказал Джимми о проекте сразу же по приезду в отель.

Поздней весной в Англии Yardbirds распались. Кейту и Джиму больше эта музыка не нравилась, они предпочитали мягкие тона Fairport Convention и Incredible String Band. Для них Yardbirds — пройденный этап. «Я старался удержать их», — вспоминал Джимми. «Окруженный различными идиотами, Кейт не принял мои слова всерьез. Он напился и орал песни в общественных местах. Это было обидно. Музыканты почти стыдились названия своей группы, хотя я и не знаю — почему. Мы были хорошей командой. Мне никогда не стыдно признать, что я находился в Yardbirds. Последний концерт группы состоялся в Luton Technical College в июле. На следующий день Питер Грант позвал Джимми, сказав, что Кейт и Джим ушли. Грант также напомнил ему, что у них сохраняются права на название группы и что есть возможность поехать в Скандинавию. Пейдж ответил согласием.

Годы спустя, Крис Дрейя попытался обрисовать роль, которую Джимми Пейдж играл в Yardbirds: «Он очень много работал над созданием и техникой музыки. У него было профессиональное отношение, быстрота в работе, а мы вели себя как дегенераты и

неорганизованная толпа. Мы уставали, а Джимми был свеж и полон энтузиазма … он пытался взять на себя как можно больше … но все это нужно было для одного — создания базиса, платформы для самого себя, и Пейдж пускался в различные опыты, как например — игра смычком на гитаре. Думаю, что Джимми заранее предусмотрел крушение группы. Он хотел продолжать с другими музыкантами … Как Питер Грант, так и Джимми осознали и взвесили потенциал грядущих лет. Yardbirds выступали целых пять лет, когда рок-группы были не так сильно распространены и известны. Менеджер и гитарист все четко спланировали и, как оказалось, были правы». С необдуманной беспечностью, Джим Маккарти добавил: «Самое худшее, что после развала все пошло к черту, не так ли?».

Глава вторая: Восхождение Цеппелина

Мы могли бы назвать себя Овощами или
Картофелем … Что означает Лед
Зеппелин? — Ничего.

— Джимми Пейдж.

Джимми вернулся в пэнгборнский дом-корабль и взвесил все «за» и «против». Вместе с Питером Грантом они решили сохранить название группы. Гитарист думал продолжать играть хард-рок — стиль Yardbirds. Турне по Скандинавии стало только началом. В дальнейшем предполагалось нанести визиты в Японию, Австралию и, конечно же, Америку. Но под влиянием изменчивого течения жизни, вкусы Джимми заметно смягчились. Пришло увлечение фолком — группами типа Pentangle, Incredible String Band и Joni Mitchell. Должна быть, по его мнению, золотая середина между легкой и тяжелой музыкой. К лету 1968 года ничто не могло выгодно отличить английские группы «второй» волны от «первой». В конце июля отклики на творчество группы Джеффа Бека доказали как Джимми, так и Гранту то, что они должны продолжать работу. После ухода из Yardbirds, Бек полностью свернул свою деятельность на целых 5 месяцев. В марте 1967 года, вдохновленный одной инструментальной ураганной композицией Джими Хендрикса, он организовал первую группу под своим началом с Роном Вудом на басу, Ансли Дунбаром на барабанах и шотландским певцом Родом Стюартом. Первый альбом — “Truth” вышел в июле 1968 года. Бек делал концертный микс классического ритм-энд-блюза Вилли Диксона (“You Shook Me”, “I Ain’t Superstitious”) с модернизированной музыкой Yardbirds (“Shapes of Things”), а также более мягкими песнями типа “Greensleeves”, “Beck’s Bolero” и композицией фолк вокалиста Тима Роуза “Morning Due”. Пластинка “Truth” получилась грубой, чувственной и очень блюзовой. Джефф заставлял гитару лаять собакой и выть мартовским котом. Альбом явился дебютом для хриплого, эмоционального вокального стиля Рода Стюарта, а разгуливание по сцене с микрофоном стало новшеством. Когда Питер Грант и Микки Мост привезли группу в “Fillmore East” Билла Грэма, они заметили большое оживление у входа в зал благодаря былому высокому положению Бека в Yardbirds. Открывала концерт группа Grateful Dead и Род Стюарт,

который был настолько перепуган, что на протяжении первых трех песен просто прятался за усилители. Музыканты Джеффа Бека потрясли публику драматическим «белым» блюзом.

Дома Джимми почти никогда не дотрагивался до электрогитары, предпочитая играть на акустической. Но он и Грант знали, что должны идти той дорогой, где можно найти деньги и путь этот — исполнение тяжелой музыки в Америке. Наиболее «коммерческой» группой оставалась Iron Butterfly, чей альбом “In-A-Gadda-Da-Vida” состоял из пробных протяжных блюзовых звуков и находился в чартсах долгие годы. Другой наиболее крупной стала группа Vanilla Fudge, которая играла что-то вроде легкого альтернативного белого блюза с мягкими, мене ударными интонациями.

Были и другие причины для Пейджа и Гранта считать, что новая супергруппа должна быть успешно сконструирована. В августе 1968 года после выпуска трех удачных пластинок, Cream распался. Казалось, что Джефф Бек почувствует для себя опасность. Радиостанции FM, транслировавшие новый прогрессивный рок и которые так любил Джимми, отчаялись и перешли на британский блюз. Но Питер Грант знал истинное положение вещей. У Бека постоянно менялся состав. Род Стюарт и Рон Вуд похихикивали, как школьники и Бек оказался вне игры. Не важно, как артисты выглядят на сцене — важно, чтобы чувствовалась взаимосвязь. Если этого не происходит — группа обречена на провал.

Джимми настаивал на том, чтобы будущее творение было самостоятельным, независимым в финансовом и артистическом плане. Он был свидетелем падения Yardbirds и единственной причиной этого был плохой менеджмент. Джимми Пейдж больше не желал, чтобы им манипулировали. В начале сентября он и Питер Грант основали новую компанию, иронично названную “Superhipe Music Inc.”, которая освободила их от дальнейших обязательств записываться по указке Микки Моста. Но уже через месяц Yardbirds пришлось выполнить контрактные условия и отправиться в краткосрочное турне по Скандинавии. Перед Джимми стояла задача поиска музыкантов. Есть бас гитарист Крис Дрейя. Если бы Джимми мог выбирать, то состав пополнился бы вокалистом Терри Рейдом и барабанщиком Б.Дж. Вилсоном, находившегося тогда в Procol Harrum. Вилсон участвовал в сейшене 1968 года, когда Джимми играл для Джо Коккера (концерт “With A Little Help From My Friends”), который проявил интерес к вновь образующейся группе Пейджа (о ней ходило много слухов). Джимми колебался. В его группе ключевым должен быть ударник, который почти приравнивался к соло

гитаре. К великому сожалению Терри Рейда — он только что подписал контракт с Микки Мостом. Именно этот факт помешал его участию в New Yardbirds.

Другим музыкантом, которого интересовали планы Джимми был Джон Пол Джонс — басист и аранжировщик (он уже играл с Пейджем в ряде сейшенов, начиная с 1965 года). Еще до развала Yardbirds Джимми неплохо отзывался о нем: «Я работал на концертах для Донована, а Джон Пол Джонс следил за музыкальными аранжировками. Во время перерыва он поинтересовался — не нужен ли мне басист в группу. Джонс беспрекословно считался блестящим аранжировщиком и музыкантом. Ему не нужно было искать работу. Я просто мог помочь ему самовыразиться, а он считал, что нам лучше работать вместе … У Джона была отличная музыкальная подготовка и великолепные идеи. И я воспользовался случаем для приглашения».

Его настоящее имя — Джон Болдвин. Он родился 3 января 1946 года в Сидкапе (графство Кент). Родители Джона занимались разными видами бизнеса. В возрасте двух лет он уже занимался музыкой. Его отец подрабатывал на пианино в немых фильмах и Джон сам начал играть с 6 лет. Позже, Джонс с отцом стали обладателями пианино — бас-дуо и выступали в охотничьих клубах, барах и на вечеринках.

Летом они отправлялись в “Isle of White Yacht Club”. Джон получил свою первую бас гитару в возрасте 13 лет. Подарил ее отец и только после вступления в группу. Да и не мог Джон возить пианино в грузовике. Отец советовал: «Это не дело. Купи-ка лучше саксофон-тенор. Через 2 года никто и не вспомнит о бас гитаре.» Я ответил: «Нет папа, я хочу приобрести именно ее, да и работа нашлась». Тогда, глава семейства немедленно купил гитару. Джонс жил в школе-пансионе — «Колледж Христа». Тогда же он и создал свою первую группу. Парень находился под огромным влиянием джазовых басистов Чарльза Мингуса и Скотта Ла Фаро, игравшим с Биллом Эвансом. Однажды по радио он услышал соло на басу в исполнении Фила Апчерча в песне “You Can’t Sit Down” … Бас может быть!!! соло инструментом в рок-музыке, что уже доказал Мингус в джазе.

К моменту своего 16-летия, Джон Болдвин уже имел группу, выступавшую на американских военных базах южного побережья Англии. По вечерам громадные чернокожие сержанты просили сыграть “Night Train”. В следующем 1962 году Джонс окончил школу и получил свою первую работу с Тони Харрисом и Тони Михэном, которые только что покинули Shadows. Михэн имел сингл “Diamonds” (где Джимми играл на гитаре). В 17 лет ему

предложили работу басиста. На ритм-гитаре играл Джон Маклафлин — лучший гитарист Англии того времени. Сотрудничество продолжалось 18 месяцев и постепенно Джон Болдвин стал появляться в студиях со своей бас гитарой. В 1964 году в возрасте 18-ти лет он взял псевдоним Джона Пола Джонса и выпустил свою первую запись — инструментальную композицию под названием “Baja”. Вторая сторона сорокапятки включала оригинальное произведение “A Foggy Day In Vietnam”.

К 1965 году Джон Пол Джонс превратился в одного из самых блестящих бас гитаристов Лондона, регулярно работая с певцами Томом Джонсом, Дасти Спрингфилдом и Джимми Пейджем. Джонс вспоминает: «Большой Джим Салливан и Маленький Джим Пейдж, да я с барабанщиком. Помимо сейшенов, где Джимми солировал, он всегда занимался ритм-гитарой, с которой был не в ладах. Часто видел его, изучающего аккорды на акустической гитаре». Через два года Джон Пол становится аранжировщиком и музыкальным директором. Это случилось на сейшене Микки Моста для Донована под названием “Sunshine Superman”, когда Джонс решил, что аранжировщик некомпетентен и продемонстрировал грамотную секцию ритма продюсеру. Одно из первых предложений на работу штатного аранжировщика последовало от Herman’s Hermits. Микки Мост впоследствии отметит, что пластинки Hermits, подготовленные Джоном Полом даже обогнали по продаже Битлз 1965-66 годов. Только в Америке было продано 12 миллионов синглов. Работая с Донованом, Лулу и другими, он проводил дни, играя на басу фирмы “Fender”, часто руководя даже большими студийными оркестрами. В 1967 году Джон достиг возраста 21 года. В предыдущем году он женился на девушке по имени Мо, которая скоро родила ему двух дочерей погодок. Наиболее важная для Джона сейшен состоялась тогда, когда Эндрю Олдхэм пригласил его продюсировать струнные партии для песни “She’s A Rainbow” на альбоме Rolling Stones “Their Satanic Majesties Request”. Он также работал с Джеффом Беком и Терри Рейдом, чей первый альбом имел много общего с “Led Zeppelin 1”. Но к 1968 году Джону все надоело. Музыкант вспоминает: «Я стал аранжировать по 40–50 вещей в месяц. Потом забросил все это и присоединился к Лед Зеппелин после того, как мои дамы заявили мне: «Ты когда-нибудь перестанешь слоняться по дому? Почему бы тебе не выступать в группе.» Я ответил: «О чем вы говорите! Нет такой группы!» Жена ответила: «Послушай, я была в диско — Джимми Пейдж собирает музыкантов … почему бы тебе не позвонить ему.» Я позвонил: «Джим, как дела? У тебя уже есть своя группа?” Он: «У меня еще никого нет.» Я продолжил: «Если тебе нужен бас гитарист — позвони мне.» —

«Хорошо. Я собираюсь посмотреть певца, о котором рассказывал Терри Рейд, а он, в свою очередь, знает подходящего барабанщика. Я позвоню тебе, как только узнаю, что они из себя представляют». Если этот разговор покажется кому-то выдумкой и словоблудием — считайте, что серьезный Джонс не говорил об этом и что он просто прочел объявление о наборе Лед Зеппелин в журнале “Melody Maker”.

Джимми и Питер Грант были просто поражены, узнав, что в Лондоне нет подходящих хороших вокалистов. С тех пор, как новая группа последовала примеру команды Джеффа Бека — им потребовался певец — романтичная натура типа Рода Стюарта, взвинчивающего нервы публике. Нужен эмоциональный вокал, следующий параллельно гитаре. Но все достойные вокалы — Стив Мэрриотт, Стив Винвуд, Джо Коккер, Крис Фарлоу были заняты. 18-летний Терри Рейд недавно был буквально схвачен Микки Мостом. Однажды, Джимми и Питер заехали к Рейду на Оксфорд Стрит. И Рейд поведал им о никому неизвестном певце из бирмингемской группы Hobbstwiddle — высоком блондине, похожем на сказочного принца с душераздирающим кошачьим голосом. Вокалист этот увлекался блюзом и работал в группах западного побережья Великобритании. Его называли «диким блюзменом из черной страны». Зовут — Роберт Плант. Терри горячо рекомендовал его после того, как услышал выступление предыдущей группы Роберта — Band of Joy. Питер телеграфировал Планту, а Джимми позвонил домой. Они хотели посмотреть вокалиста, поющего в Hobbstwiddle, в ближайшие выходные. Роберт поинтересовался насчет барабанщика. Джимми ответил, что еще ищет. Плант заметил, что есть один такой на примете и его надо непременно прослушать.

Роберт Энтони Плант родился 20 августа 1948 года в Вест Бромвиче (графство Стаффордшир). Отец его был инженером, а семья Плантов проживала в Киддеминстере — сельской окраине Бирмингема. Будучи зачисленным в грамматическую школу Короля Эдварда 6-го в спокойном и тихом Стоурбридже — сердце «черной страны» на западе Мидленда, Роберт много читал и был примерным учеником до 13-летнего возраста, пока не познал женщин и не услышал Элвиса. Он часами проводил у зеркала, копируя каждое движение Пресли. В те времена Элвис служил в армии, а пик популярности звезды рок-н-ролла уже миновал, но ранние песни вносили смятение в юное сердце Роберта. Отец, неодобрительно относившийся к поведению 15-летнего сына, отвез его в клуб “Seven Stars Blues”. Именно там молодой человек познакомился с музыкантами Delta Blues Band, блеявшими “Got My Mojo Working” и другие «кровавые» блюзовые вещи. Все в

клубе глушили пиво, которое являлось неотъемлемым атрибутом работяг Мидленда. Гитарист группы — Терри Фостер играл на 8-струнной гитаре и полностью копировал Биг Джоя Вильямса … Во второй группе Роберта выступал Крис Вуд, — впоследствии участник Traffic. Если на блюзменов наложили табу даже в дельте Миссисипи, то среда простых тружеников Киддеминстера их просто ненавидела.

Роберт превратился в мода — французская прическа, парка (спортивная куртка с капюшоном) и ботинки а-ля Челси плюс хромированный мотороллер — все это появилось после посещения концертов Who и Small Faces в Бирмингеме. Плант был единственным членом Лед Зеппелин (и одним из немногих английских поп музыкантов своего поколения), домашние которого препятствовали занятиям музыкой. Родители Роберта твердо решили, что сын должен стать бухгалтером. Когда он закончил школу в 16 лет, то Роберта немедленно отдали в обучение за 2 фунта в неделю к болтливому, выжившему из ума старику бухгалтеру, в обязанности которого входил показ Роберту всех красот балансовых документов и отчетов. Вся работа молодого Планта заключалась в приготовлении чая для пожилого человека, а мечты сконцентрировались на Роберте Джонсоне, который мог производить неясный носовой звук, похожий на пение гитары. «Мне иногда казалось, что его вокальные аккорды были звучанием струн гитары», — вспоминал Роберт позже. По ночам он напевал позабытые бирмингемские блюзы, исполняемых New Memphis Bluesbreakers, Black Snake Mohan (впоследствии Блайнд Лемон Джефферсоном) и The Band. Он принимал активное участие в любом субкультурном мероприятии английской молодежи 60-х, начав как битник, стуча по кухонному шкафу и пустым гильзам. Затем — бои рокеров и модов в Маргате, потом — переход на сторону рокеров на некоторое время, прежде, чем опять вернуться в лоно битников и, наконец, поспешный уход в хиппи. Его светлая шевелюра стала настолько длинной, что домой являться можно было только по ночам. В итоге, в возрасте 16-ти он бросает дом и начинает вести жизнь бродячего блюзмена. Позднее, Роберт отразит эти события так: «Я решил, что если ничего не достигну к 20 годам, то покончу с собой. Конечно, это не значит, что я достиг чего-то особенного. В любом случае, я пока жив. Вся атмосфера была удивительной, сверкающей. Просто невозможно выразить такие вещи словами … Нельзя бросить то, во что веришь, хотя бы и по финансовым соображениям. Суждено умереть на обочине — значит так тому и быть. По крайней мере, будешь знать, что пытался что-то предпринять. Десять минут в музыке равносильны 100 годам без

нее». В 1965 году Санни Бой Вильямсон играл в Бирмингеме, когда Роберт незаметно появился за кулисами и украл одну из его арф, которая должна была помочь найти контакт с кумиром. Годы спустя, Плант признавал: «Я всегда трепетал, когда видел Санни Боя Вильямсона и его важную походку на сцене … Такого уровня я мечтал достичь лишь годам к 70-ти». В конце того же года Роберт присоединился к другой блюз-команде — Crawling King Snakes, названной так в честь композиции Джона Ли Хукера. Они играли по 20 минут в клубах и на танцплощадках, конфликтуя с молодыми модами, приходившими посмотреть на основных исполнителей — Соломона Берка и Вилсона Пикетта, а также бирмингемские группы — Spencer Davis Group и Shakedown Sounds с певцом Джейсоном Роденом.

Через некоторое время в Snakes появился крупный длинноволосый барабанщик, которого все звали Бонзо. Это был хороший, в общем спокойный парень, бестолково приветливый, этакий щенок из английского мультфильма. Идеалом этому человеку служил Кейт Мун из Who, поэтому внутрь бас-барабана он наклеил фольгу. При ударах барабан гремел, как артиллерийское орудие. Бонзо и Роберт быстро стали друзьями. Спустя годы Плант вспомнит, как они занимались музыкой дома у Бонзо (вокалист своего собственного не имел). Плант так громко шумел, что Бонзо заявил: «Т-сс! Эй! Прекрати! Мать идет сюда!» Следующая группа Роберта называлась Tennessee Tins. Затем, она сменила название на Listen, стиль которой очень напоминал Young Rascals. Они даже записали сингл (первый в жизни Роберта) — имитация Rascals “You Better Run”. Сопровождаемый английскими рожками и женским хором, Роберт издавал звуки, похожие на пение молодого Тома Джонса. Сингл был выпущен компанией “CBS Records” в 1966 году и канул в вечность. Вторая сторона называлась “Everybody’s Gonna Say”, сделанный при соавторстве Планта. “CBS” выпустила два других сингла с именем Планта на конвертах через год в начале 1967 года — “Our Song” / “Laughing, Crying, Laughing “ and “Long Time Coming”/ “I’ve Got A Secret”. Ни одна из песен не была успешной, но последняя (где участвовал Бонзо) сорокапятка имела фотографию Роберта — светлая борода, усы, вельветовый кафтан, бахрома, гирлянды (фото появилось затем в журнале “New Musical Express”). О Планте сообщалось, что ему 18 лет, родом он из Бирмингема, с основными знаниями английского языка, истории и математики, способностью играть на скрипке, пианино, органе и гитаре. Теперь, он разъезжал по всей стране вместе с группой Band of Joy. Пластинка стала хитом в бирмингемском “Top Twenty”, и по крайней мере, дала представление о таланте

Роберта. К тому времени Плант нашел себе пристанище в большой англо-индийской семье своей девушки Морин, которую он встретил на концерте Georgie Fame в 1966 году. Семья жила в тесном доме в Уолсолле, переполненном неквалифицированными рабочими-эмигрантами первого поколения из Индии. Здесь постоянно царил запах соуса карри и человеческих тел, но это было первое настоящее жилище серьезного блюзмена Роберта Планта после его бегства из дома отца. Существовали три варианта Band of Joy. Роберт взорвался после того, как в начале 1967 года менеджер группы заявил, что Плант не умеет петь. В итоге, он основал свою собственную группу с тем же названием. Ребята выступали в регалиях хиппи, размалевав лица. Началось сказываться влияние станции “San-Francisco Sound” и Роберт с головой окунулся в музыку. «У меня была запись альбома группы Buffalo Springfield”, — сказал он. «Это здорово, потому что такая музыка заставляет двигаться и прыгать или сидеть, но все равно дергаться. Затем, я приобрел первый альбом Moby Grape, что стало для меня сенсацией … Я любил хорошие блюзы, но к сожалению, уже не мог слушать старые хиты … Теперь, я стонал от Arthur Lee & Love, выпустивших альбом “Forever Changes”. Band of Joy # 2 распалась и в третьей попытке с тем же названием играл новый барабанщик — Джон «Бонзо» Боннэм. Исполняя песни Jefferson Airplane, группа покинула Бирмингем, переехав в Лондон. Выступали, в основном, в клубах “Middle Earth” и “Speakeasy”. В скором времени, американский певец Тим Роуз приехал в Британию. Роберту и Бонзо нравилось играть вместе, но к весне 1968 года их группа развалилась окончательно. Бонзо ушел в новую команду Тима Роуза, а Роберт остался ни с чем.

Некоторое время ушло на поиски другой работы. Большинство музыкантов Волверхэмптона считали Планта скорее танцором, нежели певцом. Они думали, что его главная цель — жестикулировать на сцене да отлично выглядеть … ну, и немного петь. Его чуть было не пригласили в местную группу Slade, чей гитарист Нодди Холдер в свое время сопровождал Band of Joy. Другие же музыканты Slade ненавидели вызывающие позы Роберта и приглашение не состоялось.

На помощь пришла жена и Плант устроился в бригаду строителей, чтобы хоть немного заработать на пропитание. Роберт стал получать 6 шиллингов в час, укладывая асфальт. Другие рабочие прозвали его «поп-певцом». Спустя некоторое время он выступал дуэтом с Алексисом Корнером — лондонским блюзменом. Они исполняли шляггеры в Бирмингеме и через год Алексис выпустил свой альбом. Позже, Роберт провалился на прослушивании у Дэнни Корделла — менеджера Джо Коккера.

Разочарованный Плант пришел в группу Hobbstwiddle, названную так в честь трилогии Дж. Р.Р. Толкиена «Властелин Колец», которой зачитывались хиппи. Именно тогда он получил телеграмму от Питера Гранта.

В следующие выходные, Джимми, Питер Грант и Крис Дрейя приехали на смотрины Hobbstwiddle в педагогический колледж Бирмингема. Их пропустил с черного входа большой, с грубыми манерами человек, похожий на вышибалу. Но увидев этого парня на сцене в кафтане с бахромой, исполнявшим “Somebody To Love” блюзовым, сиренообразным сопрано, они переглянулись. «Я не мог это спокойно слушать», — вспоминал Джимми. «Было очень похоже на вой первобытного человека». В дансинге находились три десятка юнцов и все они пили. Закончив с исполнением песен Moby Grape и Buffalo Springfield, Роберт подошел к Джимми, чтобы узнать мнение звезды Yardbirds … Джимми и другие неопределенно молчали. Пейдж только сказал: «Я позвоню Вам через неделю». На обратном пути гитарист задумался. Голос у него есть, с четкими сексуальными особенностями — то, что и необходимо. Таким и должен быть голос у белого блюзмена. Правда — слишком дикий, даже немного сумасшедший. Джимми не был уверен. Он не мог и предположить, насколько Роберт неустроен в Бирмингеме. «Когда я прослушивал Планта, то сразу подумал, что у него не в порядке в личном плане или с ним трудно сработаться. Просто я не мог понять (он заявил, что поет уже несколько лет), как обладая таким голосом, Плант еще не стал популярностью». И Джимми позвонил Планту, пригласив его в Пэнгборн на несколько дней. Роберт связался с Алексисом Корнером и попросил совета. Корнер сразу заявил, что ехать необходимо.

В домике на Темзе Роберт Плант и Джимми Пейдж слушали записи и быстро стали друзьями. К счастью, здесь не было кассет с калифорнийскими группами (Джимми наслушался их досыта в эпоху Yardbirds), вкусы двоих очень часто совпадали. По утрам, когда Пейдж отправлялся в близлежащую деревню за газетой, Роберт просматривал стеллажи с пластинками и ставил что-нибудь. Возвращаясь, Джимми говорил Планту, что это те самые вещи, которые он бы хотел поставить своему новому другу. Во всем наблюдалась синхронность. Джимми наигрывал нежные и мягкие мелодии Джоан Баез — “Babe I’m Gonna Live You” и что-то из Incredible String Band Робина Вильямсона — модернизации английского фолка, который сочился подобно меду. Играл он и рок-н-ролл Чака Берри “No Money Down”. Воспроизводил блюз Литтл Уолтера на гармонике, объясняя Роберту свою идею нового вида тяжелой музыки с более медленными оборотами и легкими

мазками — музыку динамичную, со светом и тенями. Они мечтали о группе, где певец и гитара могли звучать в унисон. Джимми ставил старую запись Мадди Уотерса “You Shook Me” с гитаристом Эрлом Хукером, повторяющим своей электрогитарой голос Мадди. Джефф Бек и Род Стюарт проделывали то же самое с этой песней на новом альбоме Бека, но это не играло большого значения. Такой тип звучания был необходим Джимми. После нескольких дней, проведенных с Пейджем, Роберт был буквально вне себя от счастья. Он чувствовал себя хмельным. Рядом находился привлекательный, загадочный, тихо говоривший человек — рок-звезда, предлагавший в перспективе покорение Америки, рисовавший лазоревые дали с громадными заработками. Все было новым. И никто не знал, что делать с бездонным резервуаром положительных эмоций, скопившимся у Роберта. Плант был настолько возбужден, что отправился автостопом к Бонзо в Оксфорд (Боннэм играл в тот вечер с Тимом Роузом), чтобы перетащить его в New Yardbirds.

Джон Хенри Боннэм родился 31 мая 1948 года в Реддиче (графство Уостершир). Сын плотника, он вырос неподалеку от Киддеминстера, постоянно пробуя на звук различные предметы. Первой ударной установкой стали соляные ванночки с проволокой на дне и кофейная банка, которую отец оснастил также проволокой для пущего эффекта да кастрюли матери. К 10 годам она купила ему барабан на веревке, а через 5 лет — отец где-то достал бывшую в употреблении, слегка обшарпанную барабанную установку. В 16 лет Бонзо закончил школу и начал работать со своим отцом, собирая у строек пустые ящики из под цементного раствора. Бонзо был трудолюбив: работа укрепляла здоровье и не мешала повышать свое мастерство по ночам. Он дебютировал с Terry Webb & The Spiders, одеваясь в лиловые куртки с вельветовыми лацканами. Певец группы носил костюм из ламэ — парчовой ткани для вечерних туалетов. Была и другая группа — Nikki James Movement, которая развалилась после ряда сейшенов. К 17 годам, Джон приклеился к другой команде — A Way of Life и женился на даме сердца — «розе», которую повстречал на дансинге в Киддеминстере. Пэт Боннэм не хотела выходить замуж за такого бедного музыканта, ведь молодой семье приходилось жить в трехметровом автоприцепе. Джон даже бросил курить, чтобы заплатить за проживание. Бонзо поклялся Пэт, что позабудет барабаны, если девушка выйдет за него замуж. Но скоро он познакомился с Робертом Плантом, жившем неподалеку и пришел в его группу. У Бонзо не было машины и поначалу стоял вопрос — смогут ли Роберт и музыканты Crawling King Snakes выкроить деньги на бензин, чтобы доставить

барабанщика на концерт и обратно домой. Но у Боннэма была репутация классного ударника в Бирмингеме. Он любил играть на самых мощных и громкозвучащих барабанах в Мидленде и однажды разнес вдребезги бас в момент сильнейшего возбуждения. Большинство групп вообще не приглашали Бонзо, так как клубные менеджеры не выносили слишком громких барабанов. Однако Бонзо развивал технику и более легкого удара. Он перестал рвать кожу на барабанах, научившись играть громче и не делая при этом сильных ударов. Боннэм — один из первых барабанщиков, обтягивающий бас алюминиевой фольгой. К моменту знакомства с Робертом, он уже исполнял соло руками. Единственные увлечения и кумиры — записи соул, резкий Кейт Мун и сногсшибательный Джинджер Бейкер, который еще в составе Cream 1966 года отступил от общепринятых законов и приравнял ударную установку к всемогущей соло-гитаре. Иногда месмерическое, иногда терзающее и мучительное ударное соло Бейкера — “Toad” — стало парадигмой для Бонзо. Как и большинство барабанщиков, он обладал агрессивными вспышками и эксцентричностью. Джон любил выпить — часто эта агрессивность там и сям находила выход. Конечно же, он не искал драк, но и не избегал их.

Скоро Бонзо покинул Snakes и вернулся в Way of Life поближе к Киддеминстеру. Позднее, вдвоем с Робертом они играли в Band of Joy до ее распада в 1968 году. Бонзо принял предложение Тима Роуза поехать в турне. Роберт обнаружил Боннэма в Оксфорде поздно вечером летом 1968 года. Они не виделись три месяца и барабанщик слушал рассказ запыхавшегося друга о Джимми и новой группе. Повествование завершилось словами: «Дружище, тебе необходимо играть в New Yardbirds”. Но Бонзо не отреагировал. Он зарабатывал 40 фунтов в неделю у Тима Роуза — больше, чем когда-либо в своей жизни и даже был отмечен музыкальной прессой во время последних концертов в Лондоне. Джон ответил: «Ну, мне и здесь хорошо». Роберт добавил, что они сумеют зарабатывать кучу денег с новой группой, но Бонзо все таки выразил неуверенность. По его мнению — у динозавра прошлого не бывает будущего.

Через некоторое время Джимми увидел Бонзо на концерте в клубе “Country” в северной части Лондона. Тогда Пейдж еще считал, что звучание группы должно напоминать Pentangle, акустический тон которой задавал гитарист Берт Джанш. Но услышав беспощадные атаки Бонзо, он понял, как должна выглядеть новая команда. Последовала лицемерная интенсивная компания по сманиванию и опутыванию Джона Боннэма (Грант знал, насколько Пейдж серьезно относится к Бонзо). Проблема

заключалась в исключительной бедности Джона, который не мог даже оплатить телефонные переговоры. Роберт послал 8 телеграмм в любимую пивную Бонзо — «Трое в лодке» в Уолсолл. Затем, последовали 40 телеграмм от Питера Гранта. А Бонзо все не появлялся. Успех группы Тима Роуза принес и другие предложения, например от Джо Коккера и Криса Фарлоу. Предстоял трудный выбор. Фарлоу был великолепно устроен и имел альбом, продюсированный самим Миком Джаггером. В Лондоне росла уверенность, что Коккер — судорожный блюзмен из Шеффилда — может достичь больших высот. Позднее Бонзо заметил: «Не вопрос — у кого лучше перспективы. Главное, чья музыка окажется более верной. Когда мне впервые предложили работу, я подумал, что Yardbirds кончилась как группа, потому что в Англии их полностью забыли. Еще я подумал — у меня нет ничего, поэтому лучше иметь мало, чем еще меньше. Я знал, что Джимми хороший гитарист, а Роберт — хороший певец, так что если даже и не будет успеха, по крайней мере, останется удовольствие от игры в отличной группе … Итак, я решил, что они мне нравятся больше музыки Коккера или Фарлоу». Наконец, Бонзо телеграфировал Питеру Гранту о принятии решения и взятии на себя роли барабанщика в New Yardbirds. Джимми примчался к Джону Полу Джонсу, который согласился прийти на первую репетицию и если все будет отлично — остаться в группе. Все деньги, оставшиеся от Yardbirds, Пейдж вложил в дело. Джон Пол был последним, кто присоединился к группе, которая уже собиралась в турне по Скандинавии под названием New Yardbirds. После прихода Джонса в группу, Крис Дрейя ретировался.

Четверка музыкантов единогласно назвала свою первую репетицию божественной. Джонс впоследствии вспоминал: «Впервые мы собрались в маленькой комнате, чтобы выяснить — можем ли выносить друг друга. Бонзо благоговел перед умным демоническим Пейджем и много не разговаривал. У стен стояли ужасно древние усилители. Роберт слышал, что я был аранжировщиком и интересовался всем. Наконец, Джимми промолвил: «Ну, вот мы и вместе. Что будем играть?" Я ответил: "Не знаю. А что ты хочешь?" Пейдж спросил: «Знаете ли вы "Train Kept A-Rollin' " Я ответил отрицательно. А он: «Это очень легко». Все объяснил и комната буквально взорвалась. Мы решили: «Все правильно. Это то, что надо. Это будет действовать!!!» В другом интервью семь лет спустя, Роберт горячо вспоминал об этой первой встрече. «Никогда в своей жизни я не чувствовал себя таким взвинченным. Все мы варились в блюзе и ритм-энд-блюзе и обнаружили за эти полтора часа полнейшее сходство звуков.» Они играли старую песню Yardbirds "Smoke Stack Lightning", старые

номера Band of Joy, песню Гарнета Мимма “As Long As I Have You”, и разные виды классического блюза и ритм-энд-блюза. Джимми пытался обучить группу “Dazed and Confused”, но Джон Пол Джон все время неверно брал аккорды. По негласному договору, Пейдж становился лидером — для этого он обладал всеми талантами. Ему нужна была крепкая спаянная группа с хорошим певцом. Однако, Джимми немедленно понял, что у него есть нечто большее. Пейдж вспоминает всеобщее потрясение. «Четверка собралась в комнате и начала играть. Затем, мы все поняли. И начали хохотать друг над другом. Может быть это случилось от облегчения, а может от сознания того, что мы сможем привыкнуть друг к другу».

По окончании репетиции Роберт и Бонзо почти оцепенели от радости, едва сдерживая чувства. Уходя, богатая звезда Джимми Пейдж предложил безденежным музыкантам деньги на еду и пиво. Они не знали, что известность Джимми была не очень широка. Скоро коллеги по группе прозвали его «Свинцовым Кошельком» за исключительное скупердяйство. 14 сентября New Yardbirds отправились в Копенгаген. Концерт открывался композицией “Train Kept A-Rollin’ “, которая переходила в инструментальную версию “Communication Breakdown”, вариант Джимми “Dazed and Confused” с новыми текстами, произведение Пейджа “White Summer”, блюз под названием “I Can’t Quit You Baby” и бесчисленные спонтанные вариации других музыкантов — “Fresh Garbage” Spirit, “We Are Gonna Groove” Ben. E. King, “Snake” Sam Cook and Otis Redding, “It’s Your Thing” Isley Brothers, большой цикл из Элвиса. Скандинавские концерты стали лабораторией, в которой группа творила свою алхимию и изобретала или переделывала звук, приносящий успех или провал в каждом новом направлении, несмотря на реакцию датских фэнов. Достижением являлось сочетание громкого клаксонного блеянья Роберта и плача гитары Джимми. «В первый раз это произошло на сцене в Дании», — заметил Роберт. Я и не пытался вовсе, но голос будто сам имитировал гитару. Не было никаких указаний по этому поводу … но мы вошли в ритм, исполняя “You Shook Me” и все музыканты были счастливы». Позже, Джимми вспоминал происшествие во время первого шоу в Копенгагене, когда сломался усилитель Роберта. Но группа продолжала играть и по словам Пейджа — можно было слышать голос Планта по всему залу, голос, который будто витал в воздухе.

Даже в Скандинавии группа осознала, что они больше не New Yardbirds. Название должно измениться. Остановились на Mad Dogs (формулировку использовал Джо Коккер) и Hoopie Cushion.

Потом Джимми вспомнил о блестящей идее Энтвистла — Муна — Свинцовый Дирижабль. «Мы сидели, перебирая названия», — сказал Джимми. «Наконец, решили, что имя не имеет большого значения — важно, чтобы музыка была приемлемой. Я был доволен именем Лед Зеппелин. Напоминало анекдот о свинцовом баллоне. Что-то было сродни Iron Butterfly (Железная Бабочка). По возвращении в Лондон буква «а» была изъята из слова “lead”, так что беспечные американцы не будут произносить слово, как «свинец».

Первый альбом Лед Зеппелин был записан в октябре 1968 года в Барнсе (студия “Olympic”, что на юге Лондона). Продюсировали Джимми и инженер Глин Джонс. Девять композиций, в основном стали результатом гастролей по Скандинавии, за исключением “Train Kept A-Rollin’ “, “We Are Gonna Groove” и длинного органного вступления к “Your Time Is Gonna Come” Джона Пола Джонса, импровизированного в виде “Chest Fever” Гарта Хадсона. Альбом был записан только за 30 часов студийного времени и, в общей сложности, в течение двух недель одного месяца. (К 1975 году прибыль от пластинки составила более 7 миллионов долларов, а затраты Питера Гранта на ее выпуск были 1750 фунтов, включая продюсирование и работу художника, изобразившего на обложке трагическую гибель летящего над океаном цеппелина «Гинденбург». Лед Зеппелин намеревалась сделать записи своих концертов для того, чтобы гастролируя весь следующий год по Америке, группе было что продавать. Альбом должен иметь минимальное количество овердаббов, трудно воспроизводимых на сцене, поэтому почти все композиции были записаны «живьем» в студии. Присущая Джимми Пейджу легкая-тяжелая схема: акустическое начало — белый блюз, переходящий в пульсирующий глухой звук барабанов Бонзо, сопровождаемых жестко звенящей гитарой Пейджа. “Good Times Bad Times” развивается медленно и, наконец, вся группа будто утихает. Вдруг происходит освобождение электрической энергии, словно заключенной в конденсаторе — это Джимми разразился одним из своих многих шквальных пассажей. Или фолк-стенание в композиции Джоан Баез “Babe I’m Gonna Leave You” начинается с легкого перебора акустической “Gibson-200”, которое затем трансформируется в тяжелое густое рычание. В тот момент Роберта можно сравнить с Ваном Моррисоном. На самом деле, альбом открывает свое лицо композицией “You Shook Me” — старый блюз Вилли Диксона, только более медленный, тяжелый и грамотный, чем иная версия Джеффа Бека. Золотой печатью группы здесь считаются голос Роберта и гитара Джимми, воющие в унисон. Такая игра неоднократно копировалась

многими группами андеграунда на протяжении 15 лет. Первая сторона завершается классико-эпической “Dazed and Confused” (одолженная Пейджу Джейком Холмсом). Композиция проливает свет на отношение Джимми Пейджа к демонизму и его воздействию на слабый пол. «Многие люди говорят, мало кто знает\ Душа женщины создана в преисподней». Задумчивая, меланхоличная с неясным плачем детей, производимым пятиструнной гитарой — “Dazed and Confused” стала своеобразным тур-де-форсом группы, а когда Джимми приступает ко второму ритмическому соло “Think About It” — Роберт испускает мрачные фанфарные крики. Целое поколение фанатов хотело узнать, что за тарабарщину произносил Роберт, погруженный в свои «вау-ва».

Настроение поднимается лишь при прослушивании более легкой второй стороны. Орган Джона Пола в “Your Time Is Gonna Come” переходит в новую акустическую гитарную прелюдию Джимми “Black Mountain Side” — псевдо-ситарную версию одного старого английского фолка, исполняемого в клубах певицей Анни Бриггз и записанного Бертом Джаншем. Был приглашен табулятор Вирам Джасани для озвучивания грубой ритм-секции. За композицией следует “Communication Breakdown”, заменившая “Train Kept A-Rollin’ “. Момент, когда стенания Роберта переходят в крик “Suck”, а Джимми начинает убийственное соло — вершина классики Лед Зеппелин. Другая блюзовая копия Вилли Диксона “I Can’t Quit You Baby” — и совсем другой подход, новые текстуры и клише Джимми, в основном, заимствованные у Би-Би-Кинга и Джимми Хендрикса — “Voodoo Child”. Завершает пластинку “How Many More Times”, исполняемую Band of Joy. Взяв слова и мелодию из “The Hunter” Альберта Кинга и сделав мешанину из других блюзовых клише, композиция стала одной из ведущих, действующей на чувства, бесстыдно звучащей, полной завываний от смычка Джимми (гитарное соло взято из песни “Shapes of Things”) и Роберта, объявившем, что он очень нервный из-за трудного детства (что в общем-то было правдой). Песня завершается спокойным (как в «Болеро») бренчанием гитары, которое можно истолковать как просто шутку — укол Джеффу Беку. Но песни и игра на гитаре у Лед Зеппелин — только часть мастерства. Каким-то образом Джимми ухитрился схватить другие важные иллюзорные элементы, необходимые для крутой рок-группы. У него были отличные идеи о звучании рок-группы, а это явилось отражением собственных эксцентричных методов. Большинство продюсеров просто устанавливали микрофон напротив усилителей. А Пейдж ставил еще один в 20 футах за усилителями. Затем, он записывал, делая балансировку.

«Расстояние — это глубина», — шептал он в студии. Установка микрофонов была тайной наукой. При таком близком и дальнем расположении микрофонов, Джимми стал одним из первых продюсеров, записывающим звук группы со всех сторон. Пейдж думал, что именно здесь собака зарыта. Ранние пластинки рок-н-ролльных команд звучали так, будто были записаны на вечеринках. «Вся идея, смысл звукозаписи», — сказал Джимми позже, — «заключается в попытке заставить звук жить эмоциями данного момента и попыткой их выражения … Надо стараться извлечь из звучания в замкнутом пространстве как можно больше. Это самое основное».

Восторг от первых концертов Лед Зеппелин был потрясающим. Прослушивая фонограммы, музыкантов и ассистентов просто трясло, как в лихорадке. Глин Джонс вспоминал: «Работа над альбомом возбуждала. Они очень много репетировали, прежде, чем показаться в студии. Я никогда не слышал аранжировок такого рода раньше и никогда ранее не видел такой игры … Невероятно, но когда присутствуешь в студии, то не сдерживаешься и набираешься музыки до отвала». Наиболее эксцентричным был Роберт, который стал быстро использовать свой потенциал. Он вспоминал те времена спустя годы: «Первый альбом доказал, что мне наушники ни к чему. То, что приходило ко мне обратно во время пения было значительно лучше, чем самая классная женщина в мире. Звук имел столько веса, столько мощи … Это действовало опустошающе.»

Когда сейшены завершились (только “Babe I’m Gonna Leave You” требовала серьезного овердаббинга), Питер Грант попытался задействовать Лед Зеппелин в краткосрочное турне по английским клубам и университетам. Это предложение было встречено крайне индифферентно. Вряд ли кто-то хотел слушать группу New Yardbirds, и никто не хотел знать неизвестную команду Лед Зеппелин. Но Джимми указал Гранту браться за любые предложения с мизерной оплатой и тяжелыми условиями. Итак, дебют состоялся в университете Суррея с гонораром в 150 фунтов. Через трое суток они играли в лондонском “Marquee”, назвавшись “Jimmy Page & New Yardbirds”. Играя композиции на пределе человеческих эмоций и исполнив в качестве прелюдии 12 тактов из “Train Kept A-Rollin’ “, они приступили к “Communication Breakdown”. Бонзо и Роберт увлекались — музыка оказалась слишком быстрой для слов. Джимми давал знаки, контролируя каскады «вау-ва». Затем, немедленный переход к “I Can’t Quit You Babe”. Плант пытался обнажить всю мощь своих нервов, чтобы быть замеченным, в то время, как Джимми извлекал длительные струнные громады, добавляя к ним

зажигательные эффекты Хендрикса, всевозможную технику, приспособления и безошибочное чутье блюзмена. Затем — опять одна из наиболее острых ранних вещей Цеппелина, сочетавшая “Killing Floor” с “Forth My Way Out of Darkness” Хоулина Вулфа, связанная с «похотливым лимоном». «Ты можешь нажимать на лимон, пока сок не потечет по моей ноге» из песни Роберта Джонсона “Travelling Riverside Blues”. Вдруг неожиданно, Джимми переходит к “That’s All Right” Элвиса. После этого, Роберт, певший все, что приходило ему в голову, старался действовать в унисон с Джимми и вдруг … “Bags Groove”. Все заканчивается 11-минутным исполнением “Dazed and Confused”. Это было великолепное зрелище, но публика интересовалась вяло. Руководство клуба жаловалось на излишнюю громкость. На следующий вечер, группа играла последний раз под названием New Yardbirds в ливерпульском университете. Отныне, они стали именоваться Лед Зеппелин.

Первоначальная реакция британской довольно резкой, часто грубой музыкальной прессы была довольно неплохой. Позже, они стали неприкрытыми врагами. Одна газета отзывалась о Лед Зеппелин, как о «группе с прекрасным звучанием, сравнимой лишь с ранним Хендриксом и Cream.” К первому концерту в “Marquee” отнеслись доброжелательно, особенно к композиции, которую почему-то назвали “Daze of Confusion”, но большинство критиков сетовали на слишком громкую манеру исполнения этой хеви мьюзик группы.

9 ноября Роберт женился на своей Морин, находившейся уже на восьмом месяце беременности. Этим же вечером Лед Зеппелин дебютировала в лондонском “Round House”. По пути на концерт древняя машина Роберта сломалась и он так никогда и не починил ее. Через месяц Морин родила Планту дочь, которую назвали Кармен Джейн. В то время как четверка музыкантов запускала свой дирижабль, Питер Гран готовился к визиту в Нью-Йорк для улаживания дел со звукозаписью. Джимми Пейдж и наполовину не приблизился к тому, о чем так мечтал. Он хотел полностью контролировать творчество, дизайн и аранжировки, выпуск пластинок, концерты, поездки, продюсирование. Он не хотел, чтобы впредь им руководили. И Питер Грант покидает Англию в ноябре 1968 года с набором аудиозаписей, имиджем и т. д. Его миссия заключалась в защите группы от бизнесменов, стоявших во главе американских компаний звукозаписи, которые всегда осуществляли полный контроль за всеми деяниями музыкантов.

Независимость была получена от Ахмета Эртегана и Джерри Векслера из фирмы “Atlantic”, которая уже в течение 20 лет

лидировала в записи групп ритм-энд-блюза. В свое время “Atlantic” работала с Cream, Buffalo Springfield и Аретой Франклин. Но Векслер начал уже задумываться о будущем. Например, именно он предсказал успех Iron Butterfly и Vanilla Fudge. Пластинки этих двух, так называемых «тяжелых» групп, изрыгавших печальный, мрачный блюз-энд-рок, распродавались с сумасшедшей скоростью. Редко их не было видно в недельном “Top 20”.

“In-A-Gadda-Da-Vida” Iron Butterfly находилась в списках популярности долгие годы и стала первым альбомом, удостоенного «платинного» статуса. Президент “Atlantic” Ахмет Эртеган и Векслер видели, насколько изменились поклонники рок-музыки и изменились кардинально за прошедшие пару лет. На волне Эрика Клэптона и Cream, Лед Зеппелин должна понравиться этой новой аудитории — подросткам и молодым людям от 15 до 24, публике, которая любит громкий рок — рок англо-саксонский и неукротимый. Это не для скромных девушек, здесь не будет танцев. Векслер уже разговаривал по телефону с Питером Грантом, сказав, что компания хочет иметь дело с Лед Зеппелин. Векслер получил блестящую рекомендацию от певца Дасти Спрингфилда, работавшим как с Пейджем, так и с Джонсом в Лондоне. «Но Вы не знаете моей цены», — заявил Питер.

В Нью-Йорке Грант со своим американским юристом Стивом Вейсом обтяпали дело таким образом, что получили аванс в 200.000 долларов и добились королевских условий, никогда ранее не предоставляемых музыкантам (как указывалось позднее — в 5 раз более выгодных, чем у Битлз), да еще распространение пластинок и лицензий по всему миру фирмой “Atlantic”. Согласно контракту, полный музыкальный контроль находился в руках у группы, плюс — побочные доходы, на которых настаивал Джимми. Лед Зеппелин должна стать ПЕРВОЙ рок-группой на священном знамени “Atlantic”. Все другие «белые» рок-группы впоследствии записывались на филиале — компании “Atko Records”.

“Atlantic” обязалась отломить маленький кусочек от своего пирога Лед Зеппелин. Питер Грант вернулся в отель «Плаза» и позвонил Джимми, попросив его незамедлительно прибыть в Нью-Йорк для подписания контракта. Затем, к большому торжеству обоих, Грант и Вейс позвонили Клайву Дэйвису — тогдашнему президенту “Columbia Records”, чья дочерняя фирма “Epic” имела полные права на Yardbirds (и Джеффа Бека) в Америке. Конечно же, Джимми чувствовал, что фирма не вправе притязать на группу, в то время, как Клайв Дэйвис считал Yardbirds своим детищем и был абсолютно уверен, что новая

группа Джимми Пейджа (ходили слухи о ее высоком классе) будет записываться только на “Epic”. Питер впервые встретился с Клайвом Дэйвисом. Обговорив музыкальные сплетни, Дэйвис, наконец, сказал: «Ну, а не хотите ли поговорить о Джимми Пейдже.» И Питер ответил: «Нет, Цеппелин уже подписал контракт с “Atlantic””. Наступила тишина. После чего встреча превратилась в шумный поединок. Дэйвис пытался убедить шумными разглагольствованиями Гранта — Yardbirds принадлежали “EMI” в Англии, а “Epic” имела такие же права в Северной Америке. Контракт с “Epic” также охватывал и отдельных членов Yardbirds, и все они приняли аналогичный договор с “EMI”. Когда Джимми присоединился к группе, он сохранил свои права на запись. Грант объяснял, что Джимми никогда не подписывал контракта с “EMI” как отдельное лицо, поэтому у “CBS” и не было претензий. Встреча завершилась в присутствии представителей “CBS”.

Джимми Пейдж приземлился в Нью-Йорке через несколько дней, привезя классные записи Лед Зеппелин. После встречи с представителями “Atlantic” и подписания контрактов, Джимми и Питер присоединились к гастролирующему Джеффу Беку. Пейдж тогда не играл, он просто побывал вместе с Беком в Нью-Йорке и Бостоне, останавливался в тех же отелях, оставаясь незамеченным в костюмерных, пристально наблюдая за новой, молодой, в основном, мужской публикой в клубах “Fillmore East” и “Boston Tea Party”. Рок-сержант Ричард Коул осматривал войска. Он сказал, что большинство «солдат» пьяны и шатаются. В майамском клубе “Image” стал выступать совместно с Беком и Родом Стюартом. Потом, в Нью-Йорке, после одного из триумфов Бека в клубе “Fillmore East”, Джимми сыграл цеппелиновский «демонизм» — “You Shook Me” для Джеффа. Если верить Беку, Джимми сказал: «Послушай это, послушай Бонзо — ну, парня, которого зовут Джон Боннэм». И когда Бек услышал композицию — его сердце упало. «Я взглянул на него и спросил: что это, Джим? И был готов заплакать от злости». Бек решил, что Пейдж опять решил подколоть его, а может он просто угрожал. Иначе почему он не смог выйти на сцену со своей собственной вещью?

Когда молва об удачной сделке Лед Зеппелин с “Atlantic” достигла ушей фэнов — посыпались обычные обвинения в двуличии. Музыканты и их поклонники конца 60-х сильно завидовали беспрецедентному коммерческому успеху группы, молодые музыканты объявлялись моральными уродами и агентами буржуазии. Любая группа, появившаяся после 1967 года, обвинялась в лицемерии. Они, якобы, были подкуплены и созданы при посредничестве богатых и развратных людей без

разрешения на то группировки хиппи-анархистов. Когда слухи о небывалых успехах и королевских привилегиях Лед Зеппелин стали распространяться, то музыкантов быстренько отнесли к разряду лицемеров. Чтобы опровергнуть эту ложь, Джимми неожиданно появился в “Melody Maker”. Помимо всего прочего, он хотел указать на неправильность написания названия группы (писали Лид Зеппелин). Вот что он ответил на вопрос о лицемерии: «Если кто-то хочет обвинить группу в лицемерии и продажности, то эти люди сами страдают от этих пороков, потому что все знают, что происходит сейчас. Люди понимают финансовые дела групп (особенно, в Штатах), где есть мода задавать вопрос — кто чего стоит». Тогда же в Нью-Йорке, “Columbia Records” сделала подборку цитат из альтернативной андеграундной прессы (широко распространенной в тот период и сильно зависевшей от рекламы студий), которая пропагандировала: «Нельзя оклеветать нашу музыку!»

Возвратясь в Лондон в декабре, Джимми вместе с группой отправился в низкооплачиваемое турне. Они играли в “Marquee”, затем в “Bass Pavilion” за 75 фунтов и в “Exeter City Hall” за 125 фунтов, закончив выступления в клубе “Fishmongers”. Перед Рождеством, Джимми и Питер решили отправиться на гастроли в Америку и начать это турне до выпуска альбома. «У нас нет работы в Британии», — откликнулся Грант. «Людям смешно, что у нас есть группа, которая работает по-своему». А Джимми было просто горько за такое отношение к музыкальному бизнесу в Англии. «Как ни странно … мы переживали плохие времена. Они просто отрицают все новое … Но у нас есть шанс в Америке». Лед Зеппелин покинули Лондон на Рождество 1968 года, устремясь к субтропическому очарованию Лос-Анджелеса. Цеппелин поднимался. Началась новая эра.

Глава Третья: Год Акулы

Лети дирижабль
Помоги нам в войне
Лети в Англию
Англия должна
Загореться огнем
Лети дирижабль!

— немецкий детский стих, 1915 год.

Питер Грант отправился в Америку. Не имея готового альбома цеппелины рисковали, направляясь немедленно. Но стратегия Гранта основывалась на годах опыта, инстинктивной смекалке и на неутоленной страсти американской молодежи к английскому року. Разрекламировав имя Джимми, Питер и его агент — Фрэнк Барсалона заказали выступления Лед Зеппелин в самых престижных залах — “Fillmore East”, “Fillmore West” Билла Грэма, лос-анджелесском “Whisky”, чикагском “Kinetic Circus”, бостонском “Tea Party” и других. Затем, “Atlantic” выпустила кучу магнитоальбомов Лед Зеппелин, разослав их радиостанциям, вещавшим рок-музыку, а также музыкальным магазинам. Трансляция альбома вызвала заказ на 50000 штук пластинок (прекрасный бизнес для начинающей группы), и большой интерес к ансамблю, возникшего на руинах Yardbirds. В Штатах Питер Грант не забывал заниматься собственным продвижением к славе. Там он позвонил на местную станцию FM — в город, где в скором времени должны состояться концерты. Он хотел знать — какие из новых записей группы более всего нравятся слушателям. Yardbirds получали 2500 долларов за вечер, а Лед Зеппелин были бы рады поработать и за 1500 в худшем случае. Мысль проста — надо выходить и играть.

Результатом такой стратегии Гранта стал феноменальный успех группы. Последующие полтора года Лед Зеппелин будет гастролировать (сюда относятся шесть туров по Америке), зарабатывать популярность, поддерживать уже созданную грязную репутацию. Причиной последней стал роуд-менеджер Ричард Коул, впервые увидевший четверку музыкантов в октябре в офисе Питера Гранта на Оксфорд Стрит. Ричард только что покинул New Vaudeville Band и уже собирался было присоединиться к Терри Рейду в США, который выступал перед новой супергруппой Эрика Клэптона Blind Faith. Ричард —

воинственный ветеран бесчисленных рок-вояжей, немедленно взял в новую группу нетерпеливого, неопытного молодого барабанщика Бонзо, которого помнил еще по Бирмингему, когда двумя годами ранее был вынужден посадить его за барабанную установку New Vaudeville. Проницательный Коул предвидел многое и относительно Джимми. «Он знал, что станет большим человеком в рок-музыке. Когда Yardbirds развалились — он только один год играл в ней, но успел сделать себе имя. Не спрашивайте как, но имя было сделано, а из этого можно качать золото и Пейдж знал это. Просто нужны люди для выполнения замыслов. Уверен, что Пейдж родился с охуенным самородком в жопе … Но он скупердяй и поэтому они (музыканты) называют его Свинцовым Кошельком».

26 декабря 1968 года Ричард Коул встретил Джимми, Роберта, Бонзо и Питера Гранта, прилетевших в Лос-Анджелес рейсом из Лондона. Джон Пол Джонс, который вместе со своей женой и певицей Маделин Белл отмечали Рождество в Нью-Йорке, прибыл отдельно. Лос-Анджелес — дом родной для английских рок-групп. Бонзо и Роберт, которые едва ли когда выезжали за пределы Англии, были поражены. Роберт отмечал, что никогда ранее не видел полицейского с пистолетом. Даже не дав ни единого концерта, Лед Зеппелин стали кумирами основной голливудской клики группи — GTO («Объединение Храбрых Девочек»). В отличие от большинства английских звезд, Лед Зеппелин любили посещать злачные места и что называется «отрываться». Джимми чувствовал себя здесь как дома, а Роберт и Бонзо — неотесанная деревенщина из Мидленда были шокированы и чувствовали себя неловко в обществе прекрасных молодых группи с накрашенными ресницами и большими грудями, вываливавшихся из бесстыдных, открытых разрезов. Находясь под влиянием философии Ричарда Коула о необходимости пьянствовать и заниматься сексом, Цеппелины оказались в эпицентре всевозможных группи, обслуживавших музыкантов.

Сразу после Рождества группа вылетела в Денвер для американского дебюта в сопровождении Ричарда Коула и роуди Кенни Пикетта по кличке Писквик. Именно тогда Ричард Коул впервые услышал Лед Зеппелин. «Невъебенные гиганты», — подумал он. «Но еще слабо заявили о себе». Спустя два дня группа уже находилась в Бостоне, чтобы играть в “Tea Party”. Грант считал именно этот клуб ключевым в достижении успеха в среде американской студенческой молодежи. Именно здесь группа пережила первый взрыв истерии вокруг своего имени, когда по окончании концерта публика семь раз вызывала

музыкантов, хотя и играли они не полтора часа, как условились, а целых два. В новых одеждах (под хиппи), промокших от пота, они без предварительных репетиций играли хиты Элвиса, Yardbirds и классику Чака Берри. Один раз во время репризы при исполнении “How Many More Times” Джимми знаком попросил Джонса посмотреть вперед, где целый первый ряд юнцов склонили головы в знак признания группы.

На следующий день состоялась встреча Лед Зеппелин с нью-йоркской прессой. Один импрессарио “Atlantic” взял группу в журнал “Billboard”, где его сотрудник шутил относительно слишком длинных волос музыкантов. “Hit Parader” взял интервью у Джимми. Журнал описывал Лед Зеппелин как импровиз-блюз группу, которая пыталась защитить себя от обвинений в воровстве идей Хендрикса и Клэптона. Якобы музыканты держатся лишь за счет работы со смычком и нового приобретения — стальной гитары с педалью, которую Пейдж собирался использовать при записи альбома группы. Когда задали вопрос — что бы он посоветовал начинающим гитаристам — Джимми ответил: пользуйтесь легкими струнами.

Старой цитаделью Yardbirds было западное побережье США, поэтому Питер Грант запланировал большое количество концертов именно в этом регионе. Обычно концерты открывала Vanilla Fudge. (Иногда они играли перед демагогической детройтской группой MC–5). В последний день года группа выступала в орегонском Портленде. Оказалось невозможным поехать в Лос-Анджелес, так как сильная вьюга перекрыла все пути в аэропорт. Твердо решили, что необходимо назначить день выступления в “Whisky” — главном оплоте рок-музыки Лос-Анджелеса. Шоу должно!!! состояться. Поэтому Ричард Коул нанял автофургон, следовавший в Сиэттл. Погода стояла мерзкая — сильнейшая снежная буря сопутствовала путешествию. Во что бы то ни стало надо было сесть на самолет в Сиэттле (благо, аэропорт еще не был перекрыт). Писквик прибыл на час раньше, перегнав фургон с оборудованием и оснащением. Дорога была пуста, за исключением лишь редко встречавшихся рефрижераторов, а видимость из-за пелены снега практически равнялась нулю, но Коул неустрашимо рвался вперед, прислушиваясь к зловещему бормотанию Питера Гранта о том, что нужно обязательно успеть на самолет. Когда Лед Зеппелин добралась до Скволами Пасс, они вдруг обнаружили, что дорога заблокирована дежурной полицейской машиной, а проезжая часть перекрыта лавиной снега. Полицейские оттолкнули Ричарда Коула, посоветовав держаться подальше от дороги. Дождавшись, когда машина полисменов постепенно растворилась в

непроглядности снегопада, Ричард опять вырулил на дорогу и миновал заграждение с табличкой «Проезд закрыт». Они ехали сквозь пургу, оставляя позади закрытые бензоколонки и снежные завалы. Через некоторое время все осознали, что Писквик не сумел пробраться через заграждение, а это значило, что группа лишилась инструментов и оборудования. Моральное состояние музыкантов было крайне низкое, особенно у Роберта и Бонзо, которые тряслись в фургоне и проклинали все, предпочитая остаться в живых и впредь путешествовать не далее Волверхэмптона. «Мы тогда с Бонзо были просто детьми», — скажет Роберт впоследствии. «Нам было по двадцать и мы боялись смерти … И никогда раньше мы не были участниками известной группы».

Преодолев примерно полпути, Ричард Коул захотел отлить. Он нажал на тормоза и вылез из кабины, расстегиваясь на ходу и задавая себе только один вопрос — какой из его органов отмерзнет первым. Вдруг, машина медленно пошла назад. Группа вместе с Питером Грантом с ужасом заметила, что их неумолимо несет к обрыву — всего десять ярдов отделяло музыкантов от забвения, когда Коул, наконец, прекратив мочиться, уразумел, какая трагедия могла разыграться за его спиной. Роберт и Бонзо начали метаться в паническом ужасе, а Коул помчался назад и ему удалось затормозить машину. Плант и Бонэм тряслись от страха. С другой стороны происшествие мало подействовало на невозмутимых бойцов — Пейджа, Джонса, Коула и Гранта. Через час машина достигла одинокого заброшенного моста. Роберт и Бонзо переглянулись: казалось, что под действием сильнейшего ветра он качался. Решив, что Коул везет их навстречу гибели, Плант и Бонзо зашумели опять, прося остановиться. Ричард подумал, что эти двое просто притворяются, хотя на самом деле, они действительно обезумели от страха. Тогда Коул отечески выдал Роберту и Бонзо по порции виски, чтобы хоть как-то успокоить ребят. Через час оба были в стельку пьяны, а Коул вновь направил машину вперед через вьюгу.

Четырьмя часами позже Лед Зеппелин добралась до Сиэттла. В аэропорту узнали, что двигатели самолетов замерзли. Пришлось плюнуть на все и отправиться в близлежащий бар для подкрепления. Через полчаса прибыл Писквик, ехавший той же дорогой. Лед Зеппелин прилетела в Лос-Анджелес на следующий день в полном составе. «Ну и дураки же мы», — заявил Коул, — «что думали только о работе, которую надо выполнять». Приключения во время пурги все же сослужили плохую службу болезненному Пейджу — он заболел гриппом с высокой температурой и новогоднюю ночь провел в постели. Только Коул

и Джонс выпивали в ту ночь, а двадцатилетние Роберт и Бонзо были изгнаны из бара по молодости лет.

Выступление в “Whisky” имело дикий успех и Голливуд рукоплескал Лед Зеппелин, как это было с Yardbirds четырьмя годами ранее. 9 января 1969 года в день 25-летия Джимми, группа дала первый из трех концертов в “Fillmore West” Сан-Франциско совместно с группами Country Joe and The Fish. Открывал шоу Taj Mahal. Несмотря на всякие бостонские небылицы, концерты в “Fillmore West” показали, что группа будет великой. Именно здесь Цеппелины перестали исполнять вещи Элвиса и были вынуждены играть не отрепетированные композиции Гарнета Мимса, а также импровизировать современные хиты группы Spirit (такой как “Fresh Garbage”). Труднее всего приходилось Джимми, страдавшего от гриппа и лихорадки, явившейся рецидивом давней болезни, полученной еще во времена Crusaders.

Так как, по общему мнению, Лед Зеппелин созрела для выступления во внутренних районах США, “Atlantic” запустила свою машину славословия. Тысячи плакатов с изображением лохматого Джимми Пейджа в окружении других троих волосатых были разосланы в города Центра (очень напоминавшие первые фотографии Doors). Лед Зеппелин запустили по радио в конце января, в момент выступления в майамском клубе “Image”. На прогрессивных рок-радиостанциях уже несколько недель новый альбом являлся негласным хитом. А больше всего диск-жокеи любили расхваливать “Communication Breakdown”, “Babe … “ и “Dazed and Confused” (нью-йоркский певец Джейк Холмс услышал версию своей песни и раздумывал над тем, как поступить в этом случае. Джимми сохранил название, бас-секцию и общую линию композиции, но слова сильно отличались. Наконец Холмс решил: «Черт побери, пускай пользуются!»)

Но радость Цеппелинов от радиопередач и хорошей продажи записей была омрачена более чем холодным отношением прессы. “Rolling Stone”, который Джимми считал лучшим американским музыкальным журналом, дал очень кислый отзыв в статье, начинавшейся словами: «После таких удачных британских блюз-групп, как Cream и John Mayall, смысл всего происходящего заключается в следующем — добавьте к прекрасному гитаристу (который после Yardbirds и Мэйолла превратился в маленького божка) компетентную ритм-секцию и, якобы, задушевного певца — и вот вам очередная подтасовка. Новейшие британские группы поняли это хуже Джеффа Бека. По этому же пути пошла и Лед Зеппелин со своим дебютом.» После детальной разборки каждой композиции, корреспондент заключает: «… если они заполнят

пустоту, образовавшуюся после распада Cream, то им все равно придется искать продюсера и интересный материал». (Опубликованная в марте 1969 года, статья вызвала сотни протестующих писем в журнал.)

После трех недель концертов в провинциальных клубах и колледжах, Лед Зеппелин завершила свое первое турне по Америке. Последний состоялся в “Fillmore East” 31-го января, когда группа разогревала Iron Butterfly. Перед концертом Питер Грант заявил о необходимости выбить своей игрой нудную Баттерфляй из колеи. Джимми покорил публику красным вельветовым костюмом и двухчасовой игрой. Группа получила 6 «бисов» благодаря Бонзо, колдовавшим и «зависавшим» над своими барабанами в заключительной части шоу. После исполнения “Train Kept A-Rollin” Iron Butterfly отказалась выйти на сцену, почувствовав, что Лед Зеппелин — классные музыканты и собратья по музыке не оставили им ничего, даже надежды.

Овеянная ореолом славы, в феврале группа возвратилась в Англию. Лед Зеппелин занимала 90-е место в американских чартсах. Однако не каждое шоу проходило удачно: в Детройте песня “Killing Flour” должна плавно переходить в “Lemon Song”. Но вышла накладка и каждый музыкант играл свою мелодию. Публика осталась в недоумении. В других же городах реакция на выступления была поистине маниакальная. Важно то, что группа стала играть более четко и набирать мастерство. Джимми исполнял ясные, яростные соло лучше, чем кто-либо другой, демонстрируя божий дар по полной программе. Джон Пол Джонс не возражал, что на него обратили меньше внимания, но он страдал из-за проблем с оборудованием и всегда оставался строгим рок-профессионалом. Бонзо досталось море внимания — его считали самым сильным барабанщиком со времен Кейта Муна. От концерта к концерту он играл стабильнее, громче, тяжелее и одновременно точнее и четче. Большинство английских барабанщиков были людьми невысокого роста — Ринго Старр, Чарли Уоттс, Кейт Мун или Кенни Джонс из Small Faces. А Бонзо — высокий парень, обладавший большой физической силой. Он играл на самом большом в мире бас-барабане (28 дюймов в диаметре), обтянутом изнутри алюминиевой фольгой для лучшей реверберации. Стиль Бонзо был скорее грубым, нежели артистичным, но играл он безукоризненно и работал над развитием длинного ударного соло, заимствованного из композиции Джинджера Бейкера “Toad”, исполнение которой завоевало бурные овации публики, особенно тогда, когда Бонзо отбрасывал в сторону барабанные палочки и начинал стучать руками. В Портленде Бонзо жаловался, что не слышит самого

себя, мечтая о добавлении дополнительного бас-барабана. Джон Пол Джонс заметил, что не видит причин для отказа, ведь Бонэм даже одной ногой делает больше, чем другие ударники двумя ногами и руками.

И только одного музыканта Лед Зеппелин жестоко критиковали. Им был Роберт Плант. Вся поп-критика Америки склоняла его ариаподобные блюзовые пассажи и развязные противоестественные позы. Коул вспоминал: «Я обычно прятал его от писак — уж очень они были настроены критически. Я не позволял Планту встречаться с ними.» И действительно, Роберт выглядел на сцене чересчур экстравагантно. Иногда даже участники группы думали, что он перегибает палку. Кто-то придумал Планту кличку — Перси (юноша, похожий на девчонку). Коул утверждал, что такое прозвище пошло из анекдота об известном английском садовнике — Перси Тровере: как бы там ни было — кличка закрепилась за Робертом. С этого момента он стал Перси. Даже Джимми не всегда с пониманием относился к Планту. Коул вспоминал: «После первого турне решался вопрос — быть или не быть Роберту в группе. Казалось, что он не оправдал ожиданий Пейджа. Тогда многие считали, что второго турне с Лед Зеппелин Планту не видать. И это походило на правду».

Характерно, что рядом с названием первых песен Цеппелинов отсутствовало имя Планта. Это объяснялось тем, что он еще не расторг контракт с “CBS”. Вообще, положение Роберта в те дни в группе было крайне шатким и неустойчивым. Однажды Ричард и Джимми сидели в бассейне отеля в Лос-Анджелесе и Коул попросил Роберта (Плант получал даже меньше денег, чем Ричард) сходить за сандвичами. Роберт еду принес, но никогда не простил Коулу такого унижения. Пока еще Роберт был с группой. Питер Грант и Джимми решили, что певцу надо набираться опыта. Между тем, разговоры вокруг группы не утихали. Джимми рассказывал: «Даже не берусь комментировать, почему нас ожидал успех в Штатах. Думаю, мы выиграли за счет динамичности в то время, когда большинство пошли по проторенной дорожке и играли в стиле групп западного побережья США. Мы знали, что производим впечатление, особенно после выступления в бостонском “Tea Party” и чикагском “Kinetic Circus”, но настоящий прорыв наступил после шоу в “Fillmore West”. Это был триумф.»

А в Англии было все тихо. Как заметил Коул: «Они вернулись победителями, став новейшей «горячей» группой в Штатах. Они завоевали Америку. К сожалению, в Англии музыканты опять стали играть для 4-х сотен зрителей. Группа просто металась.

Нельзя отправляться в турне по Англии, можно просто работать, делая свое дело.» Джимми не скрывал своего крайнего разочарования ситуацией в Британии. Он жаловался “Melody Maker”, что один раз его длинные волосы довели до беды, когда бритоголовые в повязках и бутсах всячески оскорбляли музыканта. В Америке были отличные телесистемы и радиостанции, которые передавали исключительно рок. В Англии, трансляция Лед Зеппелин состоялась с большим опозданием в марте 1969 года, хотя группа была проигнорирована первым каналом Би-Би-Си — единственной сколько-нибудь значительной радиостанцией страны. «Я ненавидел всех и вся», — воскликнул Пейдж. «Новая группа работает во всю более 10 месяцев, а никому до того нет дела!»

Два месяца продолжалась тайная презентация Лед Зеппелин. Группа играла в пивных типа “Toby Jug”, почти во всех клубах Лондона и его окрестностях. Они вернулись в Данию и Швецию перед тем, как в первый и последний раз появиться на английском телевидении. Однажды вечером, подменяя на концерте группу Flying Burrito Brothers, музыканты исполнили “Communication Breakdown”. Скоро, пресса обратила все же внимание на Лед Зеппелин. Журнал андеграунда “Oz” отмечал: «Совсем недавно была сделана запись, требующая на наш взгляд немедленной оценки, потому что она представляет собой поворотный пункт в рок-музыке. Только время покажет — перспективна эта новая музыка или нет. Альбом Лед Зеппелин можно отнести к этой новой категории».

Англия принесла разочарование. Лед Зеппелин познали славу в Америке, которая манила их деньгами, женщинами и успехом. 20-го апреля группа отправилась в Лос-Анджелес во второе турне, организованное Ричардом Коулом.

По окончании первого визита Ричард обратился к Гранту с неожиданной просьбой. Дело происходило в сан-францисском “Ballroom”. «Разреши мне остаться с группой и не возиться с другими командами. Позволь остаться с этой охуенной командой, а не скакать туда-сюда. Мне хочется хоть чуть-чуть попользоваться их славой. Я знал, что они будут делать деньги и будут монстрами. И они стали.»

Гастроли открылись четырьмя концертами в “Fillmore West”. Группа должна была дать 29 концертов за 31 день, выступая вместе с Vanilla Fudge, причем известно, что если группа сильнее, то и выступает она в конце. По мере выступлений, все пропорции были нарушены и часовое шоу увеличилось до полутора часов. Добавив обработки Бена Кинга и Гарнета Мимса — и продолжительность выступлений возросла до двух часов. Фанаты

настаивали на еще большем увеличении и когда новые композиции, написанные в дороге, были обработаны — продолжительность шоу стало равняться 3,5 часам. Даже дружественная Vanilla Fudge нехотя выходила на сцену после того, как в течение 3,5 часов Цеппелины потрясали толпу своей безостановочной игрой. В Лос-Анджелесе Коул разместил музыкантов в одноэтажных домах с верандами, принадлежавшими “Chateau Marmot Hotel”, чтобы оргии Лед Зеппелин не беспокоили других гостей. Все в группе, за исключением Джимми, были женаты, но пользовались запретными плодами, которые могла предложить ночная жизнь Голливуда. Однажды Бонзо, переодевшись официантом, уложил Джимми на столик с колесиками и торжественно закатил его в люкс, переполненный девчонками, которых Пейдж и хватал за всевозможные причинные места. «Не думаю, что вы когда-нибудь найдете английского музыканта, способного унизить девочку-группи», — говорит Коул. «Потому что они не потаскухи и не отбросы. Они охуенно помогали мне, да и ребятам тоже (разговор ведь идет о 20-летних). Девчонки заботятся о них, создают домашнюю обстановку. Им можно доверять. Эти не будут воровать. К сожалению, многих из них уже нет в живых.»

К началу мая Лед Зеппелин вошла в первую десятку — группа ликовала. Длинные шоу обычно начинались с “Communication Breakdown”, затем исполнялась “I Can’t Quit You Babe” с неистовыми завываниями Роберта и изящными блюзовыми пассажами Джимми. Часто концерты вязли в трясине необработанных “Killing Flour”/ “Lemon Song” и “Baby I’m Gonna Leave You”, прежде, чем музыканты успевали переходить к старым испытанным хитам. На одном из шоу в Винтерленде все началось с “As Long As I Have You” Гарнета Мимса, а закончилось невообразимой смесью из мягких, убаюкивающих “Hush, Little Baby”, “Bag’s Groove”, “Shake” а-ля Отис Реддинг и “Fresh Garbage”. Через два дня группа прибыла в Сиэттл, где репутация Цеппелинов рухнула окончательно. Сиэттл стал местом инцидента с акулой.

Шоу, в некотором смысле, имело обратный успех. Играя на фестивале под открытым небом, Роберт и Бонзо были сильно взвинчены, находясь на одной афише с Чаком Берри (которого многоопытный Пейдж знал как отшельника по турне с Yardbirds). Благоговение увеличилось, когда они узрели кареглазого симпатичного человека, появившегося из пыльного Кадиллака. Человек достал гитару и сыграл сет со странной сборной командой. Затем, он уложил деньги за концерт в саквояж и уехал. Лед Зеппелин вышла на сцену после Doors, сделав небольшую

разрядку после бессвязного бормотания Джима Моррисона, встряхнув немного увядшую публику резкими, взрывными ритмами. Конкурентов не было, да и Цеппелины не щадили никого.

На обратной дороге в отель началась попойка. Ричард Коул признает, что в том, что случилось потом, была и его доля вины. «Акулий инцидент имел место в “Edge Water Inn” Сиэттла. Как-то так вышло, что в 1968 году мы с Терри Рейдом помогали группе Moody Blues. Их роуд-менеджер настоял на заселении в этой гостинице, так как там внизу был магазин охотничьих товаров и можно ловить рыбу прямо из окна отеля. Я оборвал его: «дальше, мать твою за ногу, пиздюк!». «Ричард, это правда, я не шучу». Вместе с Цеппелинами находились и музыканты Vanilla Fudge. Мы принялись ловить небольших акул прямо из окна. С каждым разом поездки становились все более раскованными. Можно было делать с этими группи все, что заблагорассудится. Для меня это второе ебаное турне стало самым охуительным событием жизни. Вот так … Мы были клевыми и поднимались еще выше, но не придавали этому значения. Главное, что можно заебано играть. Разные «птички» залетали в мой номер в надежде потрахаться и мы с Бонзо всерьез занялись охотой на этих «птичек». Что произошло затем — неясно до сих пор. Раздели одну телку — прелестную рыжеволосую группи и привязали ее к кровати. По слухам, музыканты принялись дружно запихивать куски акулы во влагалище и задний проход девицы.

Ричард Коул отвергает некоторые детали происшествия: «Не Бонзо, а я. Что понимали эти детишки — Роберт и Бонзо! Никаких кусков акулы там не было. Просто нос акулы ввели в пизду и вся недолга. Да, акула еще была жива! Она еще не успела издохнуть! Мы поймали, по крайней мере, пару дюжин акул и подвесили их за жабры в сортире. А может никакой «акульей истории» и не было. А был кукурузный початок и огненнорыжая девчонка — этакая киска! Бонзо действительно находился в комнате, но все исполнял я. Марк Стейн (из Vanilla Fudge) заснял весь процесс на пленку. Самой группи все очень понравилось. Что-то типа: «А не хотите ли немного потрахаться? Посмотрим, понравится ли твоей рыжей киске кукурузка!» Вот так! Затем — нос акулы и телка должна была кончить по меньшей мере 20 раз. Не говорю уж о том, что вся команда была свински пьяна. Никакого злого умысла или вреда! Никто не пострадал. Может, кто и ударил ее телом акулы за непослушание, но сильных ушибов не было».

В тот невероятный по количеству дебошей год, музыканты и менеджмент Лед Зеппелин часто вспоминали, что карьера «звезды» немого кино Фэтти Арбакла рухнула, когда он

совершенно случайно убил девчонку, запихивая в нее бутылку из-под шампанского. Постоянно судачили об этом: многие бабы хотят, чтобы их трахали именно таким образом. Коул во всем винит пьянство. «Я те объясню, скоко мы пили. Думаю, что мы разорили кабак “Steve Paul Sean” в Нью-Йорке, так как никогда не платили по счетам. Вся так называемая развращенность Лед Зеппелин появилась в первые два года существования группы под воздействием винных паров. Затем, мы взрослели и становились спокойнее. Начался конкретный бизнес».

Ажиотаж вокруг гастролей нарастал. За один оставшийся до концерта день проехали 500 миль. Расстояние преодолели за ночь. Оттуда группа вылетела на Гавайи для двухдневного отдыха, чтобы потом опять окунуться в концертную деятельность (на этот раз в Детройте). После ночного перелета, музыканты остановились в детройтском мотеле, куда прибыли в семь утра и наткнулись здесь на отвратительную сцену убийства. Труп успели убрать к моменту приезда Лед Зеппелин, лишь пар поднимался от большой лужи крови на ковре. Мужчина выстрелил в свою жертву несколькими минутами ранее. Роберт забрал вещи в номер и прилег отдохнуть. «Я знал, что меня стошнит, если буду смотреть на это», — сказал он.

В Детройте к Лед Зеппелин приклеилась толпа журналистов и фотокорреспондентов для освещения поездки в журнале “Life”. Возвращаясь в Лос-Анджелес, группа была расстроена умышленно подтасованной информацией в местной прессе. Наняли голливудских журналистов для исправления этих казусов. Писательнице Элен Сандер с фотографом сначала предложили освещать гастроли Who, также путешествовавшими по Америке этим летом (одна из немногих английских групп, игравших в Вудстоке), но дело провалилось. Сандер и “Life” стали сотрудничать с Лед Зеппелин. Элен впервые работа на “Life”, а для музыкантов это был вообще лакомый кусочек, так как команды нового типа не часто попадали на страницы ведущей прессы. Решили, что журналистка начнет работу в Детройте. Там Коул поспорил с ребятами о том, кто первый трахнет писательницу.

Несколько позже Сандер изложила свои впечатления о поездке в статье. Роберт был «лохматый, по-своему симпатичный», Джимми — «эфемерный, хрупкий, бледный и легкий». Бонзо «играл жестоко, всегда голый по пояс и потный как горилла в ярости». Джон Пол Джонс «держался в стороне, как бы находясь в тени». «Группа пыталась обелить свое поведение», — замечала Сандер, — «почти каждый день отыгрывали очень хорошо … Выносливость, которую они

демонстрировали каждый вечер, была поразительна: проблемы с настройкой аппаратуры, нехватка времени, переезд с места на место и … опять новые концерты. Ребята чувствовали, что музыкальный успех как огонь охватил их, а все самое желанное произошло именно во время второго турне. Успех пришел сразу — они стали почти звездами».

Сандер моментально почувствовала запах сексуального напряжения и соревнования в группе. Джимми не любил самостоятельно ловить девчонок, надеясь на поддержку Коула. Но Коул был слишком опасен, а Элен не была группи, поэтому агент Джимми позвонил журналистке. И выбор Сандер пал на Джимми. Роберт — слишком дик и занимался сексом с дешевками, Бонзо и Коул — всегда пьяны, а Джонс оставался домоседом. Однажды вечером, Коул ворвался в номер и сообщил, что группа отправляется дальше. Он обнаружил, что обе кровати номера не были заправленными. «С тобой был Пейджи», — радостно завопил он и побежал сообщить эту новость остальным. Хотя все обстояло далеко не так.

Роберт Плант пробудился от послеобеденного сна в Детройте. Он так вонял потом, что решил пойти купить шампунь и дезодорант. На улице Плант натолкнулся на какого-то автолюбителя, который, схватив певца за длинные волосы, ударил его по лицу. «Я — белый человек. Не представляю, как там себя чувствуют цветные люди!», — скажет он позже.

Этим вечером концерт состоялся в “Grand Ballroom” — старом складе, превращенном в настоящий рок-дворец. Дом был набит до отказа, вооруженная полиция арестовывала людей, зажигавших бенгальские огни. Хрипло звучавшие колонки вышли из строя после первого же сета. За кулисами — тесная костюмерная переполнена группи, ловящими на крючок музыкантов. Вспоминает Сандер: «Парочка размалеванных в гротескном стиле толстых секс-бомб около тридцати лет проложили дорогу себе в толпе молодых людей прямо к Роберту Планту. Одна из них положила руку на его бедро и нагло заявила: «Ты будешь сегодня спать со мной». Роберт скорчил гримасу и вспыхнул. «Чо тебе надо, хренова блядь, старина Роберт ведь женат!» Все остальные бывшие рядом гнусно захихикали. Плант ретировался, а две мерзавки глупо ухмылялись. Обсудив ситуацию, группа пришла к выводу о необходимости охраны. Парочка группи была названа «безобразными сестрами», но решили, что все ж они обладают некоторой неряшливой соблазнительностью. Порешили отвезти теток назад в мотель, как следует взъебать, а затем — измазать ореховым кремом. Так и поступили. После этого, «акулий эпизод» опять всплыл в разгоряченных умах фэнов. С каждым днем

развязность группи все увеличивалась. Оправдываясь, Джимми Пейдж объяснял Сандер: «Девочки вьются вокруг и позируют, как настоящие звезды, ведя себя просто вызывающе. Если их встряхнуть немного — они опять придут в чувство. Каждый знает для чего они нужны … А у меня на это нет времени.»

Джон Пол Джонс заглянул в комнату, полную группи и наркоманов и моментально выскочил обратно, окруженный толпой докучливых поклонников. Джимми Пейдж с «беспокойным, девичьим взглядом, с полным отсутствием порочности», уселся в сторонке и разговаривал с каждым, кто хотел того, не принимая и не отвергая сексуальных предложений.

На следующее утро группа встретилась с Ричардом Коулом, занятого подготовкой железнодорожного вагона к отправке. Роберт выглядел расстроенным и не потому, что ночью накануне весь измазался кремом, а в основном из-за того, что пришлось таки провести всю ночь с одной из «безобразных сестер». «Можно ли поверить в это!», — спрашивал он. «Я в шоке».

Следующий концерт состоялся в Аттене (Огайо). После возбужденных сексуальных эскапад на сцене, Роберт практиковался в постели с девицами. Ричард привозил группу в аэропорт, бронировал билеты, напаивал всех во время перелета во избежание жалоб, нанимал машину в следующем аэропорту, размещал группу в отеле и так до бесконечности. Времени на ужины не было: только посещение баров до и после концертов. Опять пробуждение утром, тряска в фургоне по дороге в аэропорт, концерт, но уже в Миннеаполисе. Роберт носился по салону аэробуса, как сумасшедшая обезьяна, вопя: «Туалет! Туалет для старины Роберта!» Пассажиры в недоумении уставились на крупного хиппи с длинными светлыми волосами, рвавшегося к дверям сортира.

Вылет задержали. С опозданием группа появилась на сцене степенного театра “Gathry Memorial”, где почтенная публика огорченно взирала на визжавший оргазм Роберта во время исполнения новой песни “Whole Lotta Love”. Сразу после концерта Цеппелины были приглашены на вечер в сельский клуб, принадлежавший одному импрессарио, где усталые англичане вдребезги напились, став объектом внимания провинциалов в течение нескольких мучительных часов. На следующее утро Ричард устроил совещание. Оставалось еще 4 дня до очередного концерта в Чикаго. Все стремились покинуть Миннеаполис. Джимми решил, что группа должна выехать в Нью-Йорк для работы над новым альбомом, репетиций и дачи интервью.

Работа над “Led Zeppelin — 2” началась уже в январе. Обрабатывали композиции, переделанные из старых хитов.

Создавались и новые вещи, ставшими результатом постоянных репетиций, игры и импровизаций во время гастролей. “Led Zeppelin — 2” — продукт и отражение жизни на колесах. Песни были написаны урывками в номерах мотелей, костюмерных и студиях Северной Америки. Музыкантам разрешили гастролировать по Америке только полгода, поэтому деньги за продление виз приходилось платить почти ежедневно. Да и студийная работа превратилась в проблему, когда среди группи распространилась молва о прибытии Джимми Пейджа и его супергруппы в город. У группи была тридцатилетняя королева, порядком надоевшая Джимми. Она наведывалась и в студию, где Пейдж работал над “Bring It On Home”. Дамочка выдавала себя за бывшую жену известного продюсера. Выглядела она так: крашеные в белый цвет волосы, черная кожаная мини-юбка, высокие сапоги и ковбойская шляпа. Наиболее умные из группи проверяли расписание работы студий: тогда они могли бы приехать заранее и занять лучшие места. Лед Зеппелин — как раз та группа, которую и пыталась шантажировать блондинка, громко объявив, что Джимми был великолепен в постели прошлой ночью. Наконец встревоженный Пейдж не выдержал. Он вышел в зал и разыскал там наиболее честолюбивую группи. Крепко прижав ее к себе, он вернулся в студию, приказав блондинке освободить место для нее. Блинообразное лицо белокурой стервы сморщилось, она подскочила и ушла. Вечером группа видела мерзавку, курсировавшую по “Steve Paul Scene” подобно барракуде, почуявшей свежую кровь. Следующая остановка Чикаго — вотчина Yardbirds. Вместительный “Kinetic Circus” был набит до отказа (в списке выступавших и Vanilla Fudge), а в костюмерной в который раз пересказывался «акулий эпизод» с большими преувеличениями. Зал взорвался долгими овациями, а “Dazed and Confused” теперь продолжалась 20 минут, с блестящей демонстрацией смычка. Нравилась и связь композиции с «демонизмом». Питер Грант выследил и поймал администратора зала, исподтишка продававшего билеты на уже состоявшиеся концерты. Деньги были конфискованы. Однако настороженность не проходила. Ни Грант, ни Коул не верили соответствию количества голов и полученных музыкантами денег. Коул обнаружил билеты другого цвета. В итоге Грант настоял на компенсации за фальшивые билеты. Питер обладал великолепным чутьем на деньги и заработки. Он чувствовал, что его клиенты — Лед Зеппелин ДОЛЖНЫ зарабатывать гораздо больше других исполнителей.

После двух концертов в Чикаго и одного в Мэриленде ребятам понадобился отдых. Джимми опять заболел гриппом, но

он стойко появлялся на сцене. «Так проверяются профессионалы», — простужено хрипел он, обращаясь к Элен Сандер в салоне самолета, следовавшего в Нью-Йорк. Там, “Atlantic Records” устраивала торжества в честь выхода «золотой» пластинки группы. Работа по сведению “Led Zeppelin — 2” близилась к завершению и пластинка готовилась к продаже. А посему, сразу же после торжеств ансамбль возвратился к студийной работе. К тому времени моральный дух группы упал. Бонзо, безумно скучая по дому, стал тихим и угрюмым. Джимми оставался руководителем в студии, неутомимым работягой. Джон Пол Джонс держался холодно и, в основном, хранил молчание. А Роберт Плант, невероятно быстро ставший звездой Лед Зеппелин (к полному недоумению Джимми Пейджа), постоянно говорил о необходимости покупки рождественского платья для своей дочери Кармен Джейн. Однажды утром, после затяжной ночной попойки, Роберт громко вздохнул и ни к кому непосредственно не обращаясь, сказал: «Боже, я теряю жену.»

Возбуждаемая Коулом, подгоняемая мыслями Гранта о больших заработках в будущем, Лед Зеппелин вдруг оказалась в состоянии депрессии. Первое турне не дало больших денег, второе же удалось на славу. Они зарабатывали от 5 до 15 тысяч долларов за концерт. Только за 5 недель работы четверка музыкантов и Питер Грант получили 150 тысяч долларов чистой прибыли, оплатив работу рекламных агентов, юристов, бухгалтерии. Их не беспокоили расходы — эта поездка являлась лишь пробным камнем для третьей, за время которой можно заработать, по крайней мере, полмиллиона долларов, давая меньшее количество концертов и живя в лучших условиях. Отношение группы к этому вопросу выразил Джонс: «В этом виде бизнеса важно делать деньги быстро лишь при наличии возможностей. Средняя продолжительность жизни удачливой группы — 3 года. Мы перешагнули и этот рубеж. Турне превращает тебя в другого человека. Я понял эту истину, вернувшись домой. После такой скотской жизни требуются недели на восстановление.»

Следующее шоу состоялось в “Boston Tea Party”, где ранее молодые зрители склонили свои головы в знак признания группы. На этот раз, на концерт явилось большее количество представителей “Atlantic Records” из Нью-Йорка. Цеппелин парил и получил многократные вызовы на «бис». После пяти «бисов» группа отправилась за кулисы, чтобы выпить пива. Настроение было отличным. Снаружи толпа неистовствовала. Роберт сомневался: «Может еще раз выйти». Джимми Пейдж, смеясь, отрицательно покачал головой: «Но у нас больше ничего нет».

Однако Роберт опять вышел на сцену. Толпа принялась реветь и стонать от восторга и все другие музыканты появились на сцене. Стали играть не отрепетированные мелодии Битлз и Стоунз. Группа зверски устала. Плант был крайне возмущен, так как некий фанат спер его любимую майку. Джонс любовно протирал бас гитару полотенцем, прежде чем уложить ее в чехол. Как обычно, группи обложили музыкантов со всех сторон. (Один возмущенный жених выследил свою невесту у дверей мотеля, где она пыталась отыскать Лед Зеппелин, а найдя, немилосердно отлупил прямо на улице перед рестораном, где обедала группа, нисколько не задумываясь о последствиях.) В этот раз слишком устав, они попросили диктора одной бостонской радиостанции разыскать хороших девчонок.

Второе турне по Штатам завершилось двумя концертами в “Fillmore East” 30 и 31 мая. В последний вечер, Элен Сандер появилась за кулисами, чтобы поблагодарить группу за путешествие и попрощаться. Она вошла в костюмерную Лед Зеппелин, совершенно не представляя, что будет делать в следующий момент. «Двое участников группы немедленно атаковали меня, ощупывая и роясь в складках одежды … Бонзо подскочил первым. Затем, к нему присоединились двое других. Я опешила. Здоровенные ребята просто лапали меня. Сорвав чуть не половину одежды, они вошли в экстаз. Было два чувства — ужас быть изнасилованной и гнев … Вдруг, я увидела Питера Гранта — он был крупнее каждого из музыкантов. Я подумала: «Как, и он туда же! Нет, я погибла!» Но Грант отшвырнул Бонзо от меня. Просто приподнял и отбросил. Так что им пришлось удовольствоваться лишь одеждой. Пострадала я только морально».

Цеппелины никогда не увидели своих фотографий в “Life”. Элен Сандер отказалась написать историю группы. Позднее, был опубликован отчет о двух гастролях Лед Зеппелин по Америке, который с горечью завершался словами: «Если войти в клетку в зоопарке — можно увидеть совокупляющихся животных, бросающихся дерьмом друг в друга и безумно прыгающих. Но в первую очередь, вы почувствуете запах дерьма».

Американская развлекательная пресса не была снисходительнее. “Variety” писала о последнем концерте в “Fillmore”: «одержимость квартета мощью, громкостью и мелодраматичной театральностью ничего не оставляет другим более тонким британским группам. Конечно, не нужно преуменьшать значение динамичности цеппелиновского нового хард-рока. Но они не имеют представления о музыкальном вкусе, работая на себе под стать безвкусную публику». Приходилось

трудно Лед Зеппелин еще и потому, что молодежь — младшие братья и сестры великого поколения 60-х более всего любили музыку группы. За это они не были прощены рок-бизнесом тех лет.

В июне команда возвратились домой. Британские средства массовой информации расписали сочными красками их дурную славу. 13 июня — новое турне по Англии, а через три дня — исполнение “Communication Breakdown” по BBC (всего за тот месяц их передавали три раза). На следующей неделе по BBC — 1 в программе “Top Gear” транслировали “Travelling Riverside Blues” Роберта Джонсона. Путешествуя по Америке, группа записывалась на “Atlantic” (например, песни “Ramble On” и “Living Loving Made”/ “She’s Just A Woman”). В студии “Morgan” записали “We Are Gonna Groove”, которая иногда открывала концерты. 27 июня по BBC — 1 в прямом эфире передавали часовое шоу из “Playhouse Theater” (впервые вся Англия могла слышать концерт Цеппелинов). Начинался он с “Communication Breakdown” с блестящим завывающим соло Джимми. Сюда были включены отрывки из “Season of Witch” и песня Isley Brothers “It’s Your Thing” с импровизированной ритм-секцией. Затем, вступление к “I Can’t Quit You Babe”, с завываниями Роберта поверх блюзовой сетки. «О-о-о-а-а-а-у-у-у-х! Я не могу покинуть тебя, детка\ Но собираюсь лишь ненадолго оставить тебя». Чистый «белый» блюз со всевозможным позированием “Dazed and Confused” звучал готически даже по радио, партия со смычком становилась болезненно кричащей, дьявольские вспышки и мерцания в кромешной тьме, а сумасшедшая, скоростная игра на гитаре атакует, как новейшее оружие. Невидимые для слушателей, Цеппелины все равно обладали уникальной способностью вызывать сильные, волшебные чувства. Композиция Джимми “White Summer” \ “Black Mountain Side” дает небольшую разрядку перед “You Shook Me” и “How Many More Times”, которыми и завершался концерт. В скором времени состоялись два очень важных для группы концерта. На фестивале блюза и прогрессивной музыки в Бассе, Лед Зеппелин к своим жертвенным спискам поклонников добавили еще 12000 человек. На следующий день 29 июня они открывали серию концертов в “Royal Albert Hall”. В 11 вечера сразу после первого сета администрация отключила свет. Несмотря на это, Лед Зеппелин исполнила “Long Tall Sally”, забросав передние ряды зрителей конфетти и цветочными лепестками. Наконец, группа с триумфом возвратилась домой. Даже пресса аплодировала за «нетрадиционный подход», хотя и попеняла за мировоззрение хиппи.

Третье американское турне Лед Зеппелин началось 5 июля на поп-фестивале в Атланте. Гастроли должны были продолжаться все лето. Во время ньюпортского респектабельного джаз-фестиваля, где группа играла с Джеффом Беком и Джеймсом Брауном, Би Би Кингом и Jethro Tull, сотни подростков сломали подмостки в надежде хоть немного приблизиться к участникам Лед Зеппелин. Со следующего года фестивали в Ньюпорте более не проводились. Подобные эпизоды имели место на джаз-фестах в Филадельфии и Балтиморе на следующей неделе. 13 июля группа играла на “Singer Bowl” — открытом лонг-айлендском стадионе вместе с Джеффом Беком, Ten Years After и Vanilla Fudge. Во время выступления Бека, Джимми частенько удалялся в бар, сопровождаемый пьяным до изумления Бонзо, который затем вылез на сцену, уселся за барабанную установку и стал наяривать что-то очень сексуальное, раздеваясь одновременно. Наконец Бонзо остался в одних трусах … вот и их нет на теле. Полицейские начали приближаться. Но Питер Грант опередил всех, унося Боннэма вместе со стулом и барабанными палочками в костюмерную. Там он приказал Джону немедленно одеться, пока полисмены не выломали дверь.

В Нью-Йорке Цеппелины играли с Би Би Кингом на фесте, организованном одной пивной компанией. Шоу состоялось в Центральном Парке. Полиция установила присутствие 25000 фэнов на площадке, способной вместить только 10000 человек. После 4-х сетов толпа, разгоряченная «крутизной» Лед Зеппелин, сломала металлический бордюр сцены. Перед отъездом на западное побережье, “Atlantic” известила группу о том, что на новый альбом уже имеется 400000 заявок.

Лед Зеппелин возвратилась в Лос-Анджелес — свою духовную родину как герои завоеватели и капризные демоны, чтобы оттопыриться и ну и слегка потрахаться. Однако слухи начинали выходить из-под контроля. «Акулий эпизод» приукрасили и дополнили сведениями об избиении орд девчонок телами мертвых осьминогов. Инцидент с Элен Сандер превратился в изнасилование и покушение на убийство. Ричард Коул снова поселил группу в отеле “Chateau Mormont”, где веселье закипело с новой силой. Цеппелины считали Лос-Анджелес своими Содомом и Гоморрой — неповторимой, фантастической землей субтропиков. Жизнь здесь обещала обладание пышнотелыми красавицами и другими всевозможными удовольствиями, поднесенными на тарелочке. Когда молодые недотроги Роберт и Бонзо столкнулись с блядовитыми калифорнийскими телками в психоделической экипировке и с похотливыми глазками, буквально щупавшими музыкантов, то их молодые умы

залихорадило. Поощряемые Коулом, музыканты погрузились в разврат, невиданный дотоле. Как и еда, секс стал неотъемлемой частью группы. Возможно, что такое поведение явилось своеобразной реакцией на политику ограничений в Британии, а также рационализма, царившего в послевоенной Англии. Во всех застольях принимала участие одна дама, которую Ричард прозвал Собачьей Радостью. Однажды он попытался удовлетворить ее, приведя большого пса-кобеля. Но собака не заинтересовалась. Пришлось даже жарить мясо на кухне для приманки. Собака по-прежнему не желала женщину. «Я ее трахну», — заявил тогда Коул, а затем переключился на Бонзо — «давай, еби ее, и все тут!». Бонзо искренне любил свою жену и редко обращал внимание на женщин, но тогда он согласился. Джон вздрючил ее, спросив меня: «Ну и как я трахаюсь?» — «Отлично!». Тут появился Грант с огромной, чуть не ведерной банкой вареных бобов, молча окатив Бонзо и девку содержимым. После чего, открыв бутылку шампанского, устроил парочке очистительный душ. Джимми самолично фотографировал процесс, будучи с головы до ног облепленным говяжьей поджаркой и потрохами, которые так любила мисс Синдерелла. Фотографии, к сожалению исчезли.

Такие развлечения, придумываемые Ричардом Коулом, скрашивали всеобщую меланхолию и тоску по дому. Особенно плохо себя чувствовали Роберт и Бонзо, которые оставляли на ночь включенным свет. Иногда, их страх бывал даже комичен. Занимая бунгало «В», Роберт и Бонзо отказывались спать, если там больше никого не было. Коул вспоминал, что однажды ночью Роберт обнаружил отсутствие Бонзо. В страхе, он забрался в постель к Клайву Колсону, спавшему в тот момент в гостиной. Позднее, объявился Бонзо с телкой. Не найдя Роберта, он отправил девчонку домой, а сам попытался примоститься на кровати Колсона, разбудив тем самым Роберта и невозмутимого роуди.

Королевами лос-анджелесских группи, естественно, являлись дамы из “GTO”, а эта организация была тесно связана с Mothers of Invention Фрэнка Заппы. Здесь наиболее привлекательной была 18-летняя мисс Памела. Она шила отличные майки для музыкантов. Именно она завладела сердцем Джимми в разбитном голливудском ночном клубе “Three Experience”.

«Он неотступно следовал за мной», — вспоминала мисс Памела. «Тогда я и знать ничего не хотела о Лед Зеппелин, потому что была много наслышана об их репутации. Как бы там ни было, я была с The Byrds, затем с Burrito Brothers. У меня сложились хорошие отношения с ГТО-шницами, они были известны и мы неплохо проводили время. Их имена — мисс

Мерси, мисс Люси, Синдерелла, Спарки и две Мишель. Знаете, нам говорили, что Цеппелины просто чокнутые. А на восток они приехали в первый раз. Мы знали все слухи благодаря хорошим связям между группи (ненавижу это слово!). Любая информация приходила моментально. Мы были знакомы с девчонками из клубов “Devon” и “Amaretta”. Они рассказывали, насколько дики эти Цеппелины, что они трахали всех подряд, беря на каждую ночь по новой девочке. Они заработали такую репутацию через месяц в первом же турне! Точно! А я гордилась тем, что работаю с ребятами в течение всех гастролей, ха-ха! Я была слишком романтичной, чтобы стать девочкой на одну ночь».

Наиболее крупным рок-клубом летом 1969 года был “Three Experience”. Лед Зеппелин была единственной группой, не любившей быть в заточении. Им нравилась лесть и появление на людях. Дурная слава усилилась, когда Ричард Коул с группи, сдвинув два стола, въехали верхом на них в помещение клуба под слащавые улыбки патронов заведения. Через несколько дней Джимми подослал Коула к столу, где обычно обедала мисс Памела. «Вы понравились Джимми», — сказал он. Мисс Памела отреагировала благожелательно. Позже опять появился Коул с запиской от Джимми, в которой указывался номер комнаты Пейджа в отеле, но Памела проигнорировала послание. На следующий вечер Джимми опять подослал Коула, который и пригласил ее к столу Лед Зеппелин, где по традиции творились обычные бесчинства. Только Пейдж тихонечко сидел в углу. «Джимми был слишком стеснительным, чтобы приглашать девочек», — говорит Памела.

«Он напоминал собой бутон розы — скромный, женственный, нежный и мягкий. И я клюнула. А кто бы нет? Это было прекрасно, но ощущение, что он рисовался, не покидало меня». Потом, Ричард сказал ей, что Джимми хочет взять ее на концерт группы в Сан-Диего. Отличное предложение. Мисс Памела стала американской подружкой Джимми на последующие полтора года.

Она вспоминает время, проведенное с Пейджем с удивительной нежностью. «Он был так романтичен, так предан, с ясными глазами … Я была сражена и на концертах не чувствовала себя мелкой сошкой. Помню, что тогда в среде музыкантов было очень модно было носить изделия из серебра с бирюзой. Цеппелины приобрели наиболее гротескные вещи — громадные цепи с гигантскими каменьями бирюзы (они доверяли эти вещи мне перед выходом на сцену. Они доверяли мне свои ювелирные украшения! Вы просто не понимаете, что это значило для 19-летней девицы в 1969 году! Джимми был неотразим. Он не принимал наркотиков и только время от времени позволял себе

вино. Чаще всего Пейдж бывал самовлюбленным. Дважды в день он крутился в ванной перед зеркалом, укладывая волосы, а я помогала ему. У меня имелась машинка для завивки волос. Он любил эти свои прелестные маленькие завитки".

Мисс Памела находилась с группой в Нью-Йорке, Далласе, Сан-Франциско тем летом. "Джимми брал меня в самые дорогие магазины и я гордилась этим. Он коллекционировал картины и купил много полотен М.С. Эшера в Калифорнии незадолго до смерти художника. Мы посещали шоу в "Whisky" — Пейдж просто обожал выезды. Джимми всегда бывал романтичен и поглощен женщиной, с которой находился в тот момент. Для него больше никого не существовало и можно вообразить себя принцессой».

Примерно в то же время в Лос-Анджелесе был выпущен документальный фильм о феномене группи. В нем одна девица описывает умение Джимми Пейджа обращаться с кнутом. Фильм «Группи» лишь добавил ложку дегтя в уже и без того подмоченную слухами репутацию Лед Зеппелин. Черт!!! «Джимми Пейдж — кнут для группи».

«Ну, со мной ничего подобного не было», — говорит Памела. «Он был очень галантным в постели. Просто потрясающе. Но Пейдж действительно увлекался кнутами. Я видела их в чемоданах и думаю, что во время путешествия он пробовал их на ком-то. Я знаю Синдереллу — обычно Джимми избивал ее. Он связывал ее, избивал кнутом … ей это нравилось! Она любила это!!» Мисс Памела указывала, что обычно Джимми не принимал участия в клубных оргиях «Shateau Mormont" и "Continental Hiatt House", куда группа переехала после убийств, организованных Мэнсоном, так испугавшими обывателей Южной Калифорнии тем летом. Однажды, один из роуди сообщил Джимми о том, что шайка молодчиков напала на "Plaster Caster". Пейдж отправился поглядеть на погром. Джимми находился под влиянием эксцентричного мага Алистера Кроули и пытался собрать коллекцию его вещей. Однажды, уже по возвращении группы в Англию, Памела случайно наткнулась на манускрипт Кроули в книжном магазине Гилберта на Голливудском бульваре и приобрела его для Джимми. С той поры, как Памелой овладела навязчивая идея о всесильности гадания на картах, она стала очень чувствительной. «Он был увлечен волшебством», — говорит она. «Уверена, что Джимми занимался черной магией со всеми ее ритуалами, свечами и кровью. Ну и конечно был слух, что все музыканты заключили сделку с Дьяволом, Сатаной, Черной Силой. Результатом стал громадный успех. Единственным, кто не подписался кровью был Джон Пол Джонс. Никто не знал источника слуха».

Летние гастроли завершились, как и работа Лед Зеппелин над вторым альбомом. Нагрузки Джимми были просто ненормальными. Для того чтобы забрать Пейджа в Нью-Йорк на организованный там смешанный концерт, Питер Грант и один журналист специально прибыли в аэропорт. Гитарист возвращался из Солт-Лейк Сити, где работал в студии “A and R”. После сейшена Джимми должен был немедленно отправиться в Лос-Анджелес. Обычно Питер и Джимми путешествовали вместе. Питер был расстроен, узнав, что самолет приземлился раньше и что Джимми уже уехал. Грант ожидал услышать упреки раздраженного гитариста, который не любил ездить на переднем сиденье, а особенно, путешествовать в одиночку.

К августу альбом “Led Zeppelin — 2” был записан в Англии и Северной Америке. Он отразил напряженную работу и моральное состояние во время последнего турне британской рок-группы. Хотя Лед Зеппелин была творением Джимми Пейджа, новый альбом отразил особенность и многогранность новой команды, еще более отшлифованными во время гастролей. Гитара Джимми обрела новое звучание с тех пор, как он переключился с «Телекастера» на новую “Les Paul”. Звукоинженером был Эдди Крамер — английский рок-туз, работавший одновременно с Джимми Хендриксом и группой Traffic. Он вспоминал, как на него давили с выпуском “Led Zeppelin — 2” в срок: «Мы смонтировали пластинку на студии “A and R” за два дня на 12-канальном приборе “Altec” — самом примитивном из тех, что только можно себе представить. Записи были сделаны в разных концах Америки: “Whole Lotta Love” — в Лос-Анджелесе, некоторые песни — даже в Лондоне, вокал Роберта был наложен в ванкуверской студии без помощи наушников, а песни типа “What Is And What Should Never Be” я лично записал в Нью-Йорке в студиях “Groove Sound” и “Jaggy Sound”. Короче, мы использовали студийное время где и как только могли. Овердаббингом занимались в коридорах и прихожих. Мы метались по всему Нью-Йорку, пытаясь прихватить студийное время где возможно. Это было дико, поэтому группа неистовствовала. Я не принимал участия в загулах».

В конце августа альбом был готов. В студии Джимми уселся в кресло для прослушивания, предварительно одев свою обычную одежду эпохи Регентства — розовую вельветовую куртку, ярко-красные расклешенные брюки, ботинки с застежками из кожи цвета темного вина. Многие говорили (например, Джерри Векслер), что настоящая пластинка — подлинный шедевр. Наконец Пейдж устал слушать похвалы и даже начал терять веру в удачность некоторых композиций. Открывала альбом “Whole

Lotta Love" с очень нервным вокалом Роберта и незабываемой игрой на гитаре. Затем, исполнение превращалось рев, напоминавший оснащенный ядерным оружием дивизион в бою, прежде чем сиренообразный голос Планта, умолявший о наиболее плотских формах любви, постепенно переходил в знаменитую «среднюю секцию». Выглядело это чрезвычайно абстрактно (но великолепно отрепетировано) — шумы поездов, вздохи женщин в оргазме, напалмовая атака на дельту Меконга, скрежет стальных мельниц. Мелодия поражала странностью — ее Пейдж вылепил из металлических переборов и усложнил эхо-эффектом. Пугающие, воющие звуки исходили из терамина Пейджа — электронного прибора, изобретенного во Франции еще в 30-е годы. Если слегка помахать рукой над антенной, торчащей из маленькой черной коробочки, то можно изменить частоту и производить причудливые космические шумы. Джимми впервые увидел этот прибор на концерте калифорнийской группы Spirit в этом году. Слова песни очень просты: «Приходи, я хочу отдать тебе всю мою любовь … Я хочу быть рабом у твоих дверей». Не важно, что говорить, обращал на себя внимание голос Роберта — неистовый и пугающий. Его горячий бессловесный галоп — нечто сумасшедшее, то, что никогда нельзя забыть.

Следующей композицией шла "What Is And What Should Never Be" — типичная для Цеппелинов песня: мягкость, шепот, мелодичность вначале и, вдруг … взрыв! Бомбардировка! Акустическая баллада — ясная и романтичная, неожиданно вскипает и превращается в военную песнь огня и разрушения. Личность Планта — вокалиста находится где-то между раболепием и стойкостью. Слова к этой великой рок-песне — скучны и неинтересны, повествуя об обольщении и запрещенной любви: «Я возьму тебя в замок», по словам Коула, история любовной связи между Робертом и одной женщиной. «Появившись в группе, он притащил ее к нам для знакомства … Мы все охуенно хохотали. Мы сказали: «Ты чего ебнулся? … Этот случай имел большое значение, ведь появилась песня. Она есть на втором альбоме».

"Lemon Song" была записана живьем в студии сразу после дебюта (гитарный овердаббинг сделали на мосту). Основная канва песни взята из композиции "Killing Floor" Хоулина Вулфа. Немного переделали слова, добавив кое-какие клише белого блюза и речитативы Роберта. Первую сторону заканчивала "Thank You" — одна из первых проб Роберта в качестве поэта. Сентиментальная любовная песенка, написанная в честь жены, ориентирующаяся на голубоглазый соул группы Young Rascals. Впервые Роберт и Джимми работали над песней совместно.

Завершается композиция органным соло Джона Пола Джонса — загадочным, зловещим, которое и приводит первую сторону пластинки к своему логическому завершению. Хриплая, тяжелая и глухая “Heartbreaker” открывает вторую сторону и представляет собой смесь банальной лирики Роберта и четкого блюзового гитарного соло, которое заканчивается довольно неясно и даже бессвязно … Моментально — великолепная “Living Loving Made”, рисующей портрет перезревшей нью-йоркской группи, преследовавшей Джимми в течение всего лета. «С лиловым зонтиком и в 50-центовой шляпе, Миссис Кул разъезжает на своем старом Кадиллаке». Позже, Джимми воскликнет: «Это о старой идиотке, пытавшейся выглядеть моложе своих лет».

Следующая вещь — “Ramble On” начинается игрой сразу на нескольких акустических гитарах — напоминание о том, что в 1969 году Калифорния услышала новое звучание Crosby, Stills & Nash. Звук волынки был достигнут реверсовым воспроизведением гармоники. Впервые вокал Роберта стоит наравне с соло-гитарой Джимми. Тема песни навеяна книгами Дж. Р. Р. Толкина «Хоббит» и «Властелин Колец». «Мордор», упоминаемый в песне — предмет духовных исканий Толкина и его хоббитов. Соло на барабанах Бонзо — “Moby Dick” — звучала точно так же в течение 5 (20) минут, когда на концерте группа давала себе перекур, в то время как Бонзо бушевал на сцене. Заключительная песня — “Bring It On Home” — самая эксцентричная. Начинаясь как безвкусный старомодный блюз Санни Боя Вильямсона с типичным негритянским вокалом (суровой пародией на старого негра), она вдруг завершается взрывом группы — громким, свежим, грамотным, наэлектризованным белым блюзом. Наконец скромная, почти благообразная игра Джимми на акустической гитаре опять же в блюзовой манере.

Работы велись в спешном порядке. “Atlantic” уже получила полмиллиона заказов на пластинку. Третье американское турне окончилось в Далласе 31 августа, за каждый концерт которого группа получила по 13000 долларов. Лед Зеппелин улетает в Англию для восстановления сил, где таможня аэропорта чуть не передралась из-за презентов — «платиновых» альбомов. Джимми на несколько недель отправился в Испанию перед первым концертом группы во Франции. Французское отделение “Atlantic” — “Barclay Records” считали турне Лед Зеппелин очень важным, так как сам Президент головной фирмы — Ахмет Эртеган лично сопровождал группу (почет, оказываемый лишь таким суперзвездам как Crosby, Stills & Nash.) В Париже Лед Зеппелин появилась на телевидении в живом эфире — программе “Tour en Scene”.

В октябре Цеппелины приготовились возвратиться в Штаты в 4-й раз за этот год. Но сначала состоялся концерт в Лондоне … Во время первой мировой войны (за 54 года до событий), Англия подвергалась ужасным бомбардировочным рейдам со стороны цеппелинов германского флота. Гигантские, наполненные водородом военные цеппелины снимались ночью с немецких военных баз, перелетали через Северное море и сбрасывали бомбы на Лондон. Это была первая в истории длительная бомбардировка. И хотя кайзер Вильгельм специальным указом распорядился не наносить ущерба королевским апартаментам или бедным кварталам, пилоты ориентировались лишь на огни города и свои ошибочные расчеты. Они просто не ведали куда упадут бомбы. Жестокая смерть и бойня сопровождали ночные тени цеппелинов. Их рейды считались безжалостным зверством англичанами, которые были беспомощны перед железными монстрами, пока, наконец, летчики не научились атаковать медленные неповоротливые дирижабли и превращать их в горящие огненные шары. 13 октября 1915 года, германский флотский цеппелин ЛЗ — 15 бомбил Лондон и одна из бомб попала в театр “Liceum” в Олдвиче. Через 54 года почти в тот же день (12 октября) эффект от выступления Лед Зеппелин в том же театре имел лишь слегка меньшую разрушительную силу. Указывалось, что группа получила самый большой гонорар за шоу, который когда-либо выплачивался английской группе. Воющая, исступленная публика, наконец-то, доказала, что Цеппелины не только одолеваемы лицемерием.

Через 5 дней группа начала четвертые гастроли по США, дав 2 концерта в нью-йоркском «Карнеги Холл» — став второй после Rolling Stones (5 лет назад), игравшей в столь престижном месте. Женская блузка с оборочками, ботинки из змеиной кожи Роберта и старинное одеяние Джимми эпохи короля Эдварда произвели сенсацию. После ординарного соло Пейджа в “White Summer” кто-то подошел и поставил бутылку холодного шампанского на сцену. (А после концерта администрация обвинила группу в том, что все сиденья буквально залеплены жевательной резинкой). И опять дорога — Чикаго, Кливленд, Бостон (где группа получала по 45000 долларов за концерт), потом выступления в Буффало, Торонто, Провиденсе, Сиракузах, Канзасе и других городах. 22 октября вышла пластинка “Led Zeppelin — 2”. С этого момента жизнь группы круто изменилась. К тому времени первый альбом находился на 18-м месте чартсов. Было продано 800000 копий за 40 недель. Битлз только что выпустили “Abbey Road”, а Стоунз — “Let It Bleed”. Несмотря на жесткую конкуренцию, второй альбом сначала оказался на 199-м месте в списках, а на следующей

неделе — уже на 25-м. Через месяц он занял второе место. А в конце декабря даже потеснил “Abbey Road” и стал первым в Америке. Лед Зеппелин приводил в экстаз. Круче, чем Битлз!!!

Вышла крупная ссора с “Atlantic” по поводу возможного выпуска сингла “Whole Lotta Love”. Радиостанции Америки постоянно передавали песню, и даже во Франции она дважды в день запускалась по длинноволновым каналам, будто композиция представляла собой французский хит, игнорировать который никак нельзя. Продолжаясь всего 5,5 минут, песня оказалась слишком длинной для американской станции “I Am Forty”. Цеппелины отказались выкинуть ее среднюю секцию, таким образом, сократив длину до трех минут. Питер и Джимми считали такой вариант слишком блеклым. И музыканты схитрили. Они решили играть перед публикой вживую без сокращения и купюр. Все же, несмотря на отрицательную реакцию поклонников, резкие возражения Питера Гранта и Джимми, “Atlantic” выпустила свой сокращенный вариант сингла. «Я просто не люблю брать песни с пластинки и печатать их на сингле», — возмущался Пейдж. «Две композиции — абсолютно не взаимосвязаны между собой». За 5 недель “Whole Lotta Love” \ “Living Loving Made” было продано миллион копий. Но музыканты отказались выпустить сингл в Англии. Грант же заявил, что не хочет иметь дело с радио, которое контролируется правительством.

В Америке конца 60-х — начала 70-х “Whole Lotta Love” стала как бы срочной телеграммой новому поколению фанатов. При разгуле секса, хаоса, при полной неясности и неопределенности песня, казалось, суммировала все неисполненные желания 60-х годов. Слова и лирика снижали напряженность борьбы того поколения, направляя мысли на бескрайнюю и вседозволенную любовь. И песня и Лед Зеппелин не особо нравились шестидесятникам, выросших на Битлз, Стоунз и Бобе Дилане.

Уставшие, измученные, безо всяких иллюзий, они повернулись лицом к более мягким звукам и кантри-року. Но их последователи — например, студенты колледжей желали удовольствий в больших масштабах. Лед Зеппелин стала их! командой. В течение последующего десятилетия музыканты превратятся в королей студенческой молодежи Америки. Цеппелины становятся воистину американской группой, преследуя свои интересы и Америка заключает в объятия свое детище, хотя несколько и странным образом. В этом году “Whole Lotta Love” во Вьетнаме превращается в воистину военный гимн. Американские солдаты и моряки установили 8-дорожечные стереомагнитофоны в боевых машинах и шли в бой, включив

песню на полную мощность. Смех сквозь слезы.

Критика подвергла суровым нападкам довольных успехом музыкантов и их альбом. Журнал “Rolling Stone” альбом осмеял, обвинив группу в присвоении песен королей классического блюза (Хоулина Вулфа и Санни Боя Вильямсона, а некоторые писаки даже указывали на связь “Whole Lotta Love” с “You Need Love” Вилли Диксона). Они утверждали, что тяжелый белый блюз лучше всего слушать под воздействием мексиканской водки ромиляра (наркотического сиропа), вьетнамской марихуаны и новокаина. Лед Зеппелин требовала безоговорочного приятия своего лидерства от нового поколения. Когда большинство публики не понимало радости совсем молодых зрителей, то музыканты вынуждены были скрывать свое разочарование. Наиболее драматичным стал приезд в Лас-Вегас, где Цеппелины увидели концерт своего кумира — Элвиса, который проходил в ночном клубе.

Турне находилось в зените. В Филадельфии группа выступала на баскетбольной площадке “Spectrum”. Предполагалось, что откроет шоу Jethro Tull, но Цеппелины заартачились, захотев побыстрее вернуться в нью-йоркский отель “Steve Paul’s Scene” и заняться девочками с выпивкой. Ричард Коул отправился к импрессарио и настаивал на выходе первыми, объяснив, что Джимми болен. Импрессарио мягко отказался. Коул ответил: «Слушай, есть проблема. Взгляни на Джимми — он охуенно болен и принимает таблетки от печени. Или мы выходим первыми, либо немедленно съебываем». «Вы не сделаете этого», — воскликнул импрессарио. «Ну», — заявил Коул. «Я не могу рисковать херовым здоровьем парня ради Вашей прибыли. Для нас деньги ничего не значат. Его самочувствие важнее для меня.» И у импрессарио не осталось выбора. Лед Зеппелин вышла первой, поиграла часок и на своих лимузинах отправилась в «Scene”.

Последний американский концерт 1969 года состоялся 8 ноября в сан-францисском “Winterland”. Открывали шоу Роланд Керк и Айзек Хейз. Американские гастроли Rolling Stones тоже были в самом разгаре — на следующий вечер они играли в Окленде. Ричард Коул посетил оба концерта. «Только тогда я понял насколько велики Цеппелины. У Стоунз все сидели, бля, как мертвые, а у Цеппелинов бесновались. Публика была моложе, у них море энергии, они хотят крушить». К тому времени Лед Зеппелин уже 9 месяцев была на колесах. Хотя первые гастроли принесли убытки, все остальные прошли удачно. За первый год существования группа сделала около миллиона долларов. Одни расходы на авиабилеты достигли 25000 фунтов. Через 6 месяцев они вынуждены были покинуть Америку из-за высокого

налогообложения. Джимми, Роберт и Ричард вылетели в Пуэрто-Рико, чтобы отдохнуть там несколько дней (по словам Ричарда «немного поблядовать»). Однажды вечером в гостиничном баре к ним приблизилась какая-то дама и положила руку на промежность Ричарда. «Большой», — удивилась она. Затем, она подошла к Роберту и глаза ее широко раскрылись. «Очень большой», — воскликнула женщина.

Остаток 1969 года Лед Зеппелин отдыхала, раздавая интервью. Джимми жаловался “Hit Parader” на то, что у BBC запор мысли. «Мы играем музыку и люди на улицах узнают ее. А взрослые люди с радио не знают этого. Если музыка уже заняла высокое положение, значит масса людей понимают ее». (Тогда же Эрик Клэптон жаловался на беспрецедентную жестокость в сражениях между американскими рок-фэнами и полицией во время его гастролей с раскрученной Blind Faith.) Другому писателю Джимми заявил: «Мы являемся группой людей, собравшимися вместе для выпуска альбома. И в одном своем качестве мы уверены полностью — удивительный энтузиазм. Мы играли нерафинированный рок-н-ролл — в этом секрет нашего успеха. У нас есть возможность очаровывать рок музыкой». Джимми пропустил презентацию альбома 11 декабря, так как его машина попала в автомобильную катастрофу по дороге в Лондон. Скоро Пейдж приобрел новый «Роллс-Ройс». В Америке песня “Whole Lotta Love” и весь альбом “Led Zeppelin — 2” изменили звучание рок-музыки. Старые термины — «белый блюз», «тяжелая музыка» не устраивали больше Цеппелинов. Обратились к новому термину — «хэви метал». Это словосочетание было изобретено писателем Уильямом Берроузом, затем группой Steppenwolf в хите “Born To Be Wild”. Но Джимми обиделся: «Ублюдочное название не для нас. Не могу связать себя с металлом, так как большинство людей считает, что такая музыка разрушительна, а мы никогда не занимались разрушением. Наша музыка полна динамики, света и тени, драматизма и поэзии. Вот на что следует опираться.» Одному журналисту Джимми высказал политическое кредо группы на перспективу: «Чувствую, что некоторые так называемые прогрессивные группы зашли слишком далеко в своем персонифицированном интеллектуализме по отношению к бит-музыке. Наша музыка эмоциональна по своей окраске, так же, как и все рок-звезды прошлых лет … Мы не собираемся делать каких-либо политических или моральных заявлений. Просто, наша музыка — это мы».

В Англии Роберт приобрел ветхое имущество — Дженнингс Фарм в Блейкшеле, неподалеку от Киддеминстера. Местная легенда гласила, что в этом старинном месте останавливался

король Чарльз 1 после поражения в битве при Уорсестере. Роберт перебрался сюда вместе с Морин, дочерью и старыми друзьями. Они купили трактор, начав выращивать кур и коз. Местному корреспонденту Плант заявил: «Смешно, что всего несколько месяцев назад я был неудовлетворенным певцом, а теперь меня называют грядущим секс-символом. Это неплохо … Если публика рассмотрит член через штаны, то можно именоваться и секс-символом».

Бонзо также купил дом поблизости — старую ферму в Вест Хэгли. Он тратил тысячи долларов на автомобили. К концу года их было уже 8, включая и одну из первых моделей «Роллс-Ройса». Джон Пол Джонс переехал вместе с семьей в дом в Чорливуде (графство Хартфордшир).

Триумф Лед Зеппелин произошел благодаря профессионализму и умению. Великие группы типа Cream распадались из-за разногласий. Битлз разошлись в ненависти в том же году. Брайан Джонс был удален из Rolling Stones и скоро утонул в бассейне. Каким-то образом Цеппелины избежали самовлюбленного эгоцентризма в отличие от других поп-звезд. Они обладали инстинктом самосохранения и долгосрочными целями, позволившими им устремиться вперед. Отказываясь появляться на телевидении, презрев выпуск заведомо денежных синглов, они преуспевали в отличии от многих и даже увеличивали свои шансы на удачу. Странный цемент удерживал группу вместе, хотя четверка музыкантов сильно отличалась друг от друга. В то время как Пейдж и Джонс — профессионалы и циничные лондонские парни, Роберт и Бонзо — наивные провинциалы, игравшие больше от любви к музыке, чем к деньгам. Пейдж и Джонс казались замкнутыми и надменными, а Роберт и Бонзо открытыми и веселыми. Пейдж и Джонс — спокойные, лишенные чувства юмора, всегда державшие себя под контролем. Плант и Бонзо — безудержные и смешливые, всегда находились под влиянием двух других и Питера Гранта.

Дело, однако, заключалось в том, что Цеппелины сумели найти свою аудиторию, свою публику. И группа смогла удержать этот народ в крепких руках.

Глава четвертая: Валгалла, я приду!

Делай, что хочешь. И будет так.

— Алистер Кроули, «Книга Законов».

К 1970 году Джимми Пейдж уже несколько лет занимался изучением жизни и трудов Алистера Кроули. Гитарист обладал все возраставшей коллекцией книг, манускриптов, достопамятных вещей мага. В этом году Пейдж приобрел самый уникальный экспонат — дом «Болескин» на берегу озера Лох-Несс в Шотландии.

Странная жизнь Алистера Кроули оказала большое влияние на Лед Зеппелин, поэтому здесь необходимо остановиться подробнее. Являясь выходцем из состоятельной английской семьи, он родился в 1875 году. Высокий, обаятельный молодой человек, уже успевший опубликовать свои стихи в Оксфорде. Также, Кроули был известен как очень хороший альпинист и скалолаз. Судьба этого человека была драматична и порочна. Кроули присваивал благородные титулы, например, был известен под именем шевалье МакГрегор, проповедуя странные учения и поощряя проституцию. Жадный до всяких таинств и эзотерических учений, он вступил в Орден Золотого Века, но затем был исключен оттуда руководителем — Уильямом Батлером Йейтсом, который писал леди Грегори: «Не думал, что мистическое общество призвано быть реформаторским». Кроули отправляется в Мехико, где проводит целый год, пытаясь растворить свое отображение в зеркале. Традиционные маги создали целую систему звуков, письмен, ритуалов и обстановку таинственности вокруг магии. Но Кроули чувствовал, что истинная магия сокрыта в человеческой воле и может освобождаться необычными процессами и действиями. Магией объяснялась живучесть дохристианской эпохи — целый мир духов и сил, впоследствии подавляемый церковью. Официальная мораль объявлялась никчемной. Кредо Кроули выражается в его письмах — «Делай, что хочешь, и станет это основой закона». Он прожил жизнь в незначительных приключениях, происшествиях с очень таким декадентским оттенком. Принимал участие в великих экспедициях на Гималаи (некоторые из которых были просто ужасны), время от времени писал и снискал известность довольно скандального писателя (его книги считались порнографическими со слишком уж обнаженными чувствами),

вызвавшего на дуэль закосневших некромантов, натравив на них полчища демонов. Большинством считался жуликом и шарлатаном, а своими последователями — настоящим магом. Кроули открыто жил сразу с несколькими женщинами. Известна его поистине легендарная любовь к наркотикам — гашишу, опиуму, кокаину и героину. Кроули был изгнан с Сицилии после того, как один из спутников мага умер в сельском «монастыре» учителя в Телеме. Широкую скандальную славу Кроули приобрел и тем, что он называл «сексуальной магией», или сексуальным общением, не заканчивающимся оргазмом. Этот процесс предполагал длительный экстаз и интоксикацию. Лондон был поражен, узнав, что одна из наиболее уважаемых замужних дам города посещает сатанинские сходки Кроули на Фулхэм Роуд. Маг или «Великий Зверь 666» и «Самый Порочный Человек в Мире» (как он иногда называл себя) привлекал людей в исполнение ритуала «сексуальной магии».

Кроули окончил свои дни, переезжая из одной страны в другую, скрываясь от кредиторов и полиции. Страдая от астмы и постоянных бронхитов, все время принимая героин, он скончался в Брайтоне и был почти позабыт, но не английскими рок музыкантами, имевшими деньги и желавшими жить на манер Кроули … Вспомнили о маге лишь спустя годы после его смерти.

Джимми приобрел Болескин в 1970 году — здание 18-го века в форме подковы со зловещей историей. Дом с окнами, глядевшими на Лох-Несс — предположительное место обитания чудовищных рептилий; ранее был частью церкви. Церковь впоследствии сгорела со всеми прихожанами. Согласно местной легенде, здесь же был обезглавлен человек и можно было слышать, как голова несчастного катится по залам и комнатам в ночное время. Когда Кроули поселился в доме в начале столетия — он назвал себя «владетелем Болескина», принарядился в шотландскую юбку и стал пытаться вызывать таких демонов, как Тот и египетского волшебника Хоруса. Кроули практиковал и занятия опасной магией — вызыванием ангела-хранителя. Дом и террасы стали посещать тени. Известно, что бывший владелец Болескина вдруг превратился в берсерка, пытавшись убить свою семью. Когда Кроули попробовал нарисовать магические знаки — в комнате стало так темно, что пришлось зажечь огонь, хотя на улице вовсю светило солнце.

Джимми купил дом у канадца. Во времена Кроули особняк пользовался дурной славой у фермеров и местных рабочих. Каждый, живший на озере считал, что Болескин приносит зло. Джимми Пейдж смотрел на унылый ландшафт, постепенно приходя к такому же выводу.

В 1970 году Цеппелины начали пробное турне по Англии. В прошлом году группа неожиданно столкнулась с рядом проблем, связанных со все возраставшей продолжительностью сетов. На этот раз, Питер Грант оставил на время группу, чтобы со стороны понаблюдать — достаточно ли будет двухчасового блицкрига группы с ее динамичными блюзами. Как обычно, публика жадно вбирала музыку. Теперь Джон Пол Джонс играл на двух инструментах — басу и органе Хаммонд. Это помогло Джимми видоизменить собственные волыночные звуки. После концертов в Бирмингеме и Бристоле 9 января (день рождения Джимми), в лондонском «Альберт Холле» состоялся еще один. За кулисами стояла французская фотомодель Шарлотта Мартин, приставшей к любой рок-знаменитости Лондона. Ричард Коул вспоминал, что поначалу она приклеилась к Эрику Клэптону, который однажды вечером притащился с ней в “Speakeasy”. Разговор сразу же прекратился. Обстановку разрядил Роджер Долтри, воскликнув: «Ептыть, Эрик, где ты подцепил эту птичку?» Тем не менее, этот вечер положил начало долгим и бурным отношениям Джимми и Шарлотты, которая позже родит Пейджу единственного ребенка — дочь Скарлетт Пейдж.

Турне завершилось в Лиддс в конце того же месяца и Джимми с Шарлоттой поселились в Пэнгборне, наслаждаясь эдвардианским укладом жизни. Пейдж увлекся коллекционированием антиквариата и прерафаэлитской мебели. Слишком длинные волосы и шотландская в клетку одежда теперь вызывала ярость даже на деревенских улицах, поэтому музыкант стал вести образ жизни затворника. Межгастрольная идиллия была нарушена, когда в дождливую февральскую ночь полиция постучалась в дверь и поинтересовалась — знает ли хозяин дома господина Роберта Планта, пострадавшего в автомобильной катастрофе. Сердце Джимми замерло. Неужели он потерял певца? Был ли ребенок в машине? Позвонив в госпиталь Киддеминстера, он узнал, что «Ягуар» Роберта соскочил с дороги после концерта в клубе “Spirit” неподалеку от Бирмингема. Находясь далеко от дома, Роберт дал телефон Джимми, жившего ближе остальных знакомых. Рука певца была сильно ушиблена, а над глазом — сильный порез. Но Роберт заявил, что если надо, то он готов работать даже в инвалидной коляске. Концерт в Шотландии отменили, так как Роберт нуждался в некоторой реабилитации. Автокатастрофы в будущем станут ужасной планидой Лед Зеппелин. Между тем, Питер Грант подарил Джимми на день рождения автомобиль марки «Бентли». И Пейдж обучался вождению.

В конце месяца Роберт чувствовал себя достаточно прилично,

чтобы присоединиться к Лед Зеппелин для поездки по Европе, которая и началась в Копенгагене. Однажды в студию ворвалась женщина по имени Ева Фон Зеппелин, из рода того самого Конта Фон Зеппелин — изобретателя первых немецких дирижаблей. Женщина оказалась истеричкой. Она грозила ужасными судебными процессами, если группа, выступающая под названием Лед Зеппелин не сменит название. Датской прессе она заявила: «Может они и известны на весь мир, но парочка трясущихся обезьян не имеет права использовать почтенную фамилию без разрешения». Группа должна была появиться на датском телевидении, а Фон Зеппелин безуспешно пыталась сорвать шоу. Наконец Джимми с Питером успокоили ее и женщина покинула студию. Увидев же обложку первого альбома группы с цеппелином, прорывавшимся сквозь пламя, она разъярилась опять. Под давлением официальных угроз во время концертов в Скандинавии Лед Зеппелин играла под названием “The Nobs” (сленг кокни — то, что висит между ногами музыкантов).

Эта поездка родила новую блюзовую экстравагантную вещь — “Since I’ve Been Loving You”, по праву считающейся одной из лучших блюзовых композиций. В свободное время Коул вывозил ребят в секс-клубы. Все шло миролюбиво до тех пор, пока группа людей, проводивших пресс-конференцию в художественной галерее, не оскорбили группу, высказав все, что они думали о беспутстве музыкантов. Джимми был обижен безвкусным современным искусством и побудил Бонзо к доработке парочки картин, на которых еще не успела высохнуть краска. Когда менеджер возмутился, Питер Грант купил картинки, чтобы замять скандал. Скоро вспыхнула драка между Коулом и Бонзо с одной стороны и двумя репортерами — с другой. Журналистов просто вышвырнули вон.

В начале марта в Англии Питер Грант нарисовал план 5-х гастролей Лед Зеппелин по США, которые предполагалось начать в конце того же месяца. Респектабельная лондонская газета “Financial Times” накатала статью о группе, отмечая, что музыканты сумеют заработать 800000 долларов, дав 21 концерт за месяц. Газета расписывала Роберта как болезненного прерафаэлитского героя, с деликатными манерами и кудрями, ниспадавшими на лицо во время пения. «Плант с микрофоном в руке … низкие грустные звуки, похожие на пение американских блюзовых певцов 30-х годов. Кульминацией является крик из безмолвного дотоле зала: дави на лимон, пока сок не потечет по моей ноге». Музыканты посмеялись над статьей, а вот для Роберта она оказалась важнее. Признание газетой “Financial Times” больших заработков Цеппелинов, утверждало Планта в

глазах его отца и положило начало реабилитации вокалиста в глазах родителей.

5-е американское турне оказалось чертовски тяжелым для группы. Они вернулись в Америку в период самого большого гражданского несогласия за всю историю страны. Нация разделилась на несколько лагерей по своему отношению к войне во Вьетнаме. Студенческая молодежь Америки — основная публика Лед Зеппелин, вела себя неспокойно и постепенно охладевала к музыке. Массовые антивоенные демонстрации носили оттенок жестокости, в особенности при столкновениях с полицией. Местные власти и полиция обозлились (как раз по окончании гастролей произошло убийство нескольких студентов Кентского Государственного Университета). В атмосфере напряженности и страха, присутствие многотысячных толп на концертах таких групп как Лед Зеппелин считалось явлением опасным и ненужным. Думали, что ни к чему взвинчивать нервы и без того уже разъяренным людям. Ультрадлинные волосы музыкантов, косматые бороды и неприкрытые идеалы хиппи презирались копами, прибывавшими на концерты в касках и со щитами в полной боевой готовности. И точно — безработными они не оставались.

Турне стартовало в Ванкувере. По дороге в Канаду украли любимую гитару Джимми — “Les Paul” из фургона в аэропорте. Позже, Пейдж дал объявление в “Rolling Stone” — фотографию без указания своего имени и обещание о вознаграждении. Но все оказалось безрезультатно. Во время концерта в Ванкувере Ричард Коул заметил в толпе мужчину с большим микрофоном в руках. Коул указал на микрофон Гранту. К тому времени, цеппелины уже становились жертвами бутлеггеров. Появилась волна записей необработанных концертов, а обворованные музыканты были крайне возмущены покушениями на свою музыку. Beatles, Rolling Stones, Bob Dylan и Jimy Hendrix также чувствовали себя обкраденными. Начали появляться и первые неразрешенные к записи пластинки Лед Зеппелин. Грант посещал пользовавшиеся дурной славой музыкальные английские магазины для конфискации любых бутлегов группы. В начале года на первой странице “Melody Maker” была напечатана статья о подделках под Лед Зеппелин, распространяемых человеком по имени Джеффри Коллинз — владельцем музыкального магазина на Чансери Лейн. На той же неделе Грант и Коул посетили магазин около 6 вечера. Грант повесил на дверь табличку «закрыто», а Коул стал угрожать насмерть перепуганному дельцу. Последний выдал весь запас подделок. «Группа устала оттого, что их постоянно обкрадывают», — заметил Коул, — «и мы послали парочку роуди,

которые затащили парня за кулисы. Я приказал пиздюку приблизиться и разбил магнитофон с микрофоном о его голову». Случилось так, что рядом оказался представитель правительства Канады, измерявшего децибелы на концерте. Ссора разгорелась с новой силой. За сценой разъяренный Бонзо вдребезги разнес костюмерную, что обошлось Гранту в 1500 долларов. Репутация гангстеров постоянно преследовала группу. Коул вспоминает один эпизод: «Мы остановились в Виннипеге, имея очень и очень подмоченную репутацию. И трудно было что-либо поделать с этим. Питер Грант желал, чтобы группа получила все ей причитающееся, я был лишь исполнителем задумок. Планировалось, что Цеппелины выступят под открытым небом, но начался дождь, а с ним и бесчинство раздраженной публики. Появился импрессарио и вручил нам деньги. Я заметил: «Отлично, мы даже и не играли ни хуя! Здорово!» Он ответил: «Вы больше здесь и не будете играть». Я удивился: «Ты что думаешь — мы не умеем заебано выступать? Мы чуть не надорвались, добираясь сюда и вынуждены были платить деньги за этот ебаный самолет с аппаратурой». По словам импрессарио, нью-йоркские агенты передали, что Цеппелины лучше сломают себе ноги, чем будут играть под дождем. Но я ответил: «Парень, мы приехали сюда не для того, чтобы разочаровывать людей. Эти ребята — музыканты и они будут играть, даже если им придется остаться без аппаратуры.» Роуди Клайв Колсон возмутился, так как были проблемы с усилителями. «Заткни свой ебаный рот и делай, что сказано», — взорвался Ричард. Подходил к концу второй день торчания группы в отеле. Работники Коула выдумывали различные штучки для поддержания боевого духа музыкантов. Грант обратился к Коулу: «Ну что будем делать?" Ричард отреагировал: «Может посмотрим "Yellow Pages" и отправимся в круиз?" Грант ответил: «Только не это, мать твою так! А как насчет стриптиза или танцовщиц?"

Ричард нанял четырех девушек для выступления в отеле, которые притащили свой собственный магнитофон. Грант вызвал прислугу и приказал принести 60 «отверток». «Я сказал 60, мать твою! Шесть ноль! Десять раз по шесть! Вот что нам нужно!» Когда все перепились, Ричард пригласил девчонок, которые переоделись в соседней комнате в свои обычные одежды. А когда явился голый Коул, веселье вспыхнуло с новой силой. Все хохотали до тошноты. «Я трахнул одну из телок на столе до конца не снимая ее одеяния», — вспоминал Коул. «И в этом нет ничего аморального. Большинство людей хотят поступать именно так. Вся история Лед Зеппелин заключается именно в этом».

Позднее, во время турне возникли проблемы, связанные с

обострением отношений между фэнами и службой безопасности. В Питтсбурге и других городах Лед Зеппелин была вынуждена прекратить игру и покинуть сцену до тех пор, пока не прекратилась жестокая схватка у сцены. Происшествия разочаровывали музыкантов. Наконец, устроители концертов добились надлежащей организации. Впервые группа появилась в Америке без «подогревателей» и все внимание публики сфокусировалось именно на Цеппелинах. Коул разъяснял: «Верь, Грант — отличный менеджер. Он понял, что если группа такая крутая и клевая, то «подогрева» и не нужно ни хуя. Зачем тратить время людей даром? Если идешь на концерт, то не будешь слушать каких-то Шмак Систерз, выступающих целых полчаса. Ведь лучше посидеть в баре. Прекратились все эти ебаные споры и ругань между группами из-за аппаратуры и прочего говна. Если мы выходили на сцену — все было под рукой и все готовы к работе. Никакого авось! Все проверено, все работает. За минуту до поднятия занавеса необходимо просто нажать кнопку. Так было!»

На юге группа встретилась со сложностями. Цеппелины могли остановиться перекусить в каком-нибудь придорожном кафе, а потом увидеть свое фото в “Easy Rider”. Полдюжины цветастых, волосатых, бородатых англичан-хиппи свирепо смотрят и проклинают их. Хиппи были развязны и шумно веселились. Официантки отказывались обслуживать. В концертные залы звонили и угрожали смертью. Иногда люди вытаскивали оружие, нацелив его на музыкантов. Вот типичный случай: «6-го апреля Лед Зеппелин прибыла в Мемфис, где и была встречена гражданами города. Встречали так же как Элвиса и Карла Перкинса. Вечером толпа озверела до предела во время “Communication Breakdown”. Этот момент стал торжеством Цеппелинов и скоро 10000 парней-южан тряслись в исступлении, как язычники. В конце концов, не выдержал импрессарио, наблюдая за процессом. Он приказал Гранту прекратить концерт. Грант ответил: «На хуй пошел, но я не стану этого делать». Тогда бизнесмен направил дуло пистолета на Питера и зашипел: «Если не прекратишь шоу — я тя застрелю». Грант повалил его на землю и рассмеялся в лицо: «Ты — пиздюк, меня не застрелишь. Они (подростки) только что сдали мне эти гребаные ключи от города!»

Скоро цеппелины уже выступали в Ралее (Южная Каролина). Однажды, роуди Генри Смит, находясь в туалете за сценой, услышал, как двое местных копов разрабатывали план нападения на этих «разъеб-Цеппелинов». Вечером, Генри поведал об этом Коулу, который и позвонил Стиву Вейсу в Нью-Йорк. Через час, прибыло несколько дюжин частных охранников из агентств

«Бернс» и «Пинкертон», нанятых Вейсом в качестве буфера между группой и полицией. В Джорджии наняли 8 телохранителей после ряда угроз в адрес группы. По два вооруженных агента постоянно находились в каждом лимузине Цеппелинов. В Техасе один оборванец кричал что-то о длине волос, а музыканты дружно посылали его на хуй. Бонзо вспоминает: «После концерта в дверях появился тот же парень. Он вытащил пистолет, спросив — ну что и теперь будете орать? «Мы сразу же смылись». Позднее в аэропорту, Джимми и Роберт подверглись оскорблениям двух пьяных матросов за слишком длинные волосы. Питер Грант схватил обоих за шиворот, сшиб с ног, поинтересовавшись: «Ну что, поппи, какие бля проблемы?»

Были и другие столкновения, а Джимми и Роберт выглядели совсем больными. Несмотря на развязную, сексуальную манеру поведения на сцене, Плант стал испытывать чувство страха — сдавали нервы. Питер Грант успокаивал, говоря, что ничего не случится, что Роберт — «крутая звезда». И это было чистой правдой. Юные фэны неистовствовали. Они вертелись и атаковывали сцены, извивались подобно скользким угрям, и когда один ряд разбивался о сцену — немедленно появлялся другой, напоминая волны прибоя. Часто Роберт выплескивал на своих слушателей целую серию приливов и отливов чувственности, которой были насыщены его песни. Юнцы с восторгом принимали даже неудачные концерты. Однажды в “Philadelphia Spectrum” резко упала мощность звука. Роберт и Джимми ушли со сцены, предоставив Бонзо почти в течение часа исполнять «Моби Дик». Фэны не обратили на сбой никакого внимания. Им нравилось!! И когда музыканты вернулись — начался очередной безумный приступ сцены зрителями. Молодежь просто хотела видеть контраст между затянутым в джинсы блондином-вокалистом с вьющимися усами и бородой и темноволосым волшебником-гитаристом с немного дикими глазами. Когда Джимми и Роберт приближались слишком близко друг к другу на сцене, публика выла от восторга, будто наблюдала за процессом совокупления. Лед Зеппелин создавала свой собственный облик, воздействуя таким образом на поклонников. Музыка — лишь одна сторона монеты. Что-то здесь было еще.

Турне завершилось на грустной ноте в Фениксе, когда голос Планта превратился в лягушачье кваканье после 29 отыгранных концертов. По плану последнее выступление Лед Зеппелин должно состояться в Лас-Вегасе, но певец охрип и шоу пришлось отменить. Наконец группа вылетела домой. За несколько дней до окончания гастролей к музыкантам приехали жены, все

чувствовали себя неловко. «Атмосфера изменилась», — говорит Коул. «Ебаный бизнес. Больше жены к нам не приезжали».

Музыкантов напугала жестокость полиции, поэтому они просто рвались домой. В одной из английских музыкальных газет цитировали слова Джонса: «Жестокость пугает меня, в основном потому, что США — величайшая держава в мире … Кажется, будто находишься в центре драки. На это тратятся большие деньги. Похоже, что правительство здесь коррумпировано». А Джимми пожаловался на плохое обслуживание в ресторанах и отелях, где однажды, Цеппелинов изгнали из бассейна, заявив, что музыканты могут заразить дурной болезнью других гостей. Роберт насмехался над Джеймсом Тейлором и его пьяным, интроспективным софт-роком, который преподносился в Америке как великое новое направление. И Плант был прав. 200000 американских подростков доказали, что именно он, Роберт — «великое новое направление».

В Англии пришлось потратить несколько недель на запись третьего альбома, который “Atlantic” намеревалась выпустить этой осенью. Впоследствии, фэны прозвали этот диск «Коричневым Бомбардировщиком» из-за цвета обложки альбома. “Led Zeppelin –2” все еще занимала верхние строчки чартсов. Группа успела выпустить и ряд новых песен. “Immigrant Song” отражала ассоциации Роберта с Британией кельтов в контексте с английской историей (особенно с 8-го по 11-е века), когда англичане боролись за свой остров с племенами викингов-завоевателей из Дании и Швеции. “Immigrant Song” с изображенными в ней северными моряками-варварами и ограбленными монастырями, была первым надгробным плачем. Группа посчитала, что именно эта композиция будет открывать концерты в следующем турне. Между тем, в конце апреля Джимми осуществил одно из своих редких посещений телевидения. Он исполнил “White Summer” и “Black Mountain Side” на BBC — 2 в программе, которую тогда вела Джулия Феликс.

Постепенно Лед Зеппелин стала испытывать переутомление от беспрерывной 15-месячной работы, в основном, проведенных в турне по Америке. Бонзо и Джонс разъехались по домам к семьям, а Джимми и Роберту пришлось работать над альбомом. Первоначально, когда их вкусы склонялись к Crossby, Stills and Nash, а также Джони Митчелл и когда возникло их сотрудничество в пути, появилось решение приобрести дом в Северной Калифорнии и работать над композициями там. Но хотелось все же находиться поближе к семьям и Роберт предложил перебраться на Уэльс, купив уединенный коттедж в

горном диком Брон-Е-О, где Плант бывал в детстве. Мечта всех молодых хиппи тех дней — отказ от зла городской жизни, возвращение к природе, земле, жизнь отшельников на старых фермах, зов предков, иными словами. Джимми никогда не бывал на Уэльсе до того. И он думал, что тихое, таинственное окружение сыграет положительную роль после ужасных гастрольных потрясений. Роберт захватил Морин с ребенком, а Джимми — Шарлотту. Трое роуди — Клайв Колсон, Генри Смит и Сэнди МакГрегор поехали на всякий случай. Брон-Е-О — название уэльсского золотого забоя, находится на плоскогорье вдалеке от магистралей. Рядом — река Дори. С гитарными футлярами, бряцавшими на задних сиденьях джипов, группа людей пересекала долины и поля. Конечная цель путешествия — дом, где не было даже электричества. В основном, конечно же, поездка предназначалась для отдыха, а не для работы над песнями. Весной Уэльс весь благоухает цветами. Много времени проводили на природе. Музыканты таскали за собой магнитофоны, работая над мелодиями. Они катались в окрестностях на джипе, посетили близлежащее поместье и заброшенный дом, который был слегка переделан командой молодых ребят в своих целях. Оказалось, что один из парней узнал их и попросил Джимми сыграть, дав ему гитару, но Пейдж с притворной скромностью отказался, объяснив, что и не умеет вовсе. В другой раз спокойствие нарушила группа байкеров. Нарушители тишины взбесили Роберта и он уже был готов призвать роуди на усмирение, но ребята оказались фермерскими сынками со всеми вытекающими отсюда правами на стрельбу, рыбную ловлю и громыхание. Один из «детишек» зевнул и спросил: «Ты чо — правда Роберт Плант?» Вечерами сидели у камина, попивая горячий сидр, нагреваемый при помощи кочерги из очага. Использованные магнитофонные батарейки подзаряжались, нагреваясь на углях. После пребывания на Уэльсе, музыканты получили очередную порцию вдохновения. Песни, записанные на третью пластинку, обрели новую форму, пропитавшись народным духом — акустические, буколические, сильно отличавшиеся по тону от механического скрежета и навеянных дорожными передрягами композициями «Коричневого Бомбардировщика». Тогда, музыканты были просто не в духе. Позднее в беседе с журналистом, Роберт рассказал об идиллии в Брон-Е-О: «Это явилось шагом назад и он был необходим для осмысления, продвижения вперед. Лед Зеппелин становилась великой и нам необходим был отдых перед гастролями. Мы хотели определиться … Поездка в горы подтолкнула к поэтическому и музыкальному сотрудничеству Пейджа с Плантом. Я думал, что мы имеем право на отдых и тишину.

Результат — песня “Marine Country Blues”. Считаю, что на Уэльсе эта композиция вышла удачнее, чем если бы мы ее писали в Сан-Франциско. И это великолепно».

19 мая Лед Зеппелин уединилась в старом деревенском особняке «Хэдли Грандж» в Хэмпшире, вдали от развлечений Лондона. Занимаясь записью “Led Zeppelin — 3” при помощи передвижной студии звукозаписи. Группа, ее менеджмент и обслуга превратились в домохозяек. Пластинку продюсировал Джимми. Некоторые вещи, такие как “Immigrant Song” уже была готова. Появилась новая запись — блюз под названием “Poor Tom”, осуществленная в начале мая в лондонской студии “Olympic”. Другие песни — “That’s the Way”, “Down By The Seaside”, “Bron-Y-Aur Stomp” были привезены с Уэльса.

Сейшены в «Хэдли Грандж» производили впечатление смеси тяжелого цеппелиновского рока и акустического звучания, навеянного популярным в то время софт-роком Калифорнии. Тяжелые номера были такими же безжалостными, как и боевые композиции с «Коричневого Бомбардировщика». “Immigrant Song” рассказывала о грабежах, сжигании, разрушениях, творимых викингами-завоевателями, нашептывала сказки о былой славе. Вопли Роберта перерастали в боевой клич, стоны — в завывания северного ветра на руинах северных монастырей. Сначала предполагалось, что песня станет преемницей “Whole Lotta Love”. Композиция завершается словами: «Вал-гал-ла, я приду». Песня оказалась слишком тяжелой, чтобы воспринимать ее всерьез: содержание ее довольно бестолково, но фэны Цеппелина приняли и ее. Композиция навевала настроения и фантазии далеких веков и представляла собой нечто среднее между сказанием о Беовульфе и прочими чудесами. Кстати, большинство тяжелых групп прошло через это. Затем, следовала песня “Friends” — бесцеремонно заимствованная сразу у двух групп — Crossby, Stills & Nash (акустическое звучание) и струнные аранжировки Тони Висконти для T-Rex — известной английской группы 70-х годов. Имея меланхоличную оркестровку и хор, песня стала последней пробой Джимми в психоделии. Композиция постепенно переходит в игру на волынке, предваряющей “Celebration Day”, передающей шум битвы, с многочисленными гитарными овердаббами. Во второй части песни проглядывает “Living Loving Maid”. Открывающие ее звуки волынки несут скорее косметический, нежели заглавный направляющий характер. Совершенно случайно помощник звукоинженера стер начало записи и буквально сбежал из студии, опасаясь за свою жизнь.

“Since I’ve Been loving You” — великолепный новый блюз Джимми и Роберта был записан живьем в студии и отражает,

пожалуй, главное направление звучания группы в тот период времени. Пассажи Джимми прекрасны и оригинальны. Здесь явно прослеживается большое внимание Роберта к Вану Моррисону и Дженнис Джоплин. “Out On the Tiles” — завершает первую сторону с присущей тонкостью и нежностью — безумная, монументальная вспышка Цеппелинов, крайне жесткая, с той мистикой, которая так полюбилась целому поколению молодых американцев, попивавших дешевое яблочное вино “Boones Farm” и всегда готовых слушать рок.

Рок-фэны оказались заинтригованными композициями второй стороны — очень спокойной и нехарактерной для Лед Зеппелин. Казалось, что группа смущена чистым, непревзойденным успехом “Whole Lotta Love”, что вопреки сложившемуся общественному мнению о них, как о тиранозаврах рока, испытывают отвращение к такому ярлыку. Эти музыканты считали себя художниками. Они захотели создать респектабельный альбом после победного, ураганного марша первых двух, пластинку, которую можно оставить своим домочадцам и которую можно слушать так же спокойно, как Fairport Convention и Joni Mitchell.

Вторая сторона открывается “Gallows Paul” — древней и волшебной балладой, которую Джимми отыскал на старом альбоме “Folkways” Фреда Герлаха — одного из первых белых музыкантов, игравших на 12-струнной гитаре как народном инструменте. Игра выглядела очень «домашней», с вкраплением скрипки и банджо. «Мои переборы», — впоследствии говорил Джимми, — «были чем-то средним между игрой Питера Сигера, Эрла Скраггса плюс полная неразбериха». Поэтическая образность песни отсылает к «Повешенному», которым Джимми (как и Кроули, придумавшим свою собственную колоду карт) очень интересовался. (Мистическое обозначение карты «Повешенного» отражает меняющиеся условия, поиск мудрости и выхода из бессознательного состояния). Затем, идет композиция “Tangerine”, позаимствованная у Yardbirds. Она была написана Джимми в период эмоционального смятения и остальные участники Yardbirds напрасно пытались понять ее. Слова подверглись переработке, использовалась гитара с педалью и стальными струнами, яркое соло напоминало игру Джеффа Бека. “That’s the Way” — следующий номер, который имел прекрасную партию гитары с эхом. Песня построена на чувственных записях Нейла Янга. Тексты посвящены экологии, загрязнению вод, честно комментировали худшие времена пребывания группы в США, где музыкантам угрожали арестом в случае очередного появления на сцене, где полиция обвиняла их в извращениях и употреблении

наркотиков, где они наблюдали за дулами пистолетов, направленных на костюмерные. Настроение поднимается от прослушивания “Bron-Y-Aur Stomp” — странствующий скиффл с четким ритмом и легкой игрой Бонзо. Текст Роберт посвятил своей собаке по кличке Страйдер. Все записи были практически завершены к середине июля, включая и две песни, привезенные с Уэльса — “Down From The Seaside” и “Bron-Y-Aur Stomp” — гитарное соло Джимми. Была и еще одна вещь (пока без названия) — резвая блюз-версия песни Бакка Хайта “Shake Am On Down” с неуправляемой гитарой и синтезированным вокалом, апеллирующим к безумным ощущениям Роберта Джонсона и даже превосходящих их. Позднее, когда Цеппелины повстречались с блестящим полусумасшедшим певцом фолка на фестивале в Бассе в конце того месяца, они назвали эту блюз-композицию в его честь — “Hats Off To (Roy) Harper”. Позднее, Джимми пояснил: «Насколько я понимаю, шляпы надо снимать перед каждым, кто борется за свою правоту и кто не продается».

С уже готовым альбомом, Лед Зеппелин снова приступает к работе. После двух концертов в Исландии, они играли на фестивале в Бассе перед 150000 человек 28 июня. Грант согласился играть в Бостоне и Нью-Хэвене (США) лишь за четверть миллиона долларов в эти выходные, так как группа уже получила предложение выступать в Англии. Деньги перевесили и Цеппелины отправились в Америку. Вообще-то, концерт в Бассе считался одним из самых важных в их карьере. (И он стал последним в Англии в том году. Настоящие деньги лежали по ту сторону Атлантики). Шоу состоялось в воскресенье с участием Jefferson Airplane, Frank Zappa, Byrds, Santana, Doctor John, Country Joy и Flock. Погода часто менялась и кратковременные дожди сменяло жаркое солнце. Питер Грант хотел, чтобы Лед Зеппелин выступила немедленно, когда увидел, что будет великолепный закат солнца, так необходимый для драматизма и большей загадочности шоу. Но выступление Flock затянулось, а их менеджер заявил, что группа собирается сыграть еще несколько сетов. Грант не стерпел. Он приказал Ричарду Коулу грубо вмешаться и прервать игру Flock. Затем, громадный Грант вылез на сцену, оказавшись в самом центре удивленных Flock и стал самостоятельно закрывать занавес, чтобы Цеппелины смогли занять свои позиции. Один из персонала группы пытался вмешаться, но Коул отшвырнул его. Грант также нанес кому-то несколько пинков и быстренько вывел свою группу на сцену, минуя охрану. Появился Джимми, похожий на подвыпившего крестьянина в длинной твидовой хламиде, саржевых рабочих брюках и небрежно одетой твидовой шляпе, гитара его низко

свисала. Группа начала «военным маршем» — “Immigrant Song” (как раз в это время на западе село солнце, окрашивая красным окрестности Сомерсета). Затем, последовали “Heartbreaker”, “Dazed and Confused”, “Bring It On Home”, “Since I’ve Been Loving You”, “Thank You” (с Джоном на органе), акустическая “That’s the Way” (которую Роберт представил своим первоначальным именем — “The Boy Next Door”), “What Is And What Should Never Be”, “Moby Dick” и длинный вариант на тему “How Many More Times”, личная трактовка Робертом песни Элвиса “I Need Your Love Tonight” плюс аранжировки из “Gotta Keep Moving”, “The Hunter”, “Let That Boy Boogie”, “The Lemon Song” и “That’s Allright”. Для пущего эффекта роуди швыряли в публику тамбурины, а Цеппелины тем временем разразились “Whole Lotta Love”, за которой последовала “Communication Breakdown”. Перед финалом выступления Роберт обратился к толпе: «Я бы хотел сказать несколько слов. Мы очень много играли недавно в Америке и хотели приехать еще в надежде неплохо провести время. Но сейчас не все так хорошо в Америке. Чувствуется напряженность и прочая ерунда. Действительно, здорово участвовать в фестивале под открытым небом, зная, что ничего плохого не случится». Песни “Johnny B. Goode” and “Long Tall Sally” заслужили «бис». Фестиваль в Бассе подтвердил намечающийся прорыв Лед Зеппелин: в последствии группа вошла в когорту корифеев вместе с Beatles, Stones и Who. Сработала тактика «сильной руки» Питера Гранта. Игра на фоне заката дала новую жизнь исступленным сагам викингов. Во время одного концерта Пейдж обратил внимание на человека в толпе, записывавшего шоу на видеокамеру. Джимми всегда жаловался на бутлеги и «это зло нужно было выметать поганой метлой». Грант затолкал парня за сцену, где Коул вылил целое ведро воды в камеру «пирата».

В июле состоялись три концерта в Германии. Джимми и Бонзо плохо переносили самолет, поэтому группа предприняла пятичасовое путешествие поездом до Берлина, Эссена и Франкфурта, пресекая все попытки изготовить бутлеги. Длинные волосы и борода Роберта делали его похожим на вождя северных скандинавских народов. Джимми облачился в длинную пурпурную мантию и походил на кельтского верховного жреца. Немецкие тинейджеры обожали это. В Эссене они достигли такой стадии неистовства, что Джимми был вынужден прекратить акустическое соло из “Black Mountain Side”, чтобы Роберт смог упросить фэнов сесть в некотором удалении. Они отказались и Лед Зеппелин покинула сцену. «Христиане для львов», — шепнул Джимми Гранту.

С незапамятных времен и до настоящего времени крупные армии шли в битвы, сопровождаемые громкой музыкой, барабанным боем и звуками фанфар. В 1912 году марокканская армия шла в бой, имея с собой несколько сотен барабанов и раитас — деревянные гобои, трубившие как волынки. В то время, как играла музыка, разносчики предлагали вино из бурдюков, чтобы воины, особенно молодые или чуть старше 20 лет смогли укрепить дух перед тяжелым, яростным боем, а может и смертью. Когда войска, смешанные и подавленные, были атакованы — музыка звучала все громче и быстрее. Музыканты противоборствующих армий также соперничали между собой. И иногда, именно музыка решала поединок. Бас-барабан занимал очень важное место в сражении, определяя скорость боевых действий. Трубы подавали сигналы в ужасных мясорубках. Даже сегодня сигналы горна или трубы существуют еще в современных вооруженных силах … Последний грохот отгремевшего боя, крики умирающих, топот лошадей и бряцанье оружия, скрежет бронзы, стали и гром артиллерии. Замените электрогитару на трубу. Прибавьте сюда Роберта, шепчущего о славе, древних битвах и кровопролитиях плюс непрерывная канонада Бонзо. А если еще добавить сюда 10000 рок-фэнов, разгоряченных, распаленных дешевым вином, новомодными наркотиками — «квалюд» (в Европе назывался «мендрэкс»). С яркими вспышками звука и света, Лед Зеппелин казалась центром этой битвы, доводя публику до оргазма. И не было случая, чтобы молодые американцы, воевавшие во Вьетнаме, не принимали музыку Лед Зеппелин близко к сердцу.

Итак, 6-е по счету американские гастроли Лед Зеппелин начались 5-го августа 1970 года в Цинцинатти (штат Огайо). Брали, по крайней мере, по 25000 долларов за концерт, а иногда и многим больше. Выступали без сопровождающей группы, не использовали никакой казенной техники, за исключением освещения и усилителей. “Immigrant Song” открывала шоу, Цеппелины опять опутывали свою публику сетями очарования, но внешний мир игнорировал группу. Новый концерт был очень похож на шоу в Бассе. Лед Зеппелин играла свои лучшие вещи, по крайней мере, в течение двух часов, но качество и продолжительность исполнения были несколько лучше и больше в Лос-Анджелесе и Нью-Йорке. И концерт в лос-анджелесском “Forum” в начале сентября не явился исключением. Джимми немного приукрасил концовку “Heartbreaker” новыми пассажами, добавил несколько блюз-прелюдий и различных смычковых эффектов к “Dazed”. “What Is … “ имела отличную акустическую базу для вокала. “Moby Dick” продолжалась 15 минут, включая

сюда и 5-минутную игру Бонзо руками, после чего Роберт совершенно напрасно просил аплодисменты: «Большой Би!» “Communication Breakdown” теперь представляла собой композицию, вобравшую “Good Times Bad Times”, “For What It’s Worth” Buffalo Spriengfields и “I Saw Her Standing There”. Затем начиналась “Since I’ve Been Loving You” с органом Джона — более тяжелая версия “Thank You”, потом — бурная “Out On the Tiles”, постепенно переходящей в “Blueberry Hill” Фэтса Домино. И опять — новый каскад, мягко начинавшийся с “Bring It On Home”. Тамбурины кидаются в толпу как жертвоприношение “Whole Lotta Love”, за которую, в основном, люди и заплатили деньги. Средняя секция Джимми теперь была электрическая. Он танцевал и двигал телом в тераминовом ореоле, как демон в смертных судорогах от воздействия алхимии мага, издавая дикие крики и ужасный вой из небольшого осциллятора. Далее, следуют еще несколько цеппелиновских — преслиевских мелодий — “Let That Boy Boogie”, “That’s All Right”, “I Am Moving On”, “Think It Over”, “Some Other Time” и “The Lemon Song”.

После Лос-Анджелеса группа отправляется на Гавайи для нескольких концертов и отдыха. В это время, “Melody Maker” — ведущий английский музыкальный журнал сделал у своих читателей опрос и опубликовал результаты его под заголовком «Зеппелин опрокидывает Битлз». Спустя только год после того, как журнал назвал Лед Зеппелин «третьей светлой надеждой», было объявлено, что они удостоились статуса «высшей группы». Это название в течение 8 лет прочно удерживалось за Битлз. Роберт также завоевал звание «лучшего» британского вокалиста, а сам «Коричневый Бомбардировщик» превратился в «лучший британский альбом». Это стало меньшей сенсацией, но все же очень приятной.

18 сентября они уже находились в Нью-Йорке, созвав пресс-конференцию и намереваясь заработать 100000 долларов за 2 концерта в “Maddison Square Garden”. Было трудно противостоять недружелюбной, скептически настроенной группе журналистов. Мало кто из них вообще видел группу: им казалось, что музыканты ничего из себя (кроме лицемерия и жажде к наживе) не представляют. Через 1 месяц, неприязненные отношения с прессой перерастут в открытый боевой конфликт. “Led Zeppelin — 3” был смонтирован Джимми в дорожных условиях, в основном, в мемфисской студии “Argent”. Альбом выпущен в свет 5 октября. Изначально, на конверте планировалось изобразить календарь ежегодного сбора урожая, чтобы отметить сельские корни пластинки. Однако в результате — принято компромиссное решение и появился своеобразный психоделический круг лиц,

имевших отношение к группе. Огромный заказ на диск, возникший на волне «Коричневого Бомбардировщика» гарантировал новому альбому быстрое продвижение к вершинам популярности, но долго он там не задержался. Фэны более предпочитали классический “Led Zeppelin — 2”. Отзывы прессы шокировали музыкантов. Критики атаковали альбом, грубо принижая достоинства рок-композиций, называя их «холостыми выстрелами», а блюзы — беспринципным плагиатом настоящих блюзменов, акустические мелодии — хромыми, с синтезаторным душком. Пресса атаковывала настойчиво. Нападки осуществлялись не только на группу, но и на их поклонников. Сначала, журнал “Rolling Stone” опубликовал «утку» о том, что фэны Цеппелина состоят, в основном, из «разложенцев-наркоманов». Другие издания с готовностью подхватили чепуху. «Лос-Анджелес Таймс» писала, что успехом Лед Зеппелин пользуются только у молодого поколения, а также рокеров-тинейджеров, накачавшихся барбитуратами и амфетаминами, заторчавших от сверхмощного звука. «Другими словами, Лед Зеппелин обращает свою музыку к индюкам и любителям дешевого вина, хиппи и прочим уродам. Лед Зеппелин — деклассирована, малообразованна, развращена, а ее музыканты не обладают какими-либо моральными ценностями или устоями.

Ребята, особенно Джимми, были жестоко оскорблены. Нападки продолжались и дальше. Британский критик Чарли Жиллетт назвал их музыку «инструментом авторитарного контроля». Йон Ландау — ведущий американский рок-критик того времени, наблюдавший один из концертов в Бостоне писал «громкая, хаотичная, эксгибиционистская … грубая и часто просто душевнобольная. Никакого удовольствия.» В результате, группа стала игнорировать прессу. Позднее, Джимми объяснял: «Третья пластинка была замордована прессой … Я думал, что альбом неплохой, но прессе он не понравился, им не давала покоя загадка вокруг нас. И понял, что надо немедленно принимать решение. Не думаю, что мы нагрели руки на прессе. Мы получали удар за ударом и стали очень закаленными. В результате, Цеппелины перестали давать интервью в течение целого года». Завершением 1970 года стало появление группы в лондонском филиале фирмы “Atlantic Records”, где им презентовали «золотые» пластинки, которые вручал господин Энтони Грант — секретарь Парламента по вопросам торговли и промышленности. «Правительство знает цену поп-группам», — сказал Грант. «И если они пользуются успехом, они заслуживают, чтобы их похлопали по плечу».

Истинные фэны группы — те, которые купили “Led Zeppelin

— 3” первой партии. Они обнаружили следующее изречение на первой стороне самой пластинки:

«Делай, что хочешь. И будет так.»

Джимми сохранил свой акцент.

Глава пятая: Секретное общество

… они прыгали со стен и рубили липовые боевые щиты мечами, пришедших на смену молотам. Боевой дух им достался от предков, которым часто приходилось в борьбе с врагами защищать свою землю и дома от захватчиков. Агрессоры отступали, шотландцы и викинги падали мертвыми. Поле боя стало влажным от крови, когда взошла утренняя звезда — Солнце победы, медленно плывя по небосклону над равнинами — яркая свеча Господа нашего всемогущего и так будет до тех пор, пока это великое создание не уйдет за горизонт.

Пятеро молодых королей лежали на поле брани, сложив свои мечи навечно, здесь же находились бездыханные тела семерых эрлов Олафа и бесчисленное множество викингов и шотландцев.

— Из «Битвы при Брунанбурге», 940 год Р.Х.

Обеспокоенный критикой в адрес “Led Zeppelin — 3” и плохой его продажей по сравнению со сверхкоммерческим «Коричневым Бомбардировщиком», Джимми боролся с тоской своим обычным способом — мотаясь туда и сюда. Причиной создания третьего альбома явилась попытка Цеппелинов доказать, что они не являлись маньяками и головорезами, тащивших хард-рок в гору, как это делал Сизиф со своим камнем. Общая гармония и изображение сельских ландшафтов на альбоме должны были проиллюстрировать стремление группы к миру, природе и цветам. Однако Лед Зеппелин и их фанаты были забракованы и оплеваны прессой, советовавшей заниматься более понятными вещами — играть яркие блюзовые композиции страсти и бойни. Конечно же цеппелины смогли бы приспособиться. Последний альбом Джимми и Роберт выдержали в фольклорном духе, но оказались зажатыми, как ветер в скалах фьорда. И Джимми

схватил ситуацию: нахождение сразу в двух царствах музыки — акустическом и металлическом. Роберт собирался развивать свое собственное пристрастие — тяготение к древним руинам и романтичности с опорой на видение Джимми. Такой симбиоз двух алхимий произвело на свет подлинные шедевры.

В конце 1970 года Пейдж и Плант отправились назад в Брон-Е-О для создания новых творений. На Уэльсе начали работу над вводной частью музыкальных тем и создали отдельные секции новой песни — «гимн», который вошел в состав “Dazed and Confused”. В ноябре Джимми напомнил о своем существовании одному лондонскому музыкальному журналу: «Это идея действительно длинного произведения. Вы знаете, насколько “Dazed and Confused” и песни такого типа разбиты на секции. Мы хотим попытаться создать нечто новое с органом и постепенным нарастанием звучания акустической гитары, а затем — включением партии электрогитары … Композиция будет длиться 15 минут».

В конце 1970 года Цеппелины приступили к записи в лондонской студии “Island”. Джимми посчитал, что они наберут материала, достаточного для двойного альбома. Часть пластинки "Stairway to Heaven" была записана именно здесь — введение на 6-струнной гитаре, обдуманное еще на Уэльсе. Но к Рождеству, вводная часть превратилась из сельской мелодии в солнечную, гимноподобную композицию. Чуть позже, группа решила репетировать и записываться в «Хэдли Грандж» — деревенском доме в Хэмпшире, предпочитая тихую, размеренную жизнь сквайров флюоресцентным рекламам лондонских студий. После недели напряженной работы и совместной игры, прибыла передвижная студия группы Rolling Stones и были сделаны все необходимые записи. После завоза оборудования, группа снова поселилась в заброшенном поместье. Роберт и Бонзо должны были прибыть на одной из двадцати одном автомобиле ансамбля: «Дженсен», «Масерате», «Эй Си Кобра», «Роллсе» или мощном голубом «Ягуаре ХКЕ». Джимми обещал захватить Питера. Последним явился Джон Пол Джонс. Они, по словам Ричарда Коула, выглядели как бойскауты-миллионеры и пили как верблюды. Между репетициями и сейшенами ребята занимались охотой, гуляли или посещали местный паб (где Бонзо любил появляться в твидовой куртке и кепке).

Вечерами, кто-нибудь из роуди или Коул разводили костер — появлялись и гитары. После приезда роуд-менеджера Rolling Stones и пианиста-виртуоза Яна Стюарта (исполнителя буги-вуги) вместе с передвижной студией Стоунз, Джимми и Джон Пол Джонс слегка изменили аккорды и полностью закончили работу

над песней “Stairway To Heaven” в первом своем варианте. На следующий день группа впервые играла ее. Когда различные секции — 6-струнная, 12-струнная гитара и соло стали, наконец, срастаться — музыканты заулыбались от удовольствия. Волшебством веяло от первой репетиции. Они поняли, что теперь у них есть нечто важное. У Бонзо возникли проблемы с наложением ударных на 12-струнную секцию перед партией соло гитары и несколько раз приходилось начинать все с самого начала. Желаемый результат все же был достигнут. Во время работы Роберт старался подобрать слова. «Три четверти слов он написал сходу», — скажет Джимми впоследствии. «Он думал, никуда не уходя. Поразительно, ведь, правда!?»

Слова к “Stairway” отражали отношение Роберта к недавно прочитанным книгам. В песне говорится, выражаясь поэтическим языком, о духовном совершенствовании леди. Она является парадигмой Fairy Queen Спенсера, White Godness Роберта Грейвса, других кельтских героинь — Королевы Озера, Морган Ла Фэй, Дианы Зеленых Полей, Рианона Ужасного. Роберт взял эти персонажи из работ британского антиквара Льюиса Спенса. Позднее, он использовал его «Магические искусства кельтской Британии» в качестве первоисточника для создания текстов к “Stairway”. (Название песни схоже с названием фильма, снятым в 1946 году режиссером Вильямом Пауэллом.) С явно языческим изображением деревьев и ручьев, волынщиками и Королевой Мая, сияющим белым светом и смехом, раздающимся эхом в лесу, “Stairway To Heaven” является будто приглашением к уходу от новых традиций, предложением следовать за старыми богами. Песня выражает несказанную жажду духовного изменения, имевшую глубокие корни в сердцах поколения. Со временем, композиция становится гимном группы.

С продюсерами Джимми и Энди Джонсом — братом инженера Глинна Джонса, процесс звукозаписи происходил быстро. Некоторые куски были записаны прямо в студии. “Black Dog” с зажигательной партией гитары — мелодия, которую Джон Пол Джонс привез с собой. “Rock and Roll” была обнаружена так: Бонзо во время записи играл начало “Good Golly Miss Molly” Литтл Ричарда. Джимми импровизировал мелодию и она налетела шквалом после 12 тактов. Много времени потратили на обработку структуры. Одним махом Роберт написал неудержимый текст, а Ян Стюарт — партию на фоно. Барабаны Бонзо поместили в зале для полной изоляции, которую так любил Джимми. “Misty Mountain Hope” с густой мелодией блюза, уэлльской духовностью и вечно жующим хрустящий картофель Бонзо, была также записана в студии. Несколько больших усилий потребовала “The

Battle Of Evermore", написанная Робертом и Джимми, в основном, в Хэдли Грандж. Ранее Джимми почти никогда не брал в руки мандолину. Джонс принес инструмент. Пейдж подобрал аккорды, которые и были затем использованы в "Battle". Сначала хотели сделать что-то типа староанглийской инструменталки, но Роберт прочитал историю шотландских пограничных войн и "Battle Of Evermore" связали с сагами о битвах между англами и саксами. В "Going To California" было много акустической гитары, мелодию которой придумал Джимми. Благодаря почтению и глубокому уважению к Джони Митчелл — канадской певице и поэтессе, являвшейся идолом как Джимми, так и Роберта, "Going To California" отразила непреодолимую тягу Лед Зеппелин к романтике дорожной жизни, своим друзьям и подружкам в Лос-Анджелесе, волшебству гор и каньонов Калифорнии. Лед Зеппелин жила сразу в двух мирах: один — традиционно спокойная, зеленая, семейная Англия; другой — цветной Голливуд с его фантазиями и экспрессией. Чувства, выраженные в "Going To California" были золотой серединой между этими мирами.

Другие вещи были также записаны в Хэдли Грандж в начале 1971 года. Сюда входили "Four Sticks" с Яном Стюартом, исполнявшим буги-джем на пианино, версия "Down By The Seaside" и композиция "Nightflight", написанная во время путешествий по стране. Наиболее интересной из всех является "When The Levee Breaks", которую Джимми раздобыл с пластинки Мемфиса Минни и Джоя Маккоя 1928 года. Но Пейдж переделал классический 12-тактовый блюз полностью, добавил сюда вокал и студийные эффекты, например, реверсное соло на гармошке. Фишка заключалась в неясных звуках арфы и бьющему по мозгам скрежету. Различные темы возникали после каждых новых 12 тактов и превращались в лучшую (и до сих пор), действующую на чувства, блюзовую цеппелиновскую композицию.

В конце января с большим музыкальным багажом, Лед Зеппелин вернулась в лондонскую студию "Island" для доработки овердаббов, гитарных соло и вокала. "Four Sticks" с гитарным перезвоном и синтезаторной оркестровкой была записана уже там. Пригласили Сэнди Дэнни из Fairport Convention с чистым серебристым сопрано для исполнения партии Королевы Жизни в дуэте с Принцем Мира Роберта. А когда наступило время Джимми сделать соло овердаббинг, то студия уже закрывалась. Пейджу нравилось концентрироваться в полном одиночестве. Его обычный метод состоял в прослушивании записи еще раз. Затем он старался придать музыке гибкость и лишь после импровизировал. Джимми всегда давал три варианта соло, а все

лучшее из созданного шло на пластинку. В работе над альбомом Пейдж использовал гитару Les Paul, но музыканту требовался другой звук для “Stairway”. Он вытащил старый Телекастер, подаренный ему еще Джеффом Беком, подключил к усилителю “Supro” и сразу же записал соло. Пейдж не использовал гитару несколько лет, но она как талисман оказывала благотворное воздействие на музыканта. И когда Джон Пол Джонс наиграл свою партию на студийные магнитофоны — “Stairway”, то практически весь альбом был завершен … Подходил к концу февраль. Оставалось только сделать монтаж и выпустить альбом как можно скорее, чтобы разобраться с продолжавшимися проклятиями в адрес последнего альбома (Джимми до сих пор очень переживал). Он говорил корреспонденту: «После всех тяжелых, изнурительных гастрольных приключений, он (акустическая часть третьего альбома) выявил совсем другие настроения. Я всегда пытался схватить эмоциональный контекст моих песен. Передача чувств — то, чем должна заниматься музыка.»

Выход нового альбома отложили после обвинения Энди Джонса в отборе уже готовых для монтажа записей в студии “Sunset Sound”. Цеппелины заехали домой после месячного турне по британским университетам и небольшим клубам, которые первыми сделали ставку на неоперившихся еще музыкантов. Только для них группа играла за мизерное вознаграждение в знак благодарности. Эта поездка должна была снять пробу с некоторых новых песен безымянного еще альбома, а также проверить временные рамки исполнения последних песен акустического звучания. Турне было призвано доказать беспочвенность утверждений: ЛЕД ЗЕППЕЛИН РАСПАДАЮТСЯ! Такие подзаголовки частенько появлялись в последнее время в британской музыкальной прессе. В 1971 году эти слухи почти еженедельно публиковались в “Melody Maker”. Досталось и Питеру Гранту, управлявшего еще и ELP. “Melody Maker” напечатала карикатуру, изображавшую Гранта в виде могучего кита с двумя группами — Лед Зеппелин и ELP, дрейфовавшими на плотах у живота гиганта. Фонтан фунтовых банкнот извергался из отверстия на спине кита. Грант разъярился и обещал подать в суд на журнал. Штат издания почувствовал, что может оказаться с переломанными ногами, поэтому быстренько напечатали опровержение. Не стоило забывать, что огромный Грант очень ревностно относился к своему весу.

Концерты начались 5 марта в «Ольстерском» зале Белфаста. Это был первый приезд группы в Ирландию. Очень редко английские группы навещали эту страну: большинство

музыкантов просто боялись стать жертвой постоянной борьбы между католиками и протестантами. С подозрением относясь к воздушным перелетам, музыканты предпочли пересечь Ирландское море в собственных автомобилях на пароме. Беда случилась на одном из вечерних концертов в Белфасте. Кто-то угнал бензовоз, который и подожгли прямо у зала: один юноша погиб, а коктейль Молотова разлился по улицам. Но вот вышла Лед Зеппелин — стали исполнять “Immigrant Song” и случай был забыт при виде пышного зрелища. Далее, следовал медленный, размеренный блюзовый марафон — “Since I’ve Been Loving You”, высокопарная “Black Dog” с нового альбома исполнялась впервые, так же, как и “Stairway To Heaven”, которую Джимми исполнял на гитаре с двумя грифами — 12 струн на верхнем и 6 на нижнем. Год назад в Чикаго, Джимми увидел блюзмена Эрла Хукера и понял, что это единственный инструмент, способный передать различные секции “Stairway” в условиях концерта. Но такие гитары не производились: было сделано лишь очень ограниченное количество. И Джимми отдал обычную гитару Гибсону, который ее и переделал.

Роберт, облаченный в красно-черную рубашку, так представил барабанное соло Бонзо: «Вот то, что немного улучшит ваше настроение.» Когда смолкли овации за игру руками на барабанах, Плант опять заговорил: «Многие газеты, там — за морем, сообщают, что мы собираемся развалиться. Мы никогда не распадемся». И сразу же — “Whole Lotta Love”. Конечно же она надоела музыкантам, но Цеппелины знали, что за нее хорошо платят и относятся с благоговением. Роберт заявил журналисту: «”Whole Lotta Love” — то, что мне лично необходимо, то, что я просто обязан чувствовать. Мы как бы сдерживаем ее, а когда выходим на сцену, то выпускаем джинна из бутылки”. В костюмерной после концерта симпатичная ирландка подошла к Ричарду Коулу. «Это английская группа?», — спросила она. «Я всегда думала, что они американцы».

Из Белфаста группа отправилась на автомобилях в Дублин. Машинами управляли ирландские шоферы, а Бонзо захватил с собой личного водителя — Мэттью, который повернул в другом месте и поехал по Фоллз Роуд, где за сутки до этого происходило столкновение между войсками Британии и ИРА (Ирландская Революционная Армия). «Улица была усыпана битым стеклом», — скажет Бонзо впоследствии, — «разбитые машины и дети, рывшиеся в них. Мы старались не смотреть на это.» Ричард Коул был уверен, что в каждой машине Цеппелинов должна находиться, по крайней мере, одна бутылка виски «Джеймсонс». Тем вечером, когда обслуга суетилась в дублинском “International

Hotel", музыканты здорово нарезались. Питер Грант заболел. Он и Коул находились в люксе, попивая ирландский кофе. Около полуночи их известили о происшествии на кухне. По словам Коула, Бонзо и Мэттью отправились готовить ужин, который превратился в шумную драку. Мэттью наехал на повара, который и вытащил разделочный нож. Прибыл Коул для успокоения. Бонзо принялся требовать крови повара и ударил одного кулинара, которых было много поблизости, но Коул схватил Бонзо, сказав: «Закрой свое поганое хлебало», и так врезал барабанщика по лицу, что сломал ему нос. Боннэм был весь в крови. Разъяренный, пьяный, изрыгая угрозы и матерщину, Бонзо ворвался в номер к Гранту. «Вот», — всхлипнул он. «Я ухожу из этой вонючей группы». Но Питер Грант чувствовал себя очень плохо, поэтому он заявил барабанщику: «Эй ты, уебывай, занимаешься тут хуйней посреди ночи». Происшествие было быстро забыто и о нем напоминала лишь небольшая кривизна носа Джона Боннэма.

Дублинский концерт был организован на боксерском ринге. Группа сыграла акустический сет, состоявшего из фолк-композиций третьего альбома. Сидя на стуле, Роберт пел, Джонс играл на мандолине, а Пейдж на гитаре. Затем, следовала "Going To California". Бонзо находился немного поодаль. (В разговоре с ирландским журналистом Цеппелины отмежевались от современных американских групп, типа грубых и неотесанных Grand Funk Railroad и Mountain и вынуждены записать более нежные акустические вещи. После обычных номеров, завершавшихся "Communication Breakdown", дублинцы не позволили Лед Зеппелин покинуть сцену. Концерт завершили композицией "Summertime Blues".

Гастроли Цеппелина под названием "Return To The Clubs" продолжались весь март и закончились в лондонском "Marquee". Турне было организовано в знак благодарности фэнам и импрессарио, верившим в группу с самого начала, но тут возникла трудность, связанная с невозможностью выбранных Грантом залов вместить всех желающих.

Удовлетворяли потребностям публики залы лидского университета и "Bath Pavillion", но в бирмингемском "Stepmothers" и ноттингемском "Boat Club" произошли неприятные события, когда сотни людей брали на абордаж клубы, вызывая тем самым некоторое напряжение. 4 апреля Лед Зеппелин представила свои новые песни на британском радио, передавшее часовой концерт группы по Би-Би-Си. Открывала его "Black Dog", напоминавшая артиллерийскую канонаду. Джимми бесконечно повторял пассажи, как марокканский музыкант в состоянии экстаза, пока песня зрелищно и эффективно не

завершилась. Затем — последовала дуэль мандолин в “Going To California”, сделанной очень четко и тихо с эхом вокала Роберта, являясь как бы преддверием следующей композиции альбома — “Stairway To Heaven”. Открывается она благородным звучанием гитары и органа с довольно жестким вступлением Бонзо, предваряя горячее соло на гитаре с двумя грифами. Песню слушали, затаив дыхание, поражаясь величию — до тех пор, пока не смолкли завершающие аккорды. Затем, шла хитовая “Whole Lotta Love” с великолепной обработкой тераминовой “средней секции”. Следующие 20 минут Роберт исполняет “Let That Boy Boogie” и “Fixin’ Today” (а-ля Джон Ли Хукер), прежде, чем приступить к бессмертным композициям Элвиса — “That’s Allright”, “A Mess of Blues” и “Blue Monday”.

В скором времени, Джимми и Энди Джонс вылетают в Лос-Анджелес для сведения нового альбома, который, как Пейдж заявил журналисту, должен носить название “Led Zeppelin — 4”. (Сначала Джимми планировал выпустить все новые песни на двойном альбоме, но затея провалилась из-за дороговизны продукции). Энди Джонс на все лады расхваливал студию “Sunset Sound” (по его словам — лучшей в мире, где делали монтаж). Вдвоем с Джимми, они неделями работали над записями. Пейдж привез пленки в Англию, прослушал их в лондонской студии и был просто шокирован, обнаружив, что “Led Zeppelin — 4” звучал так, будто был записан в глубинах озера Лох-Несс. Джимми разъярился. Недели драгоценного времени были выброшены на ветер. “Мне сказали, что колонки и системы мониторинга в той комнате студии работали чисто … но это враки. Звук вообще нормальным назвать нельзя». Энди Джонс ушел и какое-то время потратили на поиски нового звукорежиссера для полной переработки альбома. Между тем, группа безумно желала выпустить пластинку. Ребята знали, что сделали свою пока лучшую работу и что “Stairway To Heaven” завоюет мир.

Самые неистовые безобразия на концертах Лед Зеппелин творились в июле того года во время европейского турне в Милане. Цеппелины должны были выступать на велотреке «Вигорелли». Аванс заплатили еще в Англии. По словам Коула, шоу было 29-м по счету. Прибыв на стадион, вместившем 12000 зрителей, музыканты увидели сотни экипированных полицейских, скопившихся около и внутри велотрека. Джимми отметил сходство местных копов с центурионами римских легионов. За сценой Джимми и Питер объяснялись с импрессарио, втолковывая ему, что вооруженная полиция не даст ничего, кроме озлобления зрителей. Пейдж также жаловался на ситуацию за кулисами. Там все было забито полчищами рок-фанатов. Джимми заметил, что

уж если вызвали войска, то почему бы не очистить место за сценой. Но положение только усугублялось, становясь непредсказуемым и даже опасным. Ричард Коул чувствовал себя усталым и утомленным (он только что возвратился с просмотра гитариста Рори Галлахера из Цюриха — тоже протеже Гранта), где отлупил троих членов немецкой организации «Ангелы Ада», пытавшихся взорвать клуб. Сейчас же Коул расстроился из-за различных проволочек и решил немедленно вывести группу на сцену. «Становилось охуенно беспокойно», — вспоминал он. «И мы решили послать все к ебеней матери! Мы, бля, ни хуя не собираемся торчать здесь всю ночь, пока ебучие итальяшки прекратят всю хуйню. Мы, бля, выходим, когда хотим.»

Выйдя на сцену несколько раньше, чем предполагалось, Лед Зеппелин начала концерт и получила от толпы то, что и ожидала — жестокую давку и скандал. Вспоминает Пейдж: «Мы заметили клубы дыма, исходившего из какого-то яйцеобразного предмета. Импрессарио появился на сцене и попросил нас оказать воздействие на подростков. Как идиоты, мы выполняли все его приказы. Роберт сказал, что если фэны будут опять зажигать огни, то полиция прекратит концерт. Сыграли несколько вещей. Каждый раз, когда песня заканчивалась, музыканты замечали, что дым становился все гуще. Роберт повторил: «Пожалуйста, не зажигайте огонь». Вдруг на сцену упала дымовая шашка. Мы сразу поняли, кто это сделал. Полицейские атаковали толпу. Стараясь играть в сгущавшейся дымовой завесе, Джимми решил сократить концерт. И они принялись за “Whole Lotta Love”. Когда молодежь вскочила, услышав свою любимую песню — полиция подбросила еще дымку. Кто-то швырнул в полицейских бутылкой. Блюстители порядка пришли в ярость. Фэны под напором полиции стали карабкаться на сцену. Коул сталкивал людей обратно, пока не осознал, что вся публика устремилась к сцене. Толпа обезумела. Она карабкалась на подмостки, чтобы таким образом удрать. «К хуям!!!», — орал Коул. «Уебываем! Уходим со сцены!» Поначалу роуди пытались спасти аппаратуру, но, увидев осатаневшую, охваченную паникой толпу, Коул приказал все бросить и сматывать удочки.

Оказавшись за кулисами, музыканты побежали по длинному коридору к костюмерной, но моментально сбились с пути, окутанные плотными клубами дыма. Они были отрезаны. Обнаружив запертую дверь, Коул взломал ее и Цеппелины забаррикадировались в медпункте. Вернувшись на сцену, они обнаружили, что она полностью исковеркана, а все инструменты изломаны. Мик Хинтон — роуди Бонзо, был сильно ранен осколком бутылки и отправлен на попутке в госпиталь. У него

оказалась пробитой голова. Вечером в баре отеля, где музыканты расслаблялись от пережитого, Бонзо предложил одному домогавшемуся репортеру отвалить — в противном случае бутылка будет разбита о голову журналиста. Возвращаясь домой самолетом, Роберт Плант расплакался как ребенок, выплеснув горечь, испытанную музыкантами. Лед Зеппелин появилась, чтобы демонстрировать всему миру хард-рок высокой пробы. Миланские безобразия казались такими далекими от духовности, единства и дружбы молодежи, чего Роберт так ждал от публики. Это было так тяжело осознавать.

В Англии произошла ссора Лед Зеппелин с “Atlantic” по поводу нового альбома. С музыкой проблем не было — каждый соглашался, что эта пластинка будет лучшим творением группы. Компания была ошеломлена, услышав, какую обложку группа уготовала пластинке — ни названия, никаких отличительных особенностей или даже номера в каталоге. И — нигде не было упоминания о Лед Зеппелин! Единственный момент, хоть как-то намекавший на Лед Зеппелин — имя Джимми в качестве продюсера на внутреннем вкладыше альбома, помимо этого содержащего текст “Stairway To Heaven” (впервые группа позволила себе публикацию текста и свое отношение к ее громадному потенциалу). Несогласная с таким поворотом дел, “Atlantic” заявила, что такая акция равносильна коммерческому самоубийству. Фирма умоляла разрешить хотя бы напечатать слова «Лед Зеппелин» на обложке, но все напрасно. Переживая непонимание компании и отказываясь говорить с прессой на официальном уровне, Джимми решил проверить — сможет ли музыка сама и без громкого пиара хорошо продаваться. Пейдж объяснил: «Мы решили, что 4-й альбом не будет содержать названия группы и вообще на внешнем конверте не будет никакой информации. Имена, названия и прочие детали ровно ничего не значат … Играет роль только наша музыка. Мы просто хотели положиться на музыку в чистом виде».

Представители “Atlantic Records” постоянно надоедали группе, особенно по поводу выбранной музыкантами обложки. На лицевой стороне поместили изображение пожилого крестьянина, согнувшегося под тяжестью вязанки хвороста. На развороте альбома можно обнаружить полуразрушенную стену старого дома посреди заброшенных городских трущоб, а рядом — многоэтажные новые дома (в которых, без сомнения, подрастали тогда поклонники группы “Clash”). На внутреннем конверте изображен старинный дом, чем-то похожий на поместье Эшеров издалека. На доме — таротная карта Отшельника. У подножия молодой алхимик предлагает свои услуги Отшельнику.

Символизм рисунка позже объяснит Джимми: “Старик, несущий хворост — означает гармонию с природой. Он берет необходимое у природы, а потом — все отдает матери-земле. Это естественный круговорот … Его старое жилище постепенно разрушается и старик показан на фоне трущоб. Отшельник несет свет правды и прозрение молодому человеку. Если вам знакомы таротные карты, то вы знаете, что такое “Отшельник”. (Вещее значение Отшельника обычно трактуется как предостережение продолжения заданного пути без размышлений и отступлений).

Опять стала донимать “Atlantic”. Согласно мнению их экспертов, обложка была просто ужасна. Джимми уже утомился убеждать в обратном. Наконец Цеппелины твердо объявили, что оставят все как есть. Джимми Пейдж проявил волю и настойчивость. Лед Зеппелин установила контроль дизайна своей продукции. И дизайн сработал!

Были на альбоме и личные знаки участников, хотя очень необычные. На пластинке изображены 4 символа каждого из музыкантов. Роберт заключил свой личный знак в круг. Бонзо выбрал три пересекающихся круга. Джон Пол Джонс — три овала внутри круга. А Джимми — загадочный глиф (причудливая фигура), чем-то схожего с алхимическим символом янтаря. Альбом без названия будет часто называться “Zoso”. Джимми отказался пояснить символы. Он только опроверг периодически появляющиеся заявления о том, что знаки — исландские руны. Будучи изображенными наверху внутреннего конверта, 4 символа служили как бы названием альбома и руническими инициалами имен музыкантов одновременно. Лед Зеппелин становилась отныне секретным обществом и любой подросток, обладавший достаточной суммой для покупки альбома, мог вступить в их клан. Цеппелины отстранились от взрослых.

Седьмое по счету нашествие Лед Зеппелин на Северную Америку началось 19 августа 1971 года с Ванкувера. Нападки и обвинения в адрес Питера Гранта вспыхнули с новой силой после того, как он в ярости сломал установку с микрофонами. Грант держался подальше от Канады. Предполагалось, что гастроли будут крупнейшими и самыми денежными в истории Лед Зеппелин: 20 выступлений в залах вместимостью, по крайней мере, в 12000 человек. Это означало, что группа возьмет куш в 1 миллион долларов минимум. После истеричных отзывов на первые концерты, среди фэнов и окружения появилась непоколебимая уверенность в том, что Лед Зеппелин теперь не остановить, что это — величайшая группа в мире. С тех пор, как музыканты стали пайщиками компании звукозаписи под вывеской “Величайшая рок-н-ролльная команда в мире”, они

поняли, как надо делать бизнес и в 3 раза перегнали Rolling Stones по продаже пластинок. Цеппелины чувствовали необходимость «захвата» США. Отсюда ведь можно уехать, так ничего и не получив. Коул замечает: «Раз уж мы начали, то ни хуя не отступим. Двери должны распахнуться. Если нет — мы сломаем их». Так и случилось. «Мы сами себе закон. Не можешь выносить нас — не лезь, бля!» Стало чуть меньше публичных оскорблений в их адрес, ведь группа давала концерты в США и Канаде. Но угрозы становились острее. Особенно доставалось Джимми, который превратился в своего рода громоотвод: звонили в полицию и местным импрессарио Цеппелинов, угрожая музыкантам смертью. Эти факты практически доводили музыкантов до психоза. Несколько раз в течение гастролей (22 августа в Лос-Анджелесе, Торонто, Рочестере, Нью-Йорке) музыкантам или роуди казалось, что они видели кого-то с оружием рядом со сценой во время концерта. Но страхи и боязнь оказались беспочвенными. Ричард Коул считал, что ничего подобного не было.

Длинное шоу, состоявшееся в лос-анжелесском «Форуме» 4 сентября, было нетипичным. Цеппелины полностью отдавали себя работе и вдохновенному безумию в провинции, но, попадая в Лос-Анджелес, они чувствовали себя как дома, занимая целые этажи «скрытого бункера» на бульваре Сансет в отеле “Continental Hiatt House”. В зале «Форум» музыканты играли чуть громче, длиннее и лучше. В конце концов, они давали представление своим друзьям. Мисс Памела всегда находилась рядом со сценой — принцесса-хиппи в одежде из оленьей кожи с бахромой, когда группа появилась на неосвещенной сцене. Фаны завыли, видя как движутся тени музыкантов, затем — становится слышным гудение усилителей. Вдруг, включается свет … Джимми разразился на своей в красных полосках гитаре, а Роберт приступает к северной песне смерти: «Валгалла, я приду». “Immigrant Song” резко превращается в ужасную канонаду “Heartbreaker”, которая не требовала утонченного звучания гитары Les Paul, с большим трудом вымучивавшей хард-блюзы, “59 Street Bridge Song” и гитарную вариацию Баха. Затем, следует переход к крайней реактивности — слиянию рок-группы и вокала. Наконец, пылкая и страстная “Since I’ve Been loving You” — блюзовый спектакль с Джонсом на органе.

К этому моменту, публика уже находилась под наркозом. “Black Dog” встряхивает ее. Завершение первой части шоу очень механическое и четкое. Играя совершенно новую музыку, группа оживляется и позволяет себе звучать так, как нравится. Это была первая песня, которая по-настоящему завела публику и

завершилась она гордым и торжественным росчерком: «Добрый вечер», — первые слова Роберта, обращенные к зрителям на концерте. Он пожаловался, что наступление осени сказалось на его голосе. И объявил: «Это случилось миллионы лет назад. Тогда вообще происходили хорошие вещи». И группа приступает к ритуальной вершине Джимми — “Dazed and Confused”, которая теперь продолжалась более 20 минут. Пейдж превратил песню в отражение своей рок-авангардной техники. После мрачного, загробного вступления, Пейдж перешел к великолепному, острому дуэту с Бонзо. Когда появляется скрипичный смычок, а свет меркнет (остается лишь яркое пятно света вокруг гитариста), Джимми выстраивает хрупкое здание, состоящее из нежных трелей, прекрасных карнатических мелодий и громких блеяний электроволынки. Вступает Роберт с его стенаниями и жалобами, вспышками раздражения в унисон с музыкой. Это было какое-то ненормальное, самоуспокаивающее зрелище. И оно получило громкие, заслуженные овации.

Следующим номером шла “Stairway To Heaven”. До выпуска альбома оставалось еще целых 8 недель и никто до того не слышал песни, но музыканты прекрасно и бережно преподнесли исполнение мадригала (гимна) — поиска-песни, заставившей толпу встать и реветь от восторга после ее великолепного и бурного завершения. Пейдж потом заметит: «Мы все знали насколько трудно слушать “Stairway” на концерте особенно. Но она сразу же прижилась. Момент был эмоциональным. «Сидя, музыканты играли акустическую “That’s the Way” (с Бонзо на тамбурине) и аккуратную тихую “Going to California”. Так как Джимми и Джонсу необходимо было быстро перестроиться, Роберт заполнил заминку вводным словом: «Эта песня родилась в горах Шотландии и Уэльса, но был также и отель на Западной 37-й улице. Но довольно о руинах и культе романтического наследия.» Шоу завершилось длинной тераминовой и ураганной “Whole Lotta Love”. Молодежь Южной Калифорнии вскочила и затряслась как в лихорадке. Казалось, что все здание вибрирует от вулканических извержений Бонзо. Песня стала мостиком к ожидаемому публикой рокабильному джему Элвис — Рикки Нельсон. «Тогда вечером прозвучали — “Let That Boy Boogie”, “Hello, Mary Lou” Джеймса Бертона, пару переработок Элвиса, “A Mess Of Blues”, “That’s Allright” и “You Shook Me”, где Пейдж смахнул остаточные блюзовые впечатления прочь. Наконец, финал — гротескный вариант “Whole Lotta Love”: «Женщина … дорОга вниз и вглубь … (бам, бум) … Я нужен тебе … ««Спокойной ночи. Спасибо!»

Затем последовали поездки на восток, в Канаду, 2 концерта в

Беркли и финальное шоу в Лос-Анджелесе. В середине сентября настало время отомстить фирме “Epic”. Выпущенная ими пластинка под названием “Live Yardbirds Featuring Jimmy Page” — чудовищный монтаж (с шумом толпы и смехом), записанная на неудачном концерте Yardbirds в театре “Anderson” весной 1968 года. Джимми был очень зол, так как чувствовал, что альбом выставляет его и старый состав группы (которые в те годы обычно играли версии группы Velvet Underground “I Am waiting For The Man”) бздунами со звучанием дворовой команды. Почти немедленно Стив Вейсс — нью-йоркский представитель Лед Зеппелин подает в суд на “Epic”, у которой не было юридического права издавать пластинку. Через месяц альбом был изъят из продажи. Из Калифорнии Лед Зеппелин отправилась на свои первые гастроли по Японии. Недельный отдых на Гавайях, куда специально из Англии прибыли жены. Перед прилетом последних случилось мелкое происшествие. Смеха ради Цеппелины имели обыкновение терзать своего же коллегу, изматывая его беспощадно грубыми шутками, пока накал не достигал своей крайней точки. На этот раз жертвой стал Джон Пол Джонс. В отеле “Rainbow Hilton” музыканты буквально затопили комнату Джонси из пожарного шланга в первый же вечер. С приездом жен атаки на Джонса немного поутихли. Джимми снял дом и уехал из отеля, так как не хотел нарушать семейственность своим присутствием. Он просил Коула и роуди не сообщать Роберту свой номер телефона, не желая, чтобы певец тащил к нему свою Морин. После концертов в Японии Цеппелины с удивлением узнали, что песней № 1 здесь считают “Immigrant Song”. Все шоу в этой стране стали начинаться именно с нее. Японская публика сходила с ума, видя своих британских кумиров. А поведение группы не улучшалось. В токийском «Хилтоне» Бонзо швырнул сервисную тележку в душевую, где как раз находился Фил Карсон — куратор “Atlantic” в Англии, который в тот момент путешествовал с группой. Однажды вечером Бонзо и Коул отправились на прогулку, приобретя по дороге два самурайских меча. Вернувшись в отель поздно ночью, они изрубили свои комнаты в куски. Затем, разнесли в клочья дверь номера Джонси, обнаружив его хозяина на кровати, пьяного до бесчувствия. Вынесли его тело в коридор и бросили спать на полу. Вернувшись назад, разнесли в щепки номер и этого музыканта. Горничная обнаружила спящего на полу Джонса лишь на следующее утро. Он тупо смотрел на бедную женщину и никак не мог понять, где находится. Скандал разразился после полного уничтожения коридорного интерьера, а музыкантам было запрещено проживать в «Токио Хилтон».

Вдали от дома порой хочется исполнить старые добрые вещи. Во время акустического сета в Токио, Роберт объявил старую избитую “Smoke Gets In Your Eyes” сразу же после редко исполняемой “Friends”.

Группа отправилась в Хиросиму, где она играла в пользу пострадавших от атомной бомбардировки в 1945 году. После концерта, мэр города торжественно наградил Лед Зеппелин медалью «За Мир». Поездом музыканты отправились на несколько дней в Осаку и Киото. Их сопровождал чемодан виски “Santory”, дюжина герметичных фляжек с японской рисовой водкой сакэ и официальный представитель японской компании звукозаписи, имевшего очень отдаленное представление о том, что можно купить в магазинах для дальнейшего ночного развлечения.

Настала очередь Джимми быть козлом отпущения. В 3 часа ночи Пейдж сладко спал в будуаре. Бонзо, Джонс и Роберт решили, что настало время окатить гитариста смесью из спитого чая, сакэ и вареного засохшего риса. Роберт приоткрыл полог, а Бонзо добросовестно вылил смесь на спавшего там человека. Произошла трагическая ошибка — номер занимал не всегда спокойный и уравновешенный Пейдж, а неукротимый Питер Грант. Со страшным ревом 150 килограммовый гигант выбрался наружу и погнал насмерть перепуганных музыкантов по коридору. Поймав Джонса, он врезал ему пару раз по ушам, затем — надавал пинков Роберту. Привлеченный шумом, на пороге своего номера появился Коул. Грант, решив, что все спровоцировал Ричард, развернулся, чтобы ударить последнего по лицу. Но Коул увернулся. На пути оказался Бонзо, которому разъяренный менеджер раскровянил лицо. Грант принялся орать на Коула, обещая испепелить его на месте. Японец, в обязанности которого вменялось присматривать за группой, смотрел на происшествие с ужасом в глазах. Он уже считал себя свидетелем распада группы. Чуть позже Фил Карсон отвел трясущегося беднягу в сторону и объяснил, что такие происшествия — обыденные вещи. В осакском концертном зале “Festival” Бонзо чувствовал себя неважно после перенесенных побоев. Во время исполнения “Tangerine” он неожиданно встал и медленно побрел со сцены — пришлось закончить песню без него. После концертов Грант, Бонзо и Джонс вылетели в Англию. Джимми, Роберт и Ричард Коул решили попутешествовать по Азии. После пересадки в Гонконге они очутились в Бангкоке, где и остановились в отеле «Рама Хилтон». Коул отправился погулять и купить сувениров. По возвращении к нему пристали Джимми и Роберт, требуя заботы и развлечений. Все трое немедленно отправились в президентский люкс отеля. Коул связался с коридорным по имени Сэмми Понг и

объяснил ему, что Цеппелины желают женщин. И Сэмми повез ребят в длительное путешествие по злачным местам Бангкока. Еще в Японии все приобрели фотоаппараты и, проезжая по улицам, фотографировали наиболее значительные эпизоды. Сенсацией явились очень непривычные для Азии длинные волосы музыкантов. Ребятишки провожали их от одного публичного дома к другому, называя Билли Боями вдогонку (гомиками). Коул вспоминает, как в одном из борделей они выбирали себе девочек. Комната была около 20 метров в длину, где находились три ряда женщин, в ожидании, что выберут именно их. У каждой женщины имелся свой порядковый номер. Коул объявил: «Мне 66, 24 и 31». Неожиданно позади послышался грубый голос, говоривший на ливерпульском сленге. «Во, ебаный случай, Альберт! Как те нравится 37-я?» Цеппелины обернулись и увидели двух молодых моряков, которые сразу же признали музыкантов. «Ебать колотить, да это же Лед Зеппелин! Чо вы делаете в этом задроченном блядушнике?» Пьяный разгул в борделе продолжался от заката до 4-х утра. «Все время мы находились в бане», — вспоминал Коул. «Все перепились, перетрахались, накупили буддийских сувениров и антиквариата. Необходимо было сбросить напряжение, расслабиться после напряженного турне. Люди думают, что чем круче группа, тем больше денег она зарабатывает. А удовольствия нет ни хуя! Это гнилое дело. Приходишь домой со слезами на глазах.» После Бангкока Джимми и Роберт отправились в Бомбей. Пейджа все еще не оставляло желание записаться с индийскими музыкантами, но эта поездка оказалась бесплодной. Ричард Коул вылетел в Австралию для подготовки и организации здесь турне в будущем году. Поездка по Азии доказала как Джимми так и Роберту, что надежды на создание международной гастрольной группы подвешены в воздухе. В Бангкоке, где Лед Зеппелин знали мало, первое, что они увидели, было объявление типа: «МАРМЕЛАД СКОРО ПРИНЕСУТ». Фраза относилась к проживающим в третьем классе. Фраза заставила Джимми и Роберта задуматься.

Четвертый альбом Лед Зеппелин был выпущен в ноябре 1971 года. “Atlantic Records” снабдила рекламные журналы изображением 4-х символов. Пластинка вышла анонимно, поэтому символы должны быть внесены в списки. Альбом называли по-разному — “Led Zeppelin IV”, “Zoso” и 4 символа. Отзывы были более, чем положительными по сравнению с 3-м альбомом, хотя и очень разнообразными. Оказалось, что критикам понравилась “Stairway”, хотя и не так сильно как фанам, которые торопились приобрести пластинку. Снова Лед Зеппелин наотрез отказалась выпустить сингл: фаны будут

покупать альбом, а если будет еще и сингл, то пластинка немедленно опустится на второе место. Но спрос на “Stairway” был стабильным — диск регулярно продавался и оставался в чартсах долгие годы. Пройдет еще целых два года после крупной цеппелиновской кампании 1973 года, прежде чем “Stairway” приобретет свои нынешние очертания шедевра. Группа подозревала об этом. Джимми заявил журналисту: «Думаю, что “Stairway” — сливки работы группы. Я вложил сюда душу, показал то лучшее, что у нас есть … Это веха для нас. Каждый музыкант мечтает создать нечто очень высокого качества, то, что продержится долгое время»

Другому журналисту, Роберт рассказал о природе лирики: «Я просто сидел рядом с Пейджи в Хэдли Грандж напротив огня. Пейджи записывал аккорды и наигрывал их мне. Я держал в руках бумагу и карандаш … и почему-то у меня было отвратительное настроение. Вдруг, моя рука сама стала писать слова. «Жила-была леди, и она была уверена, что все, что блестит — золото и она покупает лестницу на небеса». Я посмотрел на слова и подскочил на месте от радости.»

Чтобы хоть как-то продвинуть альбом на родине, Цеппелины принялись разъезжать по крупнейшим британским городам, начиная с 11 ноября. Концерты начались в Ньюкасле на севере Англии. Билеты на все шоу распродали за 24 часа. Когда выбросили билеты на 2 крупных концерта в помещении бассейна Уэмбли вместимостью 19000 человек по цене в 75 пенсов за билет, то все они ушли в течение одного часа. И это происходило в эру расцвета глиттер-рока. Группа выходила безо всяких предисловий, установок аппаратуры и наладки. Не было ничего, кроме часов музыки. Но концерты на Уэмбли спланировали иначе — они были нечто большим, чем простой рок-водевиль. Все напоминало атмосферу римского цирка — акробаты, жонглеры и свинья на трамплине. Шотландская группа Stone the Crows с гитаристом Лесом Харви и певицей Мэгги Белл (английской Джанис Джоплин) отыграли сет. Менеджером группы был Питер Грант, который возлагал на команду большие надежды. Ожидая Лед Зеппелин, Грант лично появился за кулисами, окруженный стайкой детей. Рэй Томас — роуди Джимми подключил провода и попробовал звук. Бббббрррэээггг. Публика вздрогнула от ощущения того, что Лед Зеппелин будет играть на пределе своей мощности. «Чувствуешь, как барабанные перепонки натягиваются будто паруса во время шторма», — писал журналист “Melody Maker”. «Болезненно, но игра почти у всех вызывает одинаковую реакцию. Восторг от давления чего-то грубого и живого … Пейдж снова атакует. Это показ товара лицом … Он постепенно

успокаивается, затем снова лает, как электрическая собака с костью острых аккордов во рту … Пейдж отлично двигается по сцене, проделывая всевозможные трюки. Такое зрелище стоит посмотреть. Между тем, Плант продолжает стонать. Может это все и чересчур громко, а может и нет! Очень непристойное шоу». Концерты назывались «электромагией». Большинство фанов, услышав 3-часовое оглушительное выступление Цеппелинов, были полностью согласны с таким определением. После шоу фаны, делясь впечатлениями, уходили толпами в сырую и холодную лондонскую ночь. Гастроли по Британии завершились в Борнемаусе в декабре, а группа взяла тайм-аут до конца года.

Глава шестая: Мятежный дом на материке

Моя сексуальная жизнь была очень
Интенсивной … Любовь пришла на
Смену христианству. Это было
Проклятием и разложением.

— Алистер Кроули

Дома Цеппелины не контактировали между собой. В Хитроу они доводили таможенников до безумия своими яркими чемоданами, различными золотыми и платиновыми альбомами, кучами драгоценного антиквариата и восточной мебелью («Боже, это опять Цеппелины», — стонали таможенники при виде группы). Затем музыканты исчезали в провинции. Роберт и Бонзо жили рядом в Уостершире. Джонс скоренько отправлялся в лоно семьи (к тому времени у него было уже три дочери). Дома у Джона находилась студия, где он мог работать (в скором времени Джон Пол Джонс займет более значительное место в группе).

В этом году на Темзе произошло наводнение и Джимми понял, что коллекциям редких гитар и вещей Кроули угрожала опасность от дальнейшего пребывания в Пэнгборне… За полмиллиона фунтов он купил владение с домом 18-го века (Пламптон Плэйс) в сельскохозяйственном Сассексе. Дом находился в зеленом парке, рядом несколько разноуровневых озер. Старый дом священника привлекал внимание Пейджа, так как верхний этаж можно было переоборудовать в студию звукозаписи, о чем так мечтал Джимми. Сразу после переезда из Пэнгборна, часть старого дома смыло наводнением. Пейдж познакомился с американским кинорежиссером Кеннетом Энгером, чей фильм “Scorpio Rising” стал классикой андеграунда 60-х. Энгер жил в Англии и также изучал труды Алистера Кроули. За год до покупки Болескин Хауса Пейджем, Энгер жил там. Агент Сотбис, представлявший интересы музыканта, перебил у режиссера цену на покупку оригинального манускрипта Кроули “Scented Garden”. У Энгера был новый фильм под названием “Lucifer Rising”, который представлял собой ритуальное отображение интересов режиссера к сатанизму. Фильму необходимо было музыкальное оформление. Кеннет прослушал музыку Джимми и почувствовал духовное родство с патологическими мелодиями и дьявольским смыслом песен типа

“Dazed and Confused”. Объединенные интересом к Кроули, «совпадением тематики фильма и музыки», они познакомились при посредничестве спиричуалиста-кокни, которого хорошо знали оба. Энгер навестил Пейджа в Сассексе. Джимми с гордостью продемонстрировал бесценную коллекцию «свидетельств» Кроули — книги (первые издания, манускрипты, шляпы, трости, картины и даже одеяния, в которых маг проводил ритуалы). Джимми согласился поработать над мелодиями к фильму, но заметил, что работа в группе занимает большую часть его времени. В конечном счете, музыкант и режиссер договорились, а Джимми приступил к работе над тем, что обещало плодотворное сотрудничество в будущем.

В северной части Уостершира Роберт работал на своей ферме и подумывал о покупке еще одной — овцеводческой недалеко от побережья Уэльса. (Скоро он ее купит, так же, как и дом в Брон-Е-О). Дома, Плант и Бонзо взяли покровительство над группой Bronco, чей гитарист Робби Блант, являлся их общим киддеминстерским приятелем. Роберт и Бонзо появлялись на репетициях Bronco в деревенском концертном зале. По вечерам вся компания отправлялась в местный паб на пинту-другую пива (или 12 пинт в случае с Бонзо). До сих пор Лед Зеппелин не контактировала с прессой: все было покрыто мраком. Бонзо особенно не жаловал журналистов, но именно он первым нарушил молчание, когда переговорил в лондонском пабе с дружески настроенным репортером Крисом Уэлшем, долгие годы печатавшим свои статьи о группе в “Melody Maker”. Бонзо рассказал, как блестяще их приняли в Японии — регионе еще неисследованном большинством рок-групп. Он очень волновался перед последними гастролями по Америке, так как не был уверен — сможет ли хорошо играть. Бонзо выразил и отношение к работе: «Я никогда не ставил себе целью стать одним из лучших барабанщиков, да и сейчас не хочу. Масса ребят приходят и говорят — «есть много ударников лучше, чем ты» или что-то в этом роде. Но я наслаждаюсь игрой на пределе именно моих возможностей, вот почему я работаю здесь. И не пытаюсь превзойти Бадди Рича! Но никогда я не играю то, что мне не нравится … Я простой, прямой барабанщик и не стараюсь представить себя лучше, чем есть на самом деле». У чернорабочего группы спросили относительно будущего команды. Он закатил глаза и саркастически произнес: «Они произведут шедевр! Уж я то знаю! Мы будем на вершине в следующем году, или я опять уйду на стройку!»

В начале 1972 года Цеппелины продолжили работу. Очарование неброской природы Англии настроило музыкантов на

сентиментальный лад. Ничто в провинции не напоминало о ревущих стадионах, переполненных озверевшими молодыми разъяренными фэнами. Джимми и Роберту (в особенности) было необходимо чувство неподдельной, чистой экзальтации, о которой рок боги мечтали с необузданной страстью. Чувствовать свое всемогущество, слышать гул толпы, напоминавшей низвергающийся водопад и обладать романтической энергией. Больше ничего и не требовалось. Группа собиралась приступить к работе в середине февраля, дав первый концерт в Сингапуре по дороге в Австралию и Новую Зеландию. Репетиции и работа над новым альбомом начались в январе в лондонской студии “Olympic” и продолжились в феврале в нью-йоркской “Electric Lady”, где в свое время записывался Джими Хендрикс. Здесь же звукоинженер Эдди Крамер смонтировал великолепный «Коричневый Бомбардировщик». Эдди был очень загружен работой.

Концерт в бывшей британской колонии Сингапуре был назначен на 14 февраля. За день до него, Лед Зеппелин приземлилась в аэропорту города, но не получила разрешения на въезд из-за слишком длинных волос музыкантов. Сверхконсервативное правительство страны проводило широкую компанию против вредного, разлагающего влияния западной молодежной культуры (длинные волосы, наркотики, секс) на молодежь Сингапура. Лед Зеппелин не только запретили въезд — не разрешалось даже покидать пределы самолета. Музыкантов вынудили вернуться в Лондон. Турне началось лишь 16-го февраля в австралийском городе Перт. Затем — концерты в Мельбурне, Аделаиде, Брисбейне и Сиднее. Затем — Новая Зеландия, где играли перед 25000 горячих поклонников в Окленде. 10-го марта музыканты выступили перед 26000 зрителей в Сиднее (Новый Южный Уэльс). Турне завершилось. Джимми и Роберт решили поехать в Индию с необходимой звукоаппаратурой, имея кое-какие связи с музыкальным бизнесом Индии. Поездка в Бомбей преследовала цели ознакомления с настоящей музыкой, соединение западных и восточных мелодий, о чем мечтали и долгие годы говорили музыканты Лед Зеппелин.

Бомбей — жаркий, пыльный, переполненный город-порт, с населением в 12 миллионов индусов и мусульман. Располагается на западном побережье Индии и омывается Аравийским морем. В течение нескольких дней Джимми, Роберт и Ричард Коул бродили по улицам с фотоаппаратами и диктофонами, запечатляя неповторимые наряды женщин и заклинателей змей. У Джимми был прекрасный “Stellavox” — магнитофон, на который можно записывать даже в полевых условиях (его использовали и при

записи уличных музыкантов). Джимми всегда просил разрешение на запись. Присутствие иностранцев с микрофонами всегда собирало большую толпу. Здесь были праздношатающиеся, а также карманники и нищие. Уличные музыканты — живые хранители 5000-й истории музыки Индии. Старея, они, как правило, удалялись от мира, чтобы окончить свои дни в тишине и спокойствии. Используя связи музыкального мира отзвонили местным музыкантам и кое-кто откликнулся. Большинство выступало в классической индийской манере, остальные следовали западной традиции, работая в бомбейском симфоническом оркестре. Один молодой гитарист поразил Джимми — он начинал играть на ситар, постепенно переходя к классической гитаре. Индийские сейшены произвели на свет англо-карнатические версии “Friends” и “Four Sticks”. Плант объяснял: «Мы так и не обработали материал. Это был просто эксперимент, мы проверяли — насколько будет легко соединить индийскую музыку с нашими идеями. Выяснилось, что индийским музыкантам трудно осознать западный подход к музыке … Мы обнаружили, что желаемую музыку сможем играть лишь в будущем». Джимми заявил, что сейшен был только исследованием, проверкой потенциала группы. «Намерение поехать в мировое турне», — скажет он позже, — «записываясь в Каире, Бангкоке и Бомбее, привлекая местных музыкантов … Было бы здорово работать в этом направлении, но мы так и не пришли к этому. Эти две записи так никогда и не вышли в новой форме».

По крайней мере, Джимми и Роберт, вернувшись в Англию и записывая новый альбом, знали, что пытались воплотить в жизнь свою западно-восточную мечту. Любимой историей музыкантов стал рассказ о единственном джеме в Бомбее. Джимми играл на японской электрогитаре, подключенной к небольшому усилителю “Fender” перед немногочисленной публикой — ошарашенными покупателями, никогда ранее не слышавшими западных рок-музыкантов, а уж Лед Зеппелин тем более. После игры владелец бара наградил Джимми и Роберта бутылкой индийского виски. Он обещал, что если музыканты придут завтра, то получат еще одну.

В апреле 1972 года у Роберта и Морин родился второй ребенок — сын, которого назвали Кэрэк в честь уэльсско-британского полководца Кэрэктакуса — сына Цимбалина. Военачальник вел долгую и героическую борьбу против римского вторжения в 43 году н. э. Когда Кэрэктакуса в итоге поймали и привезли в Рим в цепях, то император Клавдий был поражен беспримерной храбростью воина и сохранил ему жизнь. Роберт,

увлеченный древней историей Уэльса и Британии, дал своему сыну имя легендарного героя.

В мае прилетел Эдди Крамер из Нью-Йорка. До этого ему позвонил Ричард Коул, сказав, что Лед Зеппелин приступает к записи нового альбома в Старгровз — деревенском доме, принадлежавшем Мику Джаггеру. Опять требовалось использование передвижной студии Rolling Stones. Крамер нашел группу очень утомленную от гастролей и путешествий. Джимми и Роберт еще как следует не отошли от работы в Бомбее. Большинство песен (и кое-какие наброски) нового альбома были написаны на репетициях в Старгровз. Были, конечно, и исключения: Джимми привез из дома “The Rain Song” и “Over the Hills”, а Джонс имел с собой композицию “No Quarter”. Крамер любил вспоминать те старгровские сейшены. «Они были великолепными, вдохновенными и прекрасными», — говорит он. «Каждый из Цеппелинов действовал уверенно и чувствовал себя счастливым. Общее настроение было отличным. У меня очень хорошее зрение и из окна студии я видел четырех людей, плясавших в каком-то едином порыве на лужайке после первого воспроизведения “Dancing days”. Этими людьми были Роберт, Бонзо, Джонси и Джимми. Так они выражали чувства по поводу записи неотразимой вещи.»

«Работа в Старгровз представляла собой просто эксперимент. Поздно ночью, абсолютно пьяный Бонзо, одетый в громадный плащ, ворвался ко мне в комнату, смутив тем самым мою подружку (мы находились с ней в постели). Увидев нас он убежал, громко хохоча. Замка не было и скоро он вернулся еще более пьяным, а роуди всю ночь сновали под окнами. К утру, девушка ничего, кроме отвращения, не испытывала. Я ее не виню.

Тем не менее, с ними было здорово работать. Легче всего было записывать Бонзо. На установке находились три микрофона. Звук настолько был качественным, что почти весь шел в дело. Невозможно описать — надо слышать. Бонзо звучал так потому, что бил по барабанам сильнее, чем кто бы то ни было. Он лупил по установке с силой и тяжестью каменщика. С другой стороны, Джон обладал и очень легким ударом, почти прикосновением. В любом случае, Бонзо — ключ к пониманию Лед Зеппелин. С ним можно было работать. Единственной причиной того, что Цеппелины иногда переделывают свои творения, являются временные ориентации и сочетания большинства песен. И если Бонзо осилил свою партию — все остальное моментально занимает нужные места».

Эдди говорит, что именно Джимми являлся лидером группы. Стиль Пейджа был настолько неясным и устремленным в

перспективу, что каждый мог дополнить его своими собственными идеями. Крамер чувствовал, что Джимми позволил Джону Полу Джонсу большое отклонение от курса для того, чтобы разнообразить тона в композиции типа “No Quarter”. С Джимми работать было сложнее, ведь он использовал различные виды усилителей, чтобы разнообразить колорит гитарного звука. Пейдж — очень требовательный человек». Они записали “Black Country Woman”, сидя с гитарами в саду. Во время звукозаписи над садом пролетел самолет и Крамер предложил приостановить работу, чтобы убрать нежелательный эффект. Но Роберт отказался и Джимми склонил голову в знак согласия с вокалистом.

Новая музыка не подвергалась сокращению. Масса всего сделано во время старгровских сейшенов и долгие месяцы потом Цеппелины обдумывали — какие вещи они запишут на пластинки, а какие смогут и подождать. Джимми работал над запутанным звуком фанфары с одновременными голосами и гитарой. Первоначальное название песни — “Overture”, но на репетиции ее воинственный дух и движение вызвало к жизни новую рабочую версию — “Campaign”. (Роберт добавил к ней слова и она преобразилась в “The Song Remains The Same” — цеппелиновская дань уважения и отношение к мировой музыке.) “The Rain Song” — блюзовая погребальная композиция, которую Джимми привез из Сассекса, была соткана очень тщательно, пропитанная синтезаторной оркестровкой Джона Пола Джонса. Синтезатор был призван отвлечь от прогрессивного рока и ассоциировался, в основном, с группой Moody Blues. “Over The Hills and Far Away” — вещь Джимми с акустической фолк мелодией, резко переходившей в обычную зепповскую бомбардировку. Роберт добавит сюда бестолковые афоризмы и загадки, а Джонс присоединит причудливую коду на клавесине.

“No Quarter” была, в основном, создана Джоном Полом Джонсом. Ее замкнутая тема вдохновила Роберта написать слова — воображение о смерти викинга, ветрах мифического бога Тора. Возникло ужасное дьявольское видение: «Идя бок о бок со смертью, Дьявол смеется на каждом шагу». Затем следует несообразное смешанное соло на фоно и джаз-секция гитары Джимми. Контекст “No Quarter” предполагал, что Цеппелины не берут в плен и занимаются жертвоприношением, тогда, как песни-шутки типа “Dy’er Maker” и “Crange” давали понять, что не следует принимать смысл песен Лед Зеппелин близко к сердцу: всего лишь дань моде. Регги Ямайки становилось популярным в Англии. Боб Марли и The Wailers поселились в Лондоне. Цеппелины заинтересовались стилем и его техническими

особенностями, а Бонзо частенько сокрушался, что прежде не играл эту музыку. “Dy’er Maker” начиналась как регги, а заканчивалась как пародия на 50-е годы. “The Crange” — спонтанный шарж на Джеймса Брауна. Начинал Бонзо, затем подключался Джонси, потом — Джимми, играя в манере гитариста Джеймса Брауна — Джимми Нолена. Песня превратилась в фолк-пародию, перед пением вымучивающим слова Отиса Реддинга из “Mr. Pityfool”: «Где этот проклятый мост?» Потом, следовали тяжеловесные рок мелодии. Завершала альбом “Dancing Days” с волшебной извивной мелодией, схожей по саунду с индийской двуязычковой шенаи, которую Джимми и Роберт слышали в Бомбее. “The Ocean” насыщена вулканизмом и взрывами, гитарными наслоениями и конструкциями над акустической мощью. Под океаном понимаются неизгладимые впечатления Роберта от разгоряченной толпы юнцов, которые раскачивались и кружились напротив сцены, как волны во время приливов и отливов. Только такие заводные вещи должны присутствовать на альбоме. Сейшен в Старгровз создала вещи, не вошедшие в данную пластинку — “Black Country Woman”, “The Rover”, “Houses of the Holy” (последняя послужит названием для новой пластинки). Была и другая запись — “Walter’s Walk”, звучащая с необычайной скоростью. Бонзо здесь играл агрессивно и свирепо … И вдруг, приходит мелодия Пейджа, неожиданная, как ночное письмо. Было несколько неясных ритм-мелодий различного качества. Одна из них известна под названием “Slush”. Позже, когда группа прослушивала воспроизведение старгровских песен и композиций в своей обычной лондонской лаборатории — студии “Olympic” в Барне, они поняли, что не так уж и довольны качеством полученного звука, как это было после записи в старом доме Хэдли Грандж. Много месяцев будет потрачено на монтаж и аранжировку в Лондоне и Нью-Йорке. А обычные споры вокруг необычного конверта диска отложат его выпуск до следующего года.

В то время как Цеппелины записывали то, что обещало стать их наиболее известной музыкой, Питер Грант в одиночку пришел к выводу, что крупнейшие рок группы должны заниматься бизнесом. Традиционно гастролирующей группе отстегивали половину чистой прибыли, а остальные 50 % забирали импресарио. Если шоу бывали очень крупными, тогда иногда музыканты получали до 60 %. Перед американским турне 1972 года Питер Грант неприятно удивил импресарио, заявив, что отныне и навсегда Цеппелины будут брать 90 %. Настоящим импресарио будет Питер Грант и именно он собирается оплачивать все расходы. Местные продюсеры будут выполнять

подручную работу и получать 10 % помимо славы от пребывания рядом с «высшей, величайшей группой мира». Импресарио взвыли, но Грант остался непоколебимым. Он жестко добавил, что 10 % от Лед Зеппелин все лучше, чем 50 % от ничего. У дельцов не осталось выбора. «Лед Зеппелин будет зарабатывать и получать больше денег, чем любая другая гастролирующая группа до них». Такая формула Питера Гранта быстро станет популярной в среде крупных рок-звезд. Ричард Коул говорит о наглости Гранта: «Он просто вычислил, что люди идут посмотреть на артиста, который и должен получать деньги. Питер рискнул, снимая стадионы за собственные деньги. Грант заявил: «Я снимаю залы, а ты работаешь на меня». К счастью, мы имели дело с крупными и опытными импресарио, такими как Джерри Вентрауб (который одно время продюсировал Элвиса). Они были согласны.»

Личный бизнес Гранта не удался в результате смерти гитариста Леса Харви из Stone the Crows (детища Гранта). Харви погиб от электрошока, играя на концерте в Свонси (Уэльс) 3-го мая 1972 года. Певица Мэгги Белл — подружка Харви, перестала выступать после несчастного случая. Никто раньше не видел Питера Гранта — этого бесстрашного задиристого рок бегемота, таким унылым и несчастным.

Несмотря на неудачи, Грант прекрасно справился с подготовительными работами, да и 4-й альбом без названия до сих пор находился в чартсах и раскупался стабильно. Билеты почти на все концерты, которые должны состояться в Северной Америке между июнем и августом 1972 года раскупались немедленно без всякой рекламы. Фаны осаждали кассы, создавая обычные сложности для властей. Музыканты подготовили новое шоу и были убеждены в том, что это турне (8-е в США) изменит сам статус группы, переведя Лед Зеппелин из разряда удачливой рок команды и известной лишь фанам, в категорию законодателей и богов, таких, как Beatles и Rolling Stones. Проблема в том, что Роллинги должны гастролировать по Штатам одновременно с Лед Зеппелин. Стоунз (чей альбом “Exile On Main Street” достиг первого места в списках США) не играли в Америке с 1969 года. Гастроли Стоунз были организованы лос-анджелесской фирмой общественных связей и считались событием года для молодежи страны. Несмотря на то, что Цеппелины задвинули Стоунз во многих городах, музыканты почувствовали возбуждение и ужас от того, что их может и не заметят. Преданные фаны еще приходили в неистовство и все концерты превращались в обычную вакханалию. Несмотря на негласное соглашение с фанами о следовании истинной мистике,

никто не мог предугадать хода событий. Все покрыто мраком.

Отношения с прессой оставались ужасными, в отличие от Rolling Stones, которые выработали о себе устойчивое общественное мнение. Группа чувствовала, что британская музыкальная пресса готовила им вендетту. Американская пресса почти физически боялась Цеппелинов, их репутации маньяков с кнутами. Страхи увеличились после опубликования мемуаров Элен Сандерс, где она сообщала об оскорблениях, нанесенных ей Цеппелинами во время недель отдыха в 1969 году. Книга была выпущена под заголовком «Поездки». Роберт был обижен таким гнусным отношением средств массовой информации. «Это расстроило меня. Чтобы сохранить чувство собственного достоинства, нужно было выйти на сцену и потребовать сатисфакции … Мы хорошо знали, что лучше многих исполнителей делаем свое дело (я имею в виду людей, уже прославленных прессой). Безо всякой показухи надо заявить людям о себе, чтобы не бытовало мнение, что мы закусываем женщинами, выбрасывая кости из окна».

Долгие годы Цеппелины не нанимали для своих концертов представителей прессы. В 1968 году Билл Харри — постоянный публицист Битлз и редактор “Mercybit”, который затем работал с детищами Микки Моста, попытался найти контакт с группой. С Харри разделались исключительно быстро. Грант и Коул высунули перепуганного журналиста из окна верхнего этажа здания на Оксфорд-стрит, крепко держа беднягу за ноги.

Лед Зеппелин наняла другого пресс-агента — маленького человечка Фаллона по кличке «Веер», известного рядом публикаций о T-Rex и других группах эпохи глиттер-рока. Обычно журналисты, желавшие взять интервью у Лед Зеппелин, не получали ответа из офиса Питера Гранта. Если же репортеру удавалось приблизиться на достаточное расстояние к музыкантам, то появлялся большой и мощный Ричард Коул, который приказывал убираться вон. Фаллон попытался привлечь прессу к Джимми и Роберту. Пресс-агент был странной личностью, влюбленным в Джимми и Роберта, ненавидимый Бонзо, Ричардом Коулом и роуди. Он разговаривал на арго хиппи. Перед обедом Фаллон говорил: «Еда готова.» Если надо уезжать: «Лимузин подан». Когда звонил журналисту, то всегда начинал разговор так: «Парень, я кое-чего хочу сказать тебе». Он был ходячим анекдотом. Когда Цеппелины наняли его, Фаллон работал пресс-агентом группы Silverhead, чей гитарист Робби Блант был киддеминстерским приятелем Роберта. Певец группы — симпатичный, аристократичного вида блондин по имени Майкл де Барр. Последний впервые повстречал Джимми на

концерте Silverhead в маленький бирмингемский клуб. Так как Роберт и Робби были друзьями, то обе группы и их окружение отправились к Роберту после концерта, где веселились всю ночь. Майкл де Барр был попросту очарован Джимми сразу же после встречи.

«Мы оба одержимы одним — рок-н-роллом. Это стало нашей атмосферой. Многие уже не интересуются песнями, словами и т. п. Самыми важными вещами стали серьга, хорошая обложка альбома, как выйти из самолета или красиво вылезти из лимузина. Джимми — стойкая личность. Все есть и все готово. А отношение другое. Вот почему я так люблю Джимми». «Я имею в виду, что Джимми неотразим», — продолжил певец. «Он был классической рок-звездой в обнесенном рвом замке, вельветовой одежде, потрясающими машинами, которые не умел водить и редкими гитарами за 80000 долларов. В то время я чуть не рыдал над коллекцией вещей Кроули. Я приезжал к Джимми в Пламптон, а он вытаскивал облачения Кроули, его игральные карты — все редкости, которые собрал музыкант. Я думал, что это было здорово — так запутанно и развратно. Джимми показал мне все. Не знаю, чем я показался Джимми», — закончил Майкл. «Всегда думал, что нравлюсь ему».

8-е гастроли Лед Зеппелин в Северной Америке начались 21 июня 1972 года в Денвере. Новая программа продолжалась теперь от 2,5 до 4-х часов, в зависимости от здоровья и настроения Джимми, опираясь, в основном, на новый материал, незнакомый еще фэнам, с альбома без названия и на старые ураганные хиты — “Since I’ve Been Loving You”, “Dazed and Confused” и неотразимую “Whole Lotta Love”. Концерт открывался рок-н-роллом, переходившим в “Over the Hills and Far Away”, “Black Dog” и “Misty Mountain Hop”, прежде, чем Роберт произносил обычное «Добрый вечер». С самого начала гастролей у Планта возникли проблемы с голосом — в горле першило. Это происходило из-за изменчивости летней погоды. В пустынном климате Техаса и Аризоны, музыканты были вынуждены покидать самолет с кондиционерами и подвергаться воздействию страшной жары, затем — опять кондиционеры в автомобилях, снова жара и … опять кондиционеры. Голос Роберта моментально сел в самом начале. И он сел на диету из горячего чая с лимоном и медом. Недостаток голоса пришлось компенсировать изображением дикой сексуальной энергии. Плант отклонялся назад, а его тело трепетало и корчилось в судорогах.

Музыканты дали 2 концерта в нью-йоркском “Maddison Square Garden” по приезду. На первом концерте в пятницу кондиционер отказал и большая аудитория превратилась в

парную. В тот день, фаны буквально обезумели, услышав канонаду Бонзо и постоянные могучие аккорды Джимми в Рок-н-ролле. В одном концерте заключались Марди Грасс, Сатурналия и китайский Новый год. Никакой декорации и прочей ерунды не было. Просто была Лед Зеппелин, музыка и несколько пятен света. После трехчасового шоу, группа приступила к исполнению “Whole Lotta Love” и фаны начали карабкаться на сцену. Ричард Коул попытался выполнить свои неприятные обязанности, отправляя поклонников назад ударами каратэ. Все безуспешно. Просочившись на сцену, где играла группа, озверевшие фанаты стали танцевать, пока передняя часть подмостков не обрушилась под тяжестью юнцов. Люди откатились назад в оркестровую яму, за ними полетели мониторы. Группа была вынуждена покинуть сцену, и оставалась за кулисами до тех пор, пока не возникло уверенности в том, что 20000-я толпы не угомонилась. Цеппелины вернулись, сыграли “Lou, Lou” и “Long Tall Sally”, но уже без мониторов.

В Нью-Йорке музыканты шатались по рок-клубам и напивались. Они работали с Эдди Крамером в “Electric Lady”, делая монтаж песен типа “Houses of the Holy” — альбом с таким названием предполагалось выпустить впоследствии. Они давали прибыльные концерты в “Nasso Coliseum” на окраине Лонг-Айленда, куда юнцы приезжали за сотни миль, чтобы посмотреть на любимую команду. У спекулянтов билет даже на балкон стоил 200 долларов. 4-х часовое шоу завершилось “Boogie Mama” и “Peggy Sue”. Цеппелины сидели в костюмерной, а громадная автостоянка постепенно освобождалась от тысяч автомобилей. Молодежь нью-йоркских окраин путали машины и никак не могли разобраться после концерта. Знакомый английский журналист сообщил, что одна музыкальная газета только что назвала вялую Moody Blues лучшей английской группой в Америке. Роберт, помешивая мед в чае, даже вздрогнул от отвращения. «Это уже продолжается 4 года», — заключил Джонс.

Давая интервью, Роберт пожаловался на освещение Лед Зеппелин прессой, не отражавшего реальных взаимоотношений между группой и фанами на духовном уровне. Они обменивались энергией, что стало основой успеха Лед Зеппелин. «Это не просто музыкальный процесс», — сказал он журналисту, — «а гармония, которая уводит людей от земных проблем и возвышает чувства … мне нравится так думать. Ты как бы обретаешь ореол короля Артура. Чувствуешь, что могущество зависит от популярности, когда говорят: «Смотрите, а ведь струны играют сами»». И практически невозможно объяснить прессе волшебство телепатии и сопереживания между участниками Лед Зеппелин, но Роберт

все же попытался: «Это не просто какое-то мелкое музыкальное шоу с размахиванием микрофоном, а нечто большее. Даже музыка, которую мы играли годами, каждый новый вечер звучала по-новому.» После Нью-Йорка были выступления в Сиракузах и других городах США перед возвращением на исходные позиции в Лос-Анджелес. Музыканты заметили, что “Stairway” становится самой популярной песней в Америке (хотя соло Бонзо “Moby Dick” вызывало у зрителей наибольший восторг). Было что-то необычное в “Stairway To Heaven” — звонкая акустика, изображение божества, артиллерийский финал — все в совокупности задело сердца молодежи Америки. «Это было пришествием ислама в пустыню». Джимми обнаружил, что если бы он не зажимал струны верхней акустической 12-струнной гитары, играя на соло (то есть нижней), то они (струны) вибрировали бы в унисон с мелодиями, исполняемыми на 6-струнной, схожие с сочувственными, проникновенными обертонами ситар, добавляя свое к общему основному тону. Гастроли изменили роль Джона Пола Джонса в группе. В прошлом — безликий басист, находившийся в тени и лишь дополнявший мелодию, в то время как Джимми и Роберт всегда находились под пристальным вниманием. Джонс был одаренным музыкантом. Однако он выбрал неприметную роль бас гитариста и его таланты оставались замаскированными долгое время. Но в последнюю поездку Джон буквально расцвел, играя на электрофоно, органе и меллотроне. Он вошел в группу на равных. «Мне не нравилось находиться в отдалении», — заявил он репортеру Ричи Йорку. «Я бы не хотел играть в тени, как это делает иногда Джимми. Любой артист — немного эксгибиционист … Знаю, что нужно делать вещи, в которых понимаешь толк. Если я басист, то я предпочитаю выдавать твердую бас-линию».

С триумфом дав концерты в Лос-Анджелесе, музыканты переехали в отель “Continental Hiatt House” на бульваре Сансет и стали заниматься обычными для них делами — репетициями (на одной записали дюжину мелодий Элвиса) и поездками в рок-клубы Голливуда типа “Rodneys English Disco” и “The Rainbow Bar”. Джимми везде появлялся с мисс Памелой и все шло своим чередом, пока он не связался с 14-летней фотомоделью по имени Лори Мэдокс.

Лори была хорошенькой девочкой, высокой и темноволосой, как и Джимми, с яркими чертами лица и огромными глазами. Она напоминала чем-то Бьянку Джаггер. Ее фотографию напечатали в журнале “Star”, а еще раньше она познакомилась с Б.П. Фаллоном, который тогда находился в Лос-Анджелесе с

группой Silverhead. Фаллон сделал несколько фотографий Лори, которые он и предъявил Джимми, назвав девушку представительницей нового молодого поколения группи. Джимми был поражен. Бип дал Пейджу номер ее телефона. Гитарист позвонил девушке и сказал: «Привет. Говорит Джимми Пейдж. Я хотел бы встретиться.» Лори подумала, что ее разыгрывают и ответила: «Понятно, приятель» и повесила трубку. Однако Лори была заинтригована. По приезду Цеппелинов Лори и с подругами отправились в бассейн “Hiatt House”, находившемуся на крыше отеля. Ходили слухи, что мисс Памела поклялась выбить все дерьмо из девчонки, покусившейся на Пейджа.

“Тогда я была чуть ли не девственницей”, — говорит Лори. Я заявила ему: “Мистер Пейдж, я даже не хочу говорить с Вами, так как не хочу быть избитой”. Но Джимми ответил: “Дорогая, если ты будешь со мной — никто и пальцем тебя не тронет””. Пейдж преследовал ее по всему городу, наблюдал за ней в “Rodney”, бассейне и отеле. Затем оба отправились в люкс Роберта Планта освежиться. Она и другие новенькие группи — Сэйбл Стар, Линн провели здесь вечер, швыряя пустые бутылки из под шампанского в окно, стараясь попасть в большой рекламный стенд, прославлявший рок-н-ролл. Лори говорит, что Джимми никогда не предавался идиотскому шутовству, которым занимались в отеле Цеппелины. Люди, жившие поблизости, переименовали отель в «Мятежный Дом на Материке». Джимми вел тихо, он всегда взвешивал поступки и слова. И скорее являлся посторонним наблюдателем оргий, чем участником. На следующий вечер Лори опять появилась в “Rodney” со своими подружками. Неожиданно возник Джимми с мисс Памелой. Лори направилась в гримерную. Джимми пошел за ней, начал обнимать и целовать девушку на глазах у всех. Она воскликнула: «Боже мой! Не делай этого. Прекрати, меня же убьют». Конечно, я любила его, но и побаивалась, с другой стороны. Мне было только 14, а ему много больше. Я не понимала, что это за личность, да и не могла этого понять по молодости лет. Мои подруги упрашивали меня держаться подальше от Пейджа. Они утверждали, что Джимми наверняка высечет меня, как только мы останемся наедине». Девушка вышла из “Rodney” и направилась в “Rainbow Bar” — основное питейное заведение английских рок-звезд Лос-Анджелеса. Скоро здесь объявился и Джимми, но уже без Памелы. Он искал Лори и был полон решимости. Пейдж подослал к столику Ричарда Коула: «Джимми сказал мне, что будет с тобой — хочешь ты того или нет». Лори продолжила: «К сожалению, Джимми должен был покинуть “Rainbow” немедленно. Пейдж прыгнул в машину и укатил, сказав Коулу,

что если тот потеряет меня из виду, то Ричарду будет очень плохо. Коул схватил меня, проговорив: «Ты поедешь со мной, бля. Я должен доставить тебя». Он запихнул меня на заднее сиденье лимузина, добавив: «Сиди тихо и заткнись». Я поинтересовалась — что собственно происходит. Но Ричард еще раз приказал заткнуться.

«И вот мы опять в “Riot House”. Коул доставил меня в апартаменты Лед Зеппелин, которая занимала целый этаж. Это же похищение! Я вошла в комнату, где тускло мерцали свечи. Поначалу, трудно было вообще что-либо разглядеть. Потом, я увидела Джимми, сидевшего на кресле в углу. На нем была шляпа, низко надвинутая на глаза, в руках Пейдж держал трость. Он походил на гангстера. Загадочно и причудливо. Он просто сидел, опершись тростью о пол. Великолепное зрелище. Вы можете поверить? Прямо детективная завязка. Похищенная девочка 14-ти лет. «Наконец, мы остались в одиночестве. Никто не бил меня и я перестала бояться. Мы выглянули в коридор и убедились, что там никого нет, а затем, отправились во вторую комнату. Момент, ставший началом нашего романа. Мы полюбили друг друга. С этого дня мы старались не разлучаться. Он приезжал в город, останавливался в “Riot House” и высылал за мной машину. Затем бежал на концерты, вечером возвращался, чтобы опять находиться рядом со мной. Мы безумно, безумно влюбились. Фантастично и сказочно!

«В то время, остальные музыканты еще были плохо настроены ко мне. Кто-то предупредил их, что если Джимми застанут с 14-летней девчонкой, то его непременно вышлют из страны. Уходя, Джимми постоянно запирал меня на ключ. Грант и Коул также убеждали меня закрываться изнутри. Они не позволяли мне никуда уходить, ведь я была такой малолеткой. В конце концов, отношения с другими участниками группы наладились. Джимми встретился с моей матерью. Однажды он позвонил и сказал: «Я думаю, Вы не обижаетесь, что я встречаюсь с вашей дочерью». Он был настоящим джентльменом. Мать знала, что Пейдж — респектабельный человек, имевший деньги. Да и что она могла сказать? Она знала, что я все равно буду этим заниматься, так уж лучше с ним. Это был настоящий роман. Он, вообще, самый романтичный человек в мире. Такой хороший и благородный по-своему, немного женственный … чувствительный, даже сверхчувствительный. Приезжая в город, Пейдж всегда присылал за мной машину, а мне нравилось встречать его в аэропорту. Мы приезжали в отель и стремглав неслись в нашу комнату, садились на пол и плакали от счастья созерцания друг друга. Он делал мне подарки, например, скарабейное ожерелье для оберега от злых

духов, а я подарила ему что-то вроде старинной музыкальной шкатулки! Прекрасно! Понимаете, это была действительно невинная, прекрасная и чистая любовь. Мы любили друг друга и больше ничего … «Вы, конечно, много слышали о том, что Джимми — демон или вампир. Я чувствовала его власть над собой. Трудно объяснить, но мне кажется, что он обладал определенной силой воздействия … Всегда чувствовала, что нахожусь под влиянием Джимми. Честное слово. Иногда, мы занимались любовью, и, слава богу, могли делать это часами. Я чувствовала волшебство, головокружение, как бы перемещение в пространстве (хотя мы обходились и без наркотиков). Не покидало ощущение, что мы находились в космическом пространстве. Пейдж был самым замечательным любовником в мире — мощный, и вместе с тем мягкий и чувственный. Я просто уверена в том, что любая женщина, которой прикоснулась его рука, влюблялась в него … В первый год нашего знакомства, Джимми брал меня на все концерты. Иногда, они посвящали концерт мне! И если меня не было поблизости, он всегда звонил мне, где бы не находился. Особенно, во времена своей наивысшей славы с 73-го по 75-й год. Потом Пейдж стал самодовольным».

Турне завершилось в августе, пожав большие артистические и финансовые плоды. Но музыканты испытывали мрачное разочарование, так как пресса полностью проигнорировала группу. Как и предсказывали, Rolling Stones сумели утереть Цеппелинам нос. Знаменитости толкались у дверей костюмерной Стоунз. Энди Уорхолл снимал торжества на пленку, как Трумэн Капот с принцессой Ли Радзивилл упрямо сопровождал группу из города в город. Писатели типа Терри Сазерна писали серьезные “размышления” для респектабельных журналов. Между тем, Лед Зеппелин практически оставалась обойденной вниманием глупой и бесстыдной молодежной прессой. В то время как потрясающая и обаятельная жена-никарагуанка Мика Джаггера рассматривалась не меньше, чем султанша, Джимми Пейдж прятал свою малолетнюю пассию от закона. Это казалось возмутительным. Лед Зеппелин была круче Стоунз. Цеппелины обошли последних по продаже пластинок и билетов, играли лучше и сильнее Роллингов, которые стали использовать странную и неуклюжую мелодию рожка. Стиви Вандер открывал концерты Стоунз, разогревая публику. Цеппелины же были один на один со своими молодыми безумными фанатами, изолированные от музыкального бизнеса и позабытые обществом. Лед Зеппелин и их окружение выступили против мира. И мир стал опасаться Лед Зеппелин. Журнал “The Rolling Stone” лишь едва коснулся гастролей группы тем летом. Музыканты пришли в ярость.

«Всегда было так», — вспоминал Ричард Коул. «Они могут сказать — взгляните на Стоунз. И почему бы нам и вас не принять так же. Но они знают почему. Лед Зеппелин имеет совсем другой имидж и главную роль здесь играет мистика».

Позже, Джимми скажет: «Кому интересно знать, что Лед Зеппелин побила рекорды посещаемости там-то и там-то, когда Мик Джаггер разъезжает везде с Трумэном Капоте?» И был ответ — никому.

В октябре 1972 года Цеппелины во второй раз отправились в Японию, дав 3-го октября в токийском зале “Budoko” блестящий концерт, начавшийся с “Black Dog” и закончившийся через три часа обработками мелодий Элвиса в “Whole Lotta Love”. В Осаке они импровизировали “Stand By Me”. Устав от Японии, группа вылетела в Гонконг на краткий отдых. «Мы хотели путешествовать», — говорит Ричард Коул. «Лед Зеппелин хотела играть везде. Вот мы и отправились в Гонконг, надеясь дать концерт и здесь». Однажды вечером, обычное веселье и игры были в разгаре. По словам Коула: «Мы хотели купить кока-колы и приобрели целую упаковку. Затем, поужинали. Наевшись до отвала, стали бросать соломинки в ящик. Неожиданно, обнаружили, что соломинки состояли из чистого героина. Мы не знали, что это такое, да и не помню, где я проснулся на следующее утро». На следующий день отправились в небольшое плаванье на лодке, принадлежавшей Эндрю Ю. Лодка оказалась с течью и было подозрение, что Лед Зеппелин вот-вот пойдет ко дну. Грант приказал Коулу плыть за помощью, но Ричард огрызнулся: «Пошел на хуй, пиздюк».

В конце месяца они играли в Монтре (Швейцария). Выступали в очень маленьком зале на 1500 мест в клубе “Pavillion”. Обслуживал концерт импресарио по имени Клод Нобс. Концерт закончился “Whole Lotta Love” — набором мелодий, включавшим музыку Карла Перкинса и такими хитами Элвиса, как “Heartbreak Hotel”. Официальная девушка Джимми — нелюдимая Шарлотта Мартин, приехала на концерты в Монтре. Она прославилась тем, что появилась в ресторане провинциального швейцарского городка, увешанная таким количеством бриллиантов, которого было достаточно для экипировки принцессы.

Цеппелины отказывались отдыхать. 10 ноября они объявили, что будут играть на британских островах в течение декабря и января 1973 года. 120000 билетов продали за один день. “Melody Maker” цитирует Джимми Пейджа: «Когда я узнал, то покорился судьбе». Гастроли (самые крупные из всех на родине) начались в Ньюкасле 30 ноября. Отношение к шоу, а также к тогдашнему стилю Дэвида Боуи (Гарри Глиттера) дает Рой Холлингсворт,

писавший для “Melody Maker”: «Если вы хотите услышать настоящую рок-н-ролльную команду — отбросьте этих чертовски напомаженных глупцов и идите смотреть Лед Зеппелин». Гастроли начались в Шотландии (где Б.П. Фаллона у входа в зал избили билетные спекулянты) и на Уэльсе. В Кардиффе группа остановилась в старинном отеле “Angel”, который Бонзо окрестил мусорным ящиком. 20-го декабря в “Briton Dome” во время исполнения на-бис Цеппелины играли веселые рождественские песенки. Гастроли прервались через двое суток из-за праздников. Заключительные шоу состоялись в похожем на пещеру “Alexander Palace” и “Elly Pelly” в северной части Лондона на Максвелл Хилл. После второго концерта Роберт сделал рождественский подарок сразу всему обслуживающему персоналу группы — одну бутылку виски … на всех. Итак, Джимми Пейдж оказался не единственным «свинцовым кошельком» группы.

Часть Вторая

Лед Зеппелин! Эксцентричные тайные слухи! Сотни
Исключительных фотографий! Почему Джимми
Пейдж боится любви? Группи рассказывает, почему
Она ушла от Роберта Планта! Что превращает Лед
Зеппелин в величайшую хэви-металл группу! Лед
Зеппелин: они вышибут вам мозги! Проклятие
Алистера Кроули! Сенсационные новости о
Цеппелинах! Лед Зеппелин против поцелуя! Сотни
Редчайших фотографий великих рок-монстров!
Джимми Пейдж: убьет ли его черная магия?
Большие фотографии — в рамку! Обнаружена правда
О Лед Зеппелин! Преследуемые дьявольским
Проклятием! Останется ли песня неизменной?
Избавятся ли они от проклятья? Жизнь по-
Цеппелиновски! Уникально! История Лед
Зеппелин в словах и фотографиях! Аминь злу!
Выживут ли Лед Зеппелин?

— подзаголовки из любительских журналов 1973-75 годов

Глава седьмая: Звездный корабль

И если сделал выбор, подумай
насколько Хорошо …

«Роял Орлеанс».

В 1973 году Лед Зеппелин достигла вершины своего полета. В течение трех последующих лет группа будет находиться в зените славы, в апогее артистической и духовной мощи. Хотя Лед Зеппелин не выпустила пластинку в предыдущем году, ее предыдущие 4 альбома продавались отлично, а 18 % от общих продаж фирмы “Atlantic” приходились на долю группы в 1972 году. Через годы эта цифра вырастет почти до 30 %. Группа обладала огромной внутренней силой и уверенностью в себе. Созидательная энергия музыкантов фокусировалась исключительно на деятельности группы: они не тратили усилия на выпуск сольных альбомов, индивидуальные турне и смену состава. Появилось множество других хэви-металлических групп, но никто не сумел достигнуть неотразимой мистики Лед Зеппелин. Цеппелины так и оставались секретным обществом. Популярность не ограничивалась только рамками мира рока, она привлекала и отвергаемую властями публику: молодых ребят — преимущественно рабочих, ассоциировавших себя не только с музыкой Лед Зеппелин, но и с мифологической, мистической философией группы. Они стали заправилами в любом захолустном американском городке 70-х.

Но в 1973 году музыканты не желали, чтобы из них делали культ. Они хотели настоящей славы и известности, выходивших за рамки рок музыки. Ненависть музыкальной прессы, обвинившей Лед Зеппелин в жестокости и культурном фашизме, постоянно оправдывалась. Если уж Цеппелины стали величайшей группой мира, то частнособственнические инстинкты требовали, чтобы общественность знала это в полной мере. Попытки Б. П. Фаллона разрекламировать Лед Зеппелин имели мало успеха. И Питер Грант стал искать такого американского пресс-агента, который бы сумел продвинуть группу на первые страницы прессы.

Турне по Англии продолжалось в течение января 1973 года. 2-го января по пути в Шеффилд сломался «Бентли» и Бонзо с Робертом были вынуждены добираться автостопом. В результате Роберт простудился и несколько концертов отменили. 16-го января — дали эксцентричное шоу в Абериствите (соседнем с Брон-Е-О городе). Музыканты играли в “King’s Hall” перед 8

сотнями тихой и спокойной публики, которые никогда во время концерта не покидали своих кресел и лишь вежливо аплодировали сильно сокращенному шоу. Поездка завершилась в Шотландии в конце месяца. В феврале группа взяла тайм-аут перед мартовскими гастролями по Европе. В мае планировалось большое турне по США. Новый альбом вот-вот должен был выйти. Как известно, многие месяцы оказались потерянными из-за проблем с обложкой пластинки. Это был первый альбом Лед Зеппелин, имевший собственное имя — “Houses of the Holy”, хотя на нем и не было одноименной песни (она появится там лишь через 2 года). На конверте опять отсутствовало название группы. Там изображались голые светловолосые дети, ползущие вверх по склону каменистого холма неолитовой формации на Стаффине — острове в западной части Гибрид. На развороте был нарисован могучий голый человек в позе смирения и жертвенности, положивший руку на голову ребенка на фоне разрушенной крепости. Отсрочка выпуска вызвал процесс комбинирования цветов обложки. Поначалу фигурки детей выкрасили в фиолетовый цвет. После некоторой редакции, альбом появился в странном темно-оранжевом виде. Здесь же были отпечатаны тексты песен. Это делалось впервые за исключением случая со “Stairway To Heaven”. Некоторые фразы были неверно написаны или даже умышленно искажены. Это касалось, например, мировоззрения Роберта в песне “The Ocean”, которое на бумаге изменилось, не выражая вообще никаких чувств.

В марте Лед Зеппелин играла перед зрителями Дании, Норвегии, Швеции, Австрии и Германии. В Японии и Англии “The Song Remains The Same” была объявлена своим первоначальным именем “Campaign”. Она вызвала овации за сложное гитарное соло, мелодию и тонкий аромат мистики. По реакции публики на новые композиции музыканты поняли, что их альбом будет иметь большой успех. 26 марта Лед Зеппелин начала гастроли по 5 городам Франции. Концерты открывались в Лионе. Во время устанавки оборудования, Питер Грант к своему ужасу обнаружил, что импресарио позабыл обеспечить безопасность. Тогда Питер попросил Бено Готье — французского служащего “Atlantic”, знавшего группу с самого начала и путешествовавшего по Франции вместе с музыкантами, обеспечить безопасность Лед Зеппелин. В Германии толпы оказались очень агрессивными, а Питер ожидал еще больших беспорядков во Франции. Готье со сдержанным обожанием относился к крутизне и жесткости менеджера Лед Зеппелин, как и большинство работавших на Гранта. «В среде шоу-бизнеса он имел репутацию опасного разъебая. С ним было трудно — он мог обидеть словом и

действием. Но Питер никогда не создавал людям проблем, пока они не создавали их ему. Я наблюдал за его поведением много раз, когда он ломал вещи, избивал людей, но каждый раз Грант делал это лишь тогда, когда люди заслуживали таких действий. Он был профессионалом, джентльменом, всегда взвешивавшим свои поступки, прекрасно относившимся к людям, работавшими с ним, а особенно к тем, кто хоть как-то помогал Лед Зеппелин».

Первое шоу состоялось в лионском баскетбольном зале, рассчитанным на 12000 зрителей с 4-мя ярусами мест. Неприятность произошла еще до начала концерта, когда появилась большая толпа зрителей без билетов, требуя бесплатного входа. Это были (по выражению Готье) — «останки 1968 года», когда альянс французских студентов и рабочих чуть не привел к свержению правительства на волне демонстраций и забастовок. Грант и Готье наблюдали, как безбилетники избивали пожилых билетеров у входа. И Питер приказал роуди вмешаться. «Они не боялись драк», — говорит Готье. «Уж так было заведено у Питера. Если что-то происходило не по плану, то он становился бешеным. В таком состоянии Грант мог убить, ведь это был огромный и сильный мужик. Его слово и мнение имели большой вес». Неприятности начались сразу же после начала концерта. Сцена находилась как раз под балконными ярусами, и один юный балбес принялся швырять пустые винные бутылки прямо в музыкантов с самого высокого яруса. Осколки стекла летели через всю сцену. Готье поднялся наверх, поймал парня и отвел его за кулисы, крепко держа за длинные волосы. Роуди безжалостно отпиздили парнишку и вышвырнули его вон. А Питер Грант попросил Бено Готье обеспечивать безопасность группы до конца ее пребывания во Франции.

Готье указывает, что Цеппелины сильно отличались от участников других рок-групп, посещавших Францию. Музыканты были неразрывно связаны друг с другом. Своего рода братство Робина Гуда, где Джимми — Робин, Роберт — служанка Марианна, грубый Бонзо — маленький Джон, угрюмый Джон Пол — менестрель Алан А’ Дэйл. Питеру Гранту досталась роль распутного монаха Тука, а скрытный Коул занял место епископа Ноттингемского. Безумная и неуправляемая команда обслуги выступала в роли банды «веселых людей». Действительно, в облике Лед Зеппелин было что-то средневековое — вельветовые свободные одежды, обувь с загнутыми носками, меховые куртки, типично английские носы и длинные волнистые волосы.

После лионских концертов группа решила отправиться в Нант, и Бено Готье нанял парочку машин. Питер Грант ехал в большом «Вольво» с Робертом и Джимми, в то время как Готье

путешествовал в «Мерседесе» в компании с Бонзо и охранником Пэтси Коллинзом. (За два дня до прибытия в Лион, Пэтси сломал кому-то челюсть и прославился как наиболее жестокий из всех охранников, обслуживавших рок-группы. Он погибнет позже после суровых боев за Лед Зеппелин, работая на Deep Purple в шахте лифта в Джакарте.) По пути в Нант Питер Грант решил, что ему необходим «Мерседес» и во время остановки на отдых, он осуществил свое желание, арендовав автомобиль. Бонзо пожелал вести «Вольво» самостоятельно. «Удивляюсь, как мы только не погибли», — говорит Готье. Бонзо 5 или 10 минут ехал по встречной полосе, пытаясь обогнать каждую машину. Через час во время привала, Бено напоил Бонзо крепким красным вином и сам сел за руль. В Нанте процессия сразу отправилась в концертный зал проверить качество акустики. Но ворота заднего входа заклинило и стайки юнцов стали понемногу собираться вокруг машин музыкантов. Питер Грант смело направил «Мерседес» на ворота, протаранил их, начисто срезав крылья автомобиля. После первого же концерта испарился французский импресарио группы, оставив последнюю на волю судьбы. Бонзо решил, что ему не нравятся еда и питье, предлагаемые за кулисами. Поэтому, взяв в руки деревянный молоток, он начал лупить в свой симфонический гонг (диаметром в 38 дюймов), а после уничтожил 3 автоприцепа, используемых в качестве костюмерных за кулисами. Затем группа отправилась в свой небольшой отель, выглядевший как приют для бродяг. Роберт попытался найти немного молока для чая, но оно отсутствовало. Тогда выпустили на волю свору роуди, которые затопили 2 этажа из пожарных шлангов, снесли двери с петель, разбомбили туалеты и уничтожили мебель. «Работая» таким образом, рабочие превратили жизнь других обитателей гостиницы в ужас.

Бено Готье с Джимми и Робертом незаметно отправились на поиски съестного в единственный ночной ресторан Нанта. Через полчаса туда ввалились Бонзо и Коул со своими верными роуди. Все были пьяны до изумления и искали чего-нибудь пожрать. Бонзо набросился на Джимми с обвинениями в том, что тот его не подождал. В конце концов, он успокоился. Пьяный, Бонзо рычал как раненный разъяренный питбуль, поэтому Готье дал ему прозвище Ле Бет — Зверь (The Beast). Джимми и Роберт ухватились за прозвище. Конечно же Зверь! Кличка прочно приклеилась.

После ужина, Готье, Джимми и Роберт залезли в «Вольво» и приготовились к отъезду. Неожиданно в эту же машину забрался Бонзо с роуди. Готье пришлось вести машину с 16 людьми на борту, с торчавшими из окон руками, ногами и задницами.

Проезжая по пустынным улицам из машины доносились пьяные вопли и песни. Во время езды роуди принялись крушить машину. Они оторвали крышку багажника, вышибли все 4 двери. Набор инструментов, запасное колесо и домкрат — все полетело прямо на дорогу. Вдруг компания увидела, что за ними едут несколько полицейских машин. Готье испугался, ведь в машине он был единственным французом и в случае ареста — именно на него падает вся ответственность за учиненные беспорядки. Они неслись по улицам и вдоль аллей, пытаясь скрыться от преследователей. Музыканты и роуди истерично хохотали, кто-то ударил каблуком по щитку управления. Наконец «Вольво» остановилась, так как местная жандармерия ухитрилась блокировать машину. Компания попыталась удрать, но была окружена и отправлена в кутузку. «Не говорите им, что я француз», — умолял Готье шепотом.

Полиция уже побывала в разгромленном Цеппелинами отеле и поразилась размерами содеянного. Готье что-то объяснял, но был также отправлен в камеру. Такая же участь постигла и остальных. Лишь Ричард Коул не испугался французских копов: он заставил остальных орать песенки футбольных фанов. И полиция не выдержала, когда 16 пьяных англичан разразились кабацкими песнями и футбольными приветствиями. Полиция сломалась в 5 минут. Цеппелинов и их окружение освободили из-под стражи, препроводили в отель и заперли на ключ в своих номерах до утра. «Вольво», вернее то, что от нее осталось, вернули агентству на следующий день.

Перед важными парижскими концертами должны были состояться 2 шоу — в Марселе и Лилле. Но Питер Грант отменил их из-за исчезновения импресарио. Цеппелины имели несколько свободных дней на вино и женщин. В Париж решили отправиться поездом. Питер заплатил за билеты, достав деньги из громадного саквояжа, наполненного различными европейскими деньгами. Джимми опоздал на поезд, и роуди нажали на стоп-кран. Пока суть да дело — подоспел Джимми с опозданием в 20 минут. Узнав, что вагон-ресторан закрыт, Бонзо пришел в ярость. Его еле уговорили не крушить поезд.

В Париже Лед Зеппелин обосновалась в отеле Георга 5-го — одном из самых престижных отелей мира. Окруженные прекрасными гобеленами, старинной мебелью и собственным грязным бельем, группа жаждала развлечений. Бено Готье сказал, что обеспечит музыкантом чем угодно, кроме наркотиков. «Было очевидно, что некоторые из них употребляют наркотики», — говорит он, — «но делали это очень осторожно. Они никогда не просили «травку» или что-то типа этого, только дозволенные

вещи, в основном, девчонок. Проституция во Франции разрешена законом. Им была нужна хорошая выпивка и компания, да девочки. Питер Грант заявил: «Хочу, чтобы сегодня вечером все отдохнули как следует, можешь ли ты найти 6-х действительно хороших девчонок?»» И Бено позвонил мадам Клод — самой известной и дорогой сводне Парижа тех времен и возвратился со счетом к Питеру Гранту. «Знаешь, у мадам Клод все стоит очень дорого. Во всяком случае, тебе достанется девочка с руками и ногами за такую-то сумму». На другой вечер, в отеле было организовано секс-шоу. Ребята хотели, чтобы две телки занимались любовью на глазах у публики. Погасили большой свет, а девочек предупредили, чтобы все было натурально, будто никто и не наблюдает. Просто хорошее, здоровое развлечение.

Готье изучал характеры Цеппелинов и сделал довольно интересные наблюдения. Он отмечал, что Бонзо бывал двуликим в своем поведении. «Он мог быть отличным парнем и мерзавцем одновременно», — говорит Готье. «Бонзо мог плакать, рассказывая о своей семье. Иногда, роуди провоцировали его на подвиги — тогда он просто становился сумасшедшим. Мог бить бокалы и разливать напитки или переворачивать блюда с едой, если Джимми просил об этом. У Бонзо не было естественной защиты и каждый мог манипулировать им по своему усмотрению». Однажды, Бонзо предложил Бено большую порцию кокаина, и француз уже было согласился. Посмотрев внимательно, Готье понял, что это не кокаин, а героин. «Но ведь это героин!», — сказал Готье. Бонзо решил, что его собеседник смешон и принялся кататься по полу от смеха. «Он подумал, что просто смешно предлагать кокаин. А ведь героином можно запросто убить». На следующий день, Готье похвалил отличную майку Бонзо. Джон сразу же снял и отдал ее Бено.

Бено и Роберт отправились в магазин, чтобы купить шубу. «Роберт был прекрасным парнем», — говорит он. «Он никогда никому не делал вреда, обладал хорошими манерами и всегда улыбался … Всем своим видом он напоминал мне, что в группе есть 2 категории ребят. Одни — выходцы из недр музыкальной индустрии, которые вечно все планировали и всегда знали, что произойдет. Двое других, я их называл «парнями из сказки», провинциалы — Роберт и Джон.

Описание Готье Джона Пола Джонса удивительно, особенно, когда он касается замкнутости музыканта. «Хочется с ним быть ясным, умным и культурным. Это блестящий человек. Но мог быть злым и опасным. Сумел бы стать звездой самостоятельно, но ушел из компании звукозаписи. «Конечно, Джимми — заглавная фигура, он всегда контролировал себя. Когда однажды я увидел

его, готовившим кокаин, я был просто шокирован. Казалось, что Пейдж — человек другого сорта. Шок происходил не от того, что Джимми употреблял наркотики, а от того, что я открыл эту тайну. В первый раз я видел Джимми, потерявшего контроль над собой. «Именно тогда я стал думать, что самый мудрый человек в группе — Джон Пол Джонс. Почему? Его никогда не подловили в сомнительной ситуации. Никто не знал, где он останавливался. Он сам вел машину и был всегда независимым от группы. Питер и музыканты всегда говорили: «Где он, мать его!» Это расстраивало их, так как никто не мог им верховодить. Он никому не посылал проклятий. Джонс был самым вредным в группе. Он любил игры с использованием умственных способностей. Он мог предложить: «Что-то Джимми напрягся. Будет смешно, если кто-нибудь запустит в него щипцами». И конечно же Джон Боннэм, кинет щипцы в Джимми. Я считал, что он великолепен. Он мог выполнять любую работу и имел чувство юмора.»

Европейское турне завершилось двумя концертами в парижском “Palace de Sports” в начале апреля. Опять возникли проблемы с французскими импресарио. Их было двое: один имел лицензию на проведение шоу, а другой — деньги. Оба они спорили по поводу денег в зале. Грант не позволил группе оставлять отель до тех пор, пока у него находилась наличность. Когда Грант спорил с импресарио, Ричард Коул исследовал содержимое женской сумочки, которую он обнаружил в пустой костюмерной. Там находились суточные счета. Коул уложил их обратно и шепнул Гранту, что можно посылать за музыкантами.

… Двое американцев приехали во Францию. Они хотели увидеть второй парижский концерт. Одному было за пятьдесят — человек в хорошем костюме и галстуке, а другому — слегка за двадцать. У этого волосы были даже длиннее, чем у Цеппелинов. Этими людьми оказались новые пресс-агенты из Нью-Йорка.

Старшего мужчину звали Ли Солтерс — известнейший в мире шоу-бизнеса Америки пресс-агент, в числе клиентов которого был Фрэнк Синатра. Имя молодого человека — Дэнни Голдберг, которому было всего 23 года. Он работал в “Billboard” и писал статьи для “Rolling Stone”. Сейчас он изучал искусство пиара у Солтерса, работая на фирму последнего. Питер Грант и Солтерс недавно стали деловыми партнерами.

К предстоящим в мае 1973 года гастролям Лед Зеппелин по США (было запланировано 33 концерта), Грант расширил свою уникальную философию (музыканты забирают все), порвав связи со старым агентством — нью-йоркским “Premier Talent”. Занимаясь самопродюсированием, Лед Зеппелин совместно с калифорнийской фирмой “Concerts West” и импрессарио Джерри

Вентраубом (продюсировавшего всемогущего Элвиса), группа смогла бы заработать еще 10 % и даже больше дополнительно. Это был новейший очень наглый ход, поэтому скоро группа станет объектом ненависти посредников — агентов и импресарио, распоряжавшихся в концертной индустрии. Такая политика помешает Лед Зеппелин создать свой собственный лейбл в последствии.

По дороге в Париж, Солтерс спросил Дэнни о его отношении к Лед Зеппелин. Крутая ли это группа? Хорошая ли? Дэнни объяснил, что они очень популярны у своих поклонников, но сейчас им необходимо прихватить другую публику. Проблема заключается в отрицательном отношении прессы, которая считает музыкантов грубыми варварами. Даже "Rolling Stone", освещая деятельность группы, считал Лед Зеппелин грубой и безвкусной, виновной в еще большем грехе — воровстве и переработке блюзов других музыкантов. «Каковы же намерения?», — поинтересовался Солтерс. Дэнни предложил, что во время гастролей Лед Зеппелин сделает несколько пожертвований какому-нибудь местному американскому музею блюза на юге страны. Этим вечером в Париже Лед Зеппелин открыла концерт яростным "Rock-n-Roll" и "Palais des Sport" взорвался сверхгромким хард-роком. После первой же песни Солтерс наклонился к Дэнни и сказал: «Ты возьмешься за это». Исполнение более мягкого акустического сета произвело на Солтерса впечатление. Джимми Пейдж действительно был хорошим музыкантом.

На следующий день журналисты впервые встретились с Питером Грантом в отеле "Geages V". Солтерс, предпочитавший честный разговор с клиентами, объяснил, что у цеппелинов проблема с имиджем, а СМИ считают их за варваров. После представления группе Солтерса и Дэнни, Питер Грант обратился к первому: «Расскажите ребятам об имидже в Америке. Что это за слово? Что пресса думает о нас?» Солтерс попросил Дэнни Голдберга ответить на вопросы. Смущаясь, Дэнни ответил, что пресса считает их варварами. Музыканты рассмеялись, а Голдберг понял, что группа настроена благожелательно.

Роберт отвел молодого человека в сторону и сказал: «Слушай, ты должен понять, что находясь в Америке впервые, я был очень молод — мне только исполнилось 19 и я обезумел. Я встретил группи и ум зашел за разум. Я из захолустного мидлендского городка, а здесь эти девчонки с зовущими оголенными грудями». Конечно же, мы просто взбесились. Но те дни прошли. Мы стали взрослыми и превратились в удачливых бизнесменов. Я выкинул всю ерунду из своей головы». Дэнни отметил для себя малейшие штрихи разговора. Роберт объяснял: «Все чудовищно

преувеличено. Когда мы начинали в 60-х, действительно было безумие. Но мы не знаем человека, который может в чем-то упрекнуть нас».

Джон Боннэм был также активен на этой встрече. Он был трезв и поразил Дэнни своими детскими чертами характера. «Ты должен как-то связаться с людьми, которые ничего не знают о нас. Чем не идея?» И сам ответил на поставленный вопрос: «Слава богу, ты здесь. Мы крупнейшая и лучшая группа, но … никто не знает об этом. Что-то тут надо делать». Джон Пол Джонс сидел бесстрастно во время разговора, казался угрюмым и язвительным. Джимми тоже молчал, лишь однажды сказал несколько горьких слов о “Rolling Stone”. «Он был великолепен: ресницы и строгое лицо. Это такая звезда. Казалось, что от него исходил холод». Дэнни предложил музыкантам сделать взносы в музей блюза … Идея, похоже, пришлась по душе. Договорились, что Дэнни будет освещать 9-е американское турне Лед Зеппелин, которое должно начаться на следующий месяц в Атланте.

Американское турне 1973 года стало крупнейшей компанией Лед Зеппелин за всю историю. Оно охватывало 33 города и продолжалось с мая по июль с небольшим перерывом в середине. Только гастроли должны принести группе 4,5 миллионов долларов как минимум. В начале мая лондонская “Financial Times” высмеяла амбиции Питера Гранта, который собирался отхватить 30 миллионов в этом году. Был продуман и стиль проведения гастролей. Аэрофобия преследовала Джимми. Он заявил журналисту, что ему надо сильно напиться, чтобы войти в самолет. В прошлом, Грант нанимал небольшой частный самолет для коротких перелетов из города в город, но Джимми это не понравилось. На этот раз Грант арендовал “The Starship” — авиалайнер «Боинг 720», владельцем которого был продюсер телешоу “Monkees”. “The Starship” был переделан в роскошный самолет на 40 посадочных мест, напоминая своим интерьером отель Лас-Вегаса с большим баром, видео, плюшевыми креслами, спальнями с фальшивыми каминами и душевыми. Короче, все удобства налицо. Здесь находился даже настоящий камин. Аренда самолета стоила баснословно дорого, Лед Зеппелин не торговалась. Музыканты могли жить в одном городе, ежедневно отправляться на концерты в близлежащие города на самолете или машинах, а вечером возвращаться в знакомый отель, а не скакать из одного места в другое.

В группе произошли очень важные изменения. Подготовка концертов изменилась из-за клавишных инструментов Джонса, а “No Quarter” сопровождалась спецэффектами: использовали сухой лед для имитации клубящегося тумана. Ранее Лед Зеппелин

эффекты не использовала, только музыка и музыканты. Теперь же они наняли техасскую компанию “Showco” для обеспечения световых эффектов и световых шаров над сценой, огромных отражателей у барабанной установки, пушек и дымовых бомб для ошеломления публики в финале. Наняли целую бригаду из 30 человек для управления этим эффектным процессом и осуществлением контроля за звуком. В дополнение к сказанному, у каждого музыканта имелся собственный роуди. Рэй Томас работал на Джимми, настраивая различные гитары для каждой новой песни. Бенджи Лефевр координировал искусственные вокальные эффекты для Роберта. Брайан Конлифф, работавший еще для Yardbirds, теперь обслуживал Джона Пола Джонса. Роуди Мик Хинтон — добросердечный кокни, следил за барабанами Бонзо. В свое время он трудился у Джинджера Бейкера, а теперь служил Бонзо в качестве камердинера и конспиратора. Эти джентльмены отвечали также за размещение своего начальства в люксах отелей, они создавали уют, что и было указано в их договорах о найме. У Джимми всегда должны быть цветы и фрукты, бутылки с газированной водой и электрический чайник. Шторы должны быть опущены, а свечи зажжены. Обязательными атрибутами являлись холодное шампанское, прохладный апельсиновый сок и стереоприемник в спальне, настроенный на FM станцию, в каком бы городе и отеле Пейдж не находился. Роберту требовалось то же самое плюс запас чая “Earl Grey”, меда и лимонов. Бонзо нуждался в овчинном пледе. Джонсу было необходимо, по возможности, иметь в номере пианино.

В ближайшее окружение вошел и английский менестрель Рой Харпер, который открывал некоторые очень крупные концерты Лед Зеппелин. Харпер был опытным, самобытным гитаристом, поэтом, которому не давала покоя мысль о древних кельтах. Он исполнял свои песни тонким, пронзительным голосом. Роя обожали Джимми и Роберт, и постоянно находился поблизости. Джимми даже записался на двух фолк-альбомах Харпера "Life Mask” и “Stormcock”. В глазах Планта и Пейджа, Харпер олицетворял невинность, чувственность, страсть и идеализм — то, что они сами принесли в жертву Маммону — богу денег. Им казалось, что Рой — английский поэт-лирик, поэтому даже обычно невменяемый персонал обращался с ним крайне учтиво. «Лично я никогда не выходил из терпения, общаясь с Роем Харпером», — говорит Ричард Коул. «Чтоб мне ебнуться, если я знал, почему они его так любят. Мне Харпер казался чиреем на нашей общей жопе». Харпер постоянно многозначительно подмаргивал и цитировал Боба Дилана. Он считался тяжелым человеком у обслуживающего персонала группы.

Перед отъездом в Америку обсуждали проект фильма о гастролях группы. Документалисты отсняли кое-какой материал еще в 1970 году, но фильм так и не был выпущен. Музыканты познакомились с режиссером Джо Массо (знакомым Шарлотты — любовницы Джимми). Джо работал в компании “Zachariah”, занимавшейся созданием крутых фильмов о рок-музыке. Режиссер пожелал создать полнометражный фильм о гастролях Лед Зеппелин. Массо видел их триумфальное шоу в Бассе несколько лет назад и теперь предложил отснять что-то вроде документальной драмы с использованием кусков концертов с добавлением собственной фантазии. Но Грант отверг эту идею как чересчур дорогую. Да и не хватало времени на такие затеи. Очень скоро Питер изменит свое мнение.

Лед Зеппелин приземлилась в Майами за несколько дней до первого концерта в Атланте. “Houses of the Holy” потеснила пластинку Элвиса “Aloha from Hawaii via Satellite” и стала альбомом № 1 в Америке. Этот факт не помешал прессе с новой силой обрушиться на альбом. Журнал “Rolling Stone” назвал его «очередным допингом» и «косным полковником Блимпом». Вся остальные с готовностью продолжили осмеяние, выражая презрение таким образом. Дэнни Голдберг, прозванный музыкантами Золотистым Лютиком за длинные волосы, написал историю и напечатал ее в “Rolling Stone”. Красной строкой здесь было заявление Джимми — «мы находимся в долгу перед американскими блюз-музыкантами, которые вдохновили нашу музыку». Музей блюза был невелик и сразу клюнул, заявив о своей нужде, поддержав тем самым газетную кампанию Лед Зеппелин. Группа остановилась в майамском “Doral Hotel”. Там же проживала Мэгги Белл и Bee Gees. Претерпели изменения и одеяния Джимми. Теперь он одевался в черный костюм, украшенный полумесяцами и серебряными звездами. С тех пор, как среди клиентов Солтерса появился журнал “Playboy”, Дэнни Голдберг приехал узнать, не сможет ли он быть чем-нибудь полезным Лед Зеппелин. Однако пришлось признать, что из этой затеи вряд ли что-то выйдет. Музыканты, особенно Роберт и Бонзо нервничали и даже паниковали. Роберт заявил Дэнни, что такая огульная критика альбома разоряет группу. Более того, музыканты опасаются, что группа может развалиться. Но опасения оказались напрасными, когда 4-го мая состоялся первый концерт в Атланте на стадионе “Braves”. Было продано 49000 билетов, побив местный рекорд, установленный групой Three Dog’s Night. Из окон своих люксов музыканты могли видеть огромные массы тинейджеров, заполнявших постепенно стадион. Джонс высунулся в окно и закричал: «Давай ребята, несите нам

свои денежки!» Простодушный и доверчивый Плант обиделся, услышав такие слова. «Джонси!», — воскликнул он. «Как можно быть таким циничным! Ведь они наши люди!» Позже, уже во время концерта, Питер Грант отвел Дэнни Голдберга на верхний ярус стадиона и показал ему вид сверху. Ряды зрителей напоминали растревоженный муравейник. Затем, Грант указал на людей, стоявших в проходах и равнодушно взиравших на Лед Зеппелин. «Это», — сказал Грант, указывая на проезжавшие мимо машины, — «те самые люди, которых нужно завоевать».

Следующим вечером на концерте группы в Тампе (Флорида) присутствовало 56000 зрителей. Был побит рекорд Битлз 8-летней давности. За концерт получили 309000 долларов (Битлз, выступая перед 55000 зрителей на стадионе “Shea” в 1965 году, заработала 301000 долларов). Дэнни Голдберг моментально передал эту информацию по телеграфу. Весть была разнесена по американским газетам. На следующий день Голдбергу позвонил разгневанный Стив Вейс — адвокат из Нью-Йорка. «Где ты раздобыл эти сведения?» — жестко спросил он. Дэнни объяснил, что он просто помножил стоимость билета на количество присутствующих. Эти данные — единственное, что хоть немного имеет вес для прессы. «Лед Зеппелин никогда не публикует таких вещей», — парировал Вейс. «Никогда больше не публикуй сведений о финансовых успехах Зеппелин». Через несколько дней Питер Грант вызвал Дэнни в свой люкс. Дэнни ожидал, а Питер запихивал огромную порцию кокаина в гигантский нос. Затем, Грант заговорил: «Здорово, если бы пресса получила материалы о том, как Зеппелин уломала Атланту — крупнейшее событие со времен написания «Унесенных ветром». Дэнни уставился на Питера Гранта и пробормотал: «Да, кто-то должен об этом рассказать. Вы хотите, чтобы этим занялся я?» Грант бросил сердитый взгляд на молодого человека, будто он разговаривал с тупицей. «Нет, я не хочу сказать это. Я просто думаю, что об этом было бы неплохо заявить прессе». Неуверенный еще, был ли это момент решения или глубоко затаенного желания, Дэнни отбросил предосторожности и разослал информацию. Две ведущих нью-йоркских рок-журналистки — Лилиан Роксон и Лайза Робинсон, подхватили слова Гранта. Питер остался доволен. А когда Дэнни увидел Лед Зеппелин на обложке журнала “Atlanta Constitution” и узнал, что их приезд и концерты освещаются через телеграфное агентство, а информация передается в Нью-Йорк, то задрожал от гордости и восторга. Лишь британская пресса до сих пор сомневалась, но ведь именно она больше всех пинала и оскорбляла группу в прошлом. После появления хвалебной статьи в “Financial Times”, Роберт в восторге

схватил Дэнни за плечи и с чувством произнес: «Наконец-то, отец поверит в мою удачу. Сколько себя помню, он всегда читает эту газету. Он поймет, что я занимаюсь дельными вещами и хорошо, что я не стал безвестным бухгалтером». Когда лондонская “Daily Express” перепечатала стенограмму статистических выкладок Дэнни (пресса, в общем, и не знала, что именно писать об этих неотесанных музыкантах) под заголовком «Верь или не верь — они круче Битлз», судьба Дэнни-публициста была решена. По сути он был принят в тесный цеппелиновский круг. С тех пор, как журналист стал ходить на большинство концертов, группа пришла к выводу, что Дэнни верит в них. Он стал поверенным многих интимных подробностей. Бонзо, резвясь, хватал его за промежность и спрашивал: «Ну как дела, Голова?» Джимми подшучивал, а иногда и сам выходил на серьезный разговор. Даже Джонс говорил при нем о своих срывах. Первоначально Дэнни составило большого труда убедить журналистов даже прийти на концерт Лед Зеппелин. Наконец, он убедил Лайзу Робинсон — нью-йоркского корреспондента британской музыкальной газеты “Disc” посетить шоу (поначалу она даже боялась). Но музыканты были обаятельны, и Лайза написала статью с комплиментами группе в "Disc”, из которой друзья Цеппелинов и их семьи смогли узнать о завоевании Америки. Лайзу впечатлил концерт Лед Зеппелин и в Санкт-Петербурге. Информация немедленно отправилась в журналы “Hit Parader” и “Creem”. Журналистка захотела также получить кое-какую безобидную информацию о музыкантах: долгой монашеской жизни без семьи и жен. Конечно, это никого не могло одурачить и, особенно, жен музыкантов.

В первой части турне группе необходимо было дать концерты в 18 городах, поэтому музыканты от всей души полюбили комфорт и удобства “The Starship”. Больше не было нужды ожидать в аэропортах, отбиваясь от восторженных провинциалов. Теперь автомобили подкатывали прямо к ожидающему самолету в тихом месте аэропорта. К их услугам горячая пища, выпивка же лилась просто рекой. Постоянно подавали пиво. «Какой-то охуенный летающий дворец джинна», — говорит Коул. На обратном пути, Джон обычно играл на органе, а вся группа распевала старинные песни. В Новом Орлеане они остановились в знаменитом отеле “Royal Orleans”, заполненном эмоциональным франкоговорящим населением. Роберт сидел на площадке обсерватории, любуясь Миссисипи, одетый в узкие красные плавки. Вечером Ричард повел группу в бар гомосексуалистов. В баре один «голубой» подсел к Роберту и щедро его одарил, отдав серебряный и бирюзовый браслеты. Другой приклеился к Джонсу,

который взял его в отель, лишь в последствии осознав, что это был мужчина. Поздно ночью Питеру Гранту позвонил менеджер “Royal Orleans”, сообщив: «С мистером Джонсом и его другом все в порядке». Грант вызвал Ричарда Коула, приказав ему прояснить ситуацию. Коул отправился в номер Джонса и увидел, что дверь снята с петель. Джонс и его новый приятель(ница) по имени Стефания курили опиум, а накурившись — уснули. От уголька загорелась кровать. Пожарники, высадившие дверь, обнаружили Джонса и Стефанию без сознания, «с ЕЕ! членом, торчащим из ширинки». Коул доложил обо всем Гранту. Все долго и безжалостно дразнили Джонса за его «пассию».

«Ничего там не происходило», — говорит Коул о визите Лед Зеппелин в гей-клубы. «Просто хотелось побывать и там. Всем известно, что у геев более полноценная сексуальная жизнь, чем у простых людей. Они тебя не беспокоят и не надоедают. Они и не ведали ни хуя, кто такие Лед Зеппелин и у них в кабаках всегда хорошая музыка. Переезжая с место на место — одним дай то, другим — это. Когда группа дает концерт, музыканты выкладываются. Все участники истощаются. Хочется побыть одному. Я не хочу, чтобы приходили к Джимми, потому что потом мне надо выкидывать этих людей, или вежливо просить их уйти. А иногда они не желают уходить и я бью их мыском ботинка по челюсти … Ну … и кто-то их уносит».

После концерта в новоорлеанском “Municipal Auditorium”, группа отправилась в “Gateway” на пересечении улиц Бурбона и Ибервиля, чтобы повидать Фрэнки Форда. Роберт Плант, одетый в сверкающую серебристую рубашку, расстегнутой на груди, попросил Форда исполнить песню “Sea Cruise” — хит 50-х. Затем все отправились в клуб под названием “Deja Vu”, чей владелец попросил музыкантов приложить их ладони к свежей штукатурке. «Почему же ты не просишь приложить хуи?», — спросил Грант. Отпечаток ладони Роберта не удался. Из Нового Орлеана группа отправилась в другие города Юга — Джексонвилл, Тускалузу, Сент-Луис и Мобиль. Лайза Робинсон сообщала: «Не было никакого обмана — подыгрывания, пауз, антрактов, никаких вводных принудительных вступлений, обуви на платформе, шоу танцующих девчонок, звездных кораблей, бижутерии и прочего дерьма. Просто — четверка ребят и 2,5 часа непрерывной музыки …» Роберт объяснил свою философию Лайзе: «Мне нравится думать, что уходя, люди понимают, что мы напористы. Обычно мы делаем вещи, которые умеем делать … Всего выше мы ставим доброту. И это не власть, революция — поднимите ваши кулаки. Мне нравится, когда они уходят как после общения с хорошей телкой — удовлетворенные и опустошенные … Иногда я смотрю в

зал и мне хочется трахнуть весь первый ряд». Перед отъездом из нового Орлеана Ахмет Эстерган устроил банкет в студии “Jazz City”. В меню присутствовала и духовная пища. Развлекали Crescent City’s, в составе которой были такие мастера ритм-н-блюза как Эрни К. До, Профессор Лонгхэйр, Снукс Иглин и Вилли Ти. Выступали группы Meters, Olympic Brass Band и Wild Magnolias. Джон Пол Джонс играл на органе, а стриптизер изображал дикую любовь на столе. Из толпы Джимми и Роберт с благоговением наблюдали, как старшее поколение рок-н-ролла выдавало свою продукцию.

Гастрольный тур наконец-то добрался до любимой музыкантами Калифорнии, а репертуар и коллективная цеппелиновская импровизация становилась более страстной и дикой. Только Rock-n-Roll, открывавший концерт, исполнялся каждый день одинаково. Концерт теперь традиционно завершался вспышками тысяч огней и подсветок, которые выглядели как искрящаяся галактика перспектив группы. Шоу в Далласе и Форте Уорт завершились, и Джимми остался доволен, узнав, что троица богатых техасских группи наняла самолет и последовали за группой.

В Лос-Анжелесе Джимми порезав правую руку о забор в аэропорту. С 30 мая концерты отменили на несколько дней. Однако уже на следующий день 31 мая, концерт состоялся в «Форуме». Накануне пришлось весь день продержать опухшую руку в воде со льдом. «Добрый вечер», — сказал Роберт публике после обычной цеппелиновской бомбардировки. «Сегодня день рождения Бонзо. Я встретил его … я знаю его около 15 лет и он был ублюдком всю свою жизнь». Затем, группа стала исполнять “Misty Mountain Hop”, “The Song Remains The Same” и “The Rain Song”. Заслыша медленную секцию меллотрона беспокойные фанаты стали требовать буги. “Dazed and Confused” теперь продолжалась почти полчаса, включая даже элементы эксцентричного фанка. Сначала шла обычная гитара и тихая фолк-прелюдия перед исполнением Робертом “San-Francisco” («… будь уверен — она носит цветы в волосах …») перед обязательной игрой смычком на гитаре. К невообразимым трелям Джимми присоединяется Роберт со своими стонами оргазма — “Push! Push! Push!”. Бонзо убийственно лупил по своим барабанам. Но уже после “No Quarter” Роберт объявил о больном пальце Джимми и это почему-то вызвало аплодисменты. «А вот песня о вас», — сказал Роберт и музыканты приступили к глухой мелодии “The Ocean”. Затем Роберт исполнил в одиночку “Happy Birthday” в честь Бонзо. И наконец — “Whole Lotta Love” — только два припева и сразу … средняя секция, которая в тот вечер

представляла собой обработку мелодии Джеймса Брауна, переходившую в завывающую и хриплую тераминовую, грозную аранжировку. Неистово жестикулируя руками, темноволосый Пейдж всей своей позой напоминал демона, извлекая грозные, сиренообразные звуки из маленького черного ящика. После концерта группа отправилась отмечать день рождения Бонзо в “Laurel Canyon”, принадлежавший местной радиостанции. На вечере присутствовали Джордж Харрисон с женой. Харрисон внимательно наблюдал за концертом Лед Зеппелин в Южной Калифорнии. Однажды вечером он поинтересовался у роуди: «Кто выйдет первым?» Ему объяснили, что никакой вводной части не будет. Он спросил — будет ли антракт. И опять отрицательный ответ. «Ебена мать», — воскликнул Харрисон в удивлении. «Когда Битлз гастролировали, мы бывали на сцене всего 25 минут, а через 15 минут после шоу уже уезжали». Если приезжал кто-нибудь из Битлз, Цеппелины всегда испытывали трепет. Они были из того первого золотого поколения английских рок-героев, которые всегда стремились к не только к славе, но и должному почитанию.

Лишь Бонзо собрался разрезать огромный торт, как абсолютно пьяный Джордж Харрисон оторвал верхний слой торта, запустив им в барабанщика. Последний моментально превратился в «Зверя». Он схватил остатки торта и запустил им в Харрисона, который попытался увернуться. Но Бонзо сгреб в охапку Джорджа с женой и столкнул парочку в бассейн. За ними последовали остальные участники группы за исключением Гранта. Питер оказался слишком большим и сильным. Джимми вяло протестовал, говоря, что не умеет плавать. И ему позволили самому войти в воду: он был одет в великолепный белый костюм с эмблемой Zoso на лацканах.

В “Riot House” происходили обычные безумства. Цеппелины занимали весь 11-й этаж отеля. Расслабляясь, Ричард Коул катался с ревом по коридору на большом мотоцикле «Хонда». Во время перелета в Лос-Анджелес, Дэнни показал Джимми экземпляр журнала “Star”. «Пейдж чуть не сошел с ума», — говорит Дэнни. Он сказал: «Смотри! В Лос-Анджелесе появилось новое поколение группи! Ты знаешь их? И телефоны их имеются?» Оплотом Цеппелинов в городе являлся бар “Rainbow”. Здесь им предоставили охраняемое помещение и обращались как с членами королевской фамилии. Женщины знали, где их искать. Сюда могло прийти все окружение; посторонним же вход был воспрещен. Цеппелины могли напиться, могли всю ночь устраивать приемы или отправиться в люкс с кем пожелают. Единственная проблема заключалась в том, что девчонки могли

попасть в кадр, встревожив жен музыкантов.

Джимми заперся в люксе с Лори Мэддокс, которая теперь достигла 15-летнего возраста. Несколько раз Пейджу угрожали смертью и частная охрана постоянно торчала у дверей его люкса. Бонзо и компания цеппелиновских роуди искали случая осуществить ежегодный ритуал — погром гостиницы. Мебелировка люксов вылетала с балконов. К шайке придрался владелец «Линкольна» с открывающимся верхом, на который команда дружно выливала напитки и швыряла стаканы с 11-го этажа. Обозленные роуди выкинули с балкона стол, вдребезги разнеся машину. Прибыли телевизионщики. Любимым развлечением Лед Зеппелин стал взрывающийся на мостовой большой цветной телевизор. В прошлом году побоище происходило в отеле “Edge Water Inn” Сиэттла, когда Цеппелины выбросили свои телевизоры из окна прямо в море. Так как Питер Грант исправно оплачивал счета, то владелец отеля с легкой завистью признался, что сам бы не прочь проделать это. «Давай», — подначил Грант, достав еще один чек на 500 долларов. Менеджер поднялся наверх и выкинул с балкона большой “Motorola”.

Так было не всегда, несмотря на все легенды о не прекращавшихся дебошах. Дэнни Голдберг вспоминал: «Это уже прискучило музыкантам, которые просто устали. Они постоянно говорили о том, что дикие вечеринки надоели. Они чувствовали себя одинокими и опустошенными. И беспокоились о том, как выглядят на фотографиях и что жены сойдут с ума, увидев их.

2 июня Лед Зеппелин вылетела в Сан-Франциско, чтобы принять участие в шоу на “Kezar Stadium”, организованное Биллом Грэмом. Открыл шоу Рой Харпер, затем выступили The Tubes и Ли Майклз. Настала очередь Лед Зеппелин, но в этот момент музыканты находились еще на борту “The Starship”. Цеппелины прибыли в 3.30. Они играли так громко, что еще уцелевшие хиппи, находившиеся в полумиле от знаменитого “Panhandle”, могли отчетливо слышать музыку. В трех кварталах от места проведения концерта располагался медицинский центр калифорнийского университета, пациенты которого жаловались, что не могут уснуть. Лед Зеппелин играла до 6 вечера. Потом, они ушли за кулисы, где и наткнулись на обозленного Билла Грэма. Он был взбешен из-за перерыва в концерте. Питер Грант и Билл Грэм походили на Кинг Конга и Годзиллу. Оба были круты, и Грэм никак не мог поверить, что должен отвалить группе такую сумму. Споры продолжались весь вечер. В итоге, люди Грэма не пропустили цеппелиновского фотографа на сцену. В особо сложных ситуациях, Цеппелины обычно предпринимали мерзкие

выходки, провоцируя на них Бонзо. Сразу после концерта Бонзо вылил ведро ледяной воды на Билла Грэма, который, в общем-то, не был особенно шокирован. Все менеджеры относились к Грэму как к королю хиппи 60-х, но только не Питер Грант, который заявил: «Никто не заплатит деньги, если группа привела публику в уныние.» Спор как-то утих сам собой. Грэм не любил Лед Зеппелин, но он хорошо заработал на ней. Первая половина гастролей завершилась на следующий день в Лос-Анджелесе, где Цеппелины исполняли старые хиты Yardbirds — “I’m A Man” и песню Фредди Кинга “I’m Going Down”.

Группа разбрелась во время месячного перерыва в турне. Роберт приобрел овцеводческую ферму на побережье Уэльса, а Джимми — поместье “Tower House” в лондонском районе Кенсингтон у актера Ричарда Харриса. Пейдж заплатил за все 350000 фунтов, перебив цену Дэвида Боуи. Здание было построено эдвардианским архитектором и украшено великолепной лепниной. Каждая комната являлась отражением какой-то причуды — бабочки, море, астрология. У каждого проходящего по изысканным комнатам и залам возникало отчетливое чувство соприкосновения с эфемерным высшим пониманием. Джимми продолжал жить в Plumpton Place, но скоро новый дом станет главным прибежищем гитариста. Между тем врачи запретили ему касаться гитары в течение целого месяца до полного заживления руки.

6 июля группа опять встретилась в Чикаго для проведения второй части турне, хотя ситуация немного изменилась. Опять последовала угроза смерти в адрес Джимми от психически больного человека, который предупредил, что Пейджу надо беречься, а то его убьют во время гастролей. Джимми вычислил мужчину, которого поместили в психиатрическую больницу. Охрана продожала дежурить у дверей гитариста круглосуточно. «Лед Зеппелин стала мишенью для угроз», — говорит Дэнни Голдберг, — «и все из-за оккультизма и бешеного успеха. Гастроли 1973 года показали, что угрожали именно музыкантам Лед Зеппелин. События были приняты всерьез. Угрозы, однако, не прекращались».

Вернулся и Рой Харпер. «Джимми считал его великим мыслителем и прорицателем» (по словам Дэнни). «К Рою Харперу относились с большим почтением и содержали наравне с музыкантами группы. Но он начал идиотничать. Например, стоял рядом со сценой, держа в руках игрушечную черную резиновую гориллу, которой и потрясал во время выступления Цеппелинов, как будто игрушка являлась волшебным фетишем и приносила вдохновение группе». Так продолжалось на протяжении

нескольких концертов, пока роуди Роберта Бенджи Лефевр не сказал Дэнни: «Я не знаю, что там говорят, но этот парень мягко стелит, да жестко будет спать». Неожиданно мыльный пузырь лопнул. Обслуга относилась к Харперу исключительно плохо. Ричард Коул стал хватать поэта за шею, запихивая в машину исключительно предназначенную для надоевших и нежелательных гостей. Окружение группы пополнилось в лице Б.П. Фаллона и бригадой, работавшей над фильмом Джо Массо. Питер звонил режиссеру 3 раза, убедившись, что фильм может быть полезным для группы.

К моменту прибытия бригады киношников Лед Зеппелин разместилась в “Drake” — нью-йоркском отеле на Мадиссон Авеню. Каждый вечер группа со свитой залезала в лимузины и уезжала в аэропорт Ньюарк, где их ожидал The Starship, заправленный и готовый к вылету. В первый день съемок Лед Зеппелин позировала, расположившись на крыльях большого самолета на фоне гигантской надписи “Led Zeppelin” на фюзеляже, а киношники стрекотали и щелкали камерами. В Балтиморе все 25000 зрителей поднялись и зажгли свои зажигалки, приветствуя группу в момент ее выхода на сцену в знак почтения и преклонения перед очарованием и музыкальным единством. Джимми даже замер, наблюдая такое торжество. «Это был миг настоящего волшебства».

Через несколько дней група вылетела в Питтсбург. Дэнни Голдберг уговорил репортера “Playboy” поехать вместе с музыкантами. На борту “Starship” находились Ахмет Эстерган и штук 6 проституток в шелковых костюмах (девчонки были подружками роуди). Великолепное шампанское и очень холодное пиво лилось рекой. Питер Грант, натянувший на свое грузное тело гавайскую рубашку, грозно взирал на ребят из “Playboy” и мужчину из “Daily Express”, которого Дэнни также захватил с собой. Бонзо ругался с мужчиной — сотрудником “Playboy”, так как журнал не уделил должного внимания деятельности Лед Зеппелин. Роберт заигрывал с одной журналисткой. «Увижу тебя позже … без одежды», — сказал он. Автомобиль с музыкантами конвоировал эскорт полиции с включенными сиренами. Из аэропорта направились на стадион "Pirates". Сцена-платформа была установлена на высоте шести метров в центре поля для игры в бейсбол. Джимми одет в белый х/б костюм и черную майку, на плече висела красная “Gibson”, а губы надуты. Весь концерт он обстреливал публику буги, извлекая странные звуки из терамина, сходные с завыванием сирен марсианской полиции. Роберт был в своих обычных плотно обтягивающих тело джинсах, а открытая жилетка предлагала взору обнаженную грудь. Он расхаживал с

важным видом и постоянно прихорашивался, шевелил губами и выпячивал грудь, блестящую от пота. Он трясся и опускался на сцену, охорашивался в показушной позе и отбрасывал назад волосы, как некий хиппи Иисус. Густая июльская жара превратила концерт в баню. Лампы, установленные на сцене мигали всевозможными цветами — шафрановый, светло-вишневый, индиго, аквамарин и изумруд. В заключении “Whole Lotta Love” — старого испытанного боевика Лед Зеппелин выпустили двести белых голубей. За сценой Ричард Коул теснил журналиста “Playboy”, а затем вообще сбросил его со сцены. Когда шоу закончилось, а первые фаны направились к машинам, Лед Зеппелин уже была на борту “Starship”, отлетавшего в Нью-Йорк.

Время шло быстро и длинное, изнурительное турне близилось к своему завершению. В Бостоне цеппелиновские роуди схватились с группой наемников профсоюза водителей грузового транспорта, которая неожиданно появилась за сценой в парке и попыталась скинуть группу со сцены. Питер Грант и его армия прогнала молодчиков, предварительно разбив в кровь их физиономии. Гастроли закончились тремя концертами в нью-йоркском “Maddison Square Garden”. Отель “Drake” превратился в гнездо хаоса. Люкс Ричарда Коула был набит друзьями, выпрашивавшими билеты, журналистами, группи, продавцами редких гитар и всевозможными дилерами. Телефоны раскалялись добела с просьбами об интервью. Наконец-то средства массовой информации обратили внимание! “Rolling Stone” предложил большие публикации, если Пейдж и Плант дадут интервью, но дело не выгорело. Все предложения телевидения были также отклонены. Лед Зеппелин гордилась тем, что все это она отложила!

Роберт забрел в люкс Коула в поисках пива и билетов для своих бирмингемских друзей. Потом появился Пейдж — бледный, похожий на привидение, в черном вельветовом костюме. Он выглядел крайне истощенным. Раненая рука еще беспокоила, и требовались большие усилия воли, чтобы заставить себя играть на гитаре по 3 часа в день. Да и последние 2 недели были омрачены угрозами. 2 недели Джимми почти не спал, поддерживая себя допингом, выпивкой и гамбургерами. В день первого нью-йоркского концерта его автомобиль занесло на ворота зала, когда длинноволосый парень бросился на капот машины, закричав: «Джимми, Иисус рядом!» Полицейские схватили парня, и как следует отдубасили. Репортеру Джимми прошептал: «Мы все ужасно износились. Еще немного — и боюсь, что не смогу восстановить силы».

Между тем, бригада операторов собиралась продолжать

съемки. Они по каким-то причинам не смогли снять всю “Whole Lotta Love”, но никак не могли убедить Джона Пола Джонса одеть ту же самую майку всего на три дня.

В последнюю нью-йоркскую ночь Лед Зеппелин была ограблена на 200000 долларов. Приехав в отель “Drake”, Ричард Коул и адвокат Стив Вейс поместили точно не посчитанную сумму денег (там примерно было от 180 до 203 тысяч долларов). Группа всегда возила с собой большие суммы наличности «на случай, если нужно будет купить гитару посреди ночи». По окончании гастролей, на руках находилось даже больше денег, чтобы заплатить за самолет и бригаде, снимавшей фильм.

«Я отправился к сейфу в 2 или 3 часа ночи после одного из концертов», — говорит Ричард Коул, — «чтобы достать деньги для покупки гитары для Джимми. Деньги были на месте. Затем мы целый день спали. Потом, в день последнего концерта я опять пошел за деньгами, чтобы рассчитаться в Гардене (мы уже собирались сесть по машинам). Я открыл сейф, а там не было ни хуя. Денег не было, остались только паспорта. Я, бля, аж зарычал от злости».

Коул ничего не сказал музыкантам, которые уже подготовились к последнему концерту. Он отослал автомобили и позвонил Стиву Вейсу. Затем, отправился в комнаты музыкантов. Через 2 часа комнаты тщательно обыскивались представителями ФБР. Ричарду Коулу задали вопросы, сняли отпечатки пальцев и попросили его пройти детектор лжи, который ничего не определил, к всеобщему удивлению.

В “Maddison Square Garden” группа отправилась не имея не малейшего представления об ограблении. Нью-Йоркские концерты не могли принести много денег, так как большая их часть планировалась на оплату и проживание команды киношников. “Dazed and Confused” теперь продолжалась более получаса. Джимми опять использовал скрипичный смычок для воспроизведения странных посвистов и кибернетического предсмертного грохота, прежде, чем перейти к от туманных звуков к яркому джему “Route 66” с воплями Роберта (“Oh, suck it!), завершавшегося имитацией оргазма. Во время исполнения “No Quarter” за сценой царил какой-то испуг. Что-то здесь не так! Куда-то исчез вездесущий Коул, а Питер Грант что-то жарко доказывал Ахмету Эстергану. Во время соло Бонзо, когда тройка музыкантов покинула сцену, то им сообщили о грабеже. Казалось, что музыканты даже и не огорчились. Джимми Пейдж сказал позже: «Мы достигли такого уровня, что не заботились о мелочах».

На сцене играл Бонзо, выбивая свои сокрушительные ритмы,

ударяя по барабанам руками и создавая поразительные интонации с дробными педальными эффектами. Он исполнял небольшие блюзовые мелодии, лупил по тарелкам и большому 38 дюймовому симфоническому гонгу. За кулисами ему сообщили о грабеже: Бонзо рассвирепел и превратился в Зверя. По возвращении в отель музыкантов допросило ФБР. Ограбление оставалось загадкой. Официально Коул был оправдан, но все еще находился под подозрением. Либо у кого-то был дубликат ключа, либо деньги взял Коул. (А один рабочий гостиницы исчез после увольнения, но деньги так никогда и не нашлись). На следующее утро во многих газетах появились сообщения о происшествии и отель подвергся осаде прессой. Питер Грант сильно избил фотографа из “New York Post”, был арестован и обвинен в физическом насилии. Дэнни решил организовать пресс-конференцию, но никто из группы не пожелал в ней участвовать. Сильнее всех расстроился Бонзо — никто еще не видел его таким. «Если бы мы провели пресс-конференцию», — пробормотал он, — «у нас бы вообще не осталось выхода. Таким шагом мы бы показали свое беспокойство, а они бы решили, что мы беспокоимся только о деньгах. Если бы мы сказали, что не заботимся о деньгах, они бы подумали, что мы слишком богаты. Поэтому и не следовало говорить с прессой». Однако пресс-конференция все же состоялась, а Питер Грант ответил на вопросы журналистов. Ян Ходенфилд из “Post” поинтересовался — не была ли эта акция обыкновенным трюком. Казалось, Питер Грант был готов проглотить Ходенфилда. Задали вопрос — почему группа возила с собой так много наличных денег. Грант ответил, что нужно было платить арендную плату за самолет. Спросили и насчет страхования. Выяснилось, что никакой страховки не было. Ненавидят ли теперь Цеппелины Америку? Грант возразил: «Нет, мы обожаем Америку!» Лед Зеппелин возвратилась домой на следующий день. Когда семья Джимми увидела в каком плачевном состоянии находился гитарист — истощенный, невыспавшийся, похудевший, нервный — они попытались отправить его на отдых в санаторий. Джимми сказал журналисту, что годится лишь для психлечебницы или монастыря. «Я думал — какого черта я этим занимаюсь? Я был похож на бак с адреналином, где забыли закрыть кран. Во время концертов для такого множества людей слишком много энергии было потрачено. Я чувствовал себя закупоренным кипящим чайником. 5 суток безостановочных скачек. Не думаю, что такая гонка повлияла на качество игры. Я покидал сцену, чувствуя, что поток адреналина продолжает извергаться. И ничего не мог с этим поделать. Я понимал, что нужно отправиться куда-нибудь,

где находится палата, обитая войлоком и где можно немного отключиться и побуянить вволю. Я серьезно задумывался о таком шаге».

Музыканты опять разъехались по домам. В сентябре Роберта назвали певцом № 1 по опросу читателей “Melody Maker”. На следующий месяц киношники Джо Массо начали снимать музыкантов в домашней обстановке. Этот отснятый материал будет смонтирован с предыдущими кусками, сделанными во время гастролей для усиления символического эффекта группы. Джимми был снят, играющим на гитаре на берегах озера Лох-Несс в Болескине. Сделали многократную повторную съемку момента, когда Пейдж взбирается на вершину скалы. Там во время полнолуния, Джимми трансформируется в Старого Человека Горы, держа в руках фонарь Отшельника. Роберта сняли на его ферме в Уэльсе и в Raglan Castle, где он сыграл обычного кельтского героя мифов, с неестественным позированием и ухватками средневекового простолюдина. Роль Бонзо оказалась более прямолинейной. Сняли его ферму, быков — победителей выставок, солидную коллекцию автомобилей и поездки в паб на кружку-другую пива. Джонс был показан в домашней обстановке в родном Сассексе, читающим дочерям «Джек и Фасоль». Одетый как привидение, он играл на огромном органе, скакал на лошади по ночному Сассексу. Наконец Джонсу все надоело и он указал бригаде на дверь. Питер Грант и Ричард Коул представали в фильме в образе гангстеров 20-х годов, достающих пулеметы из родстера и обстреливающие дом. На изображение позднее наложат соответствующую музыку. Группа же сомневалась по поводу фильма. Финансирование этого проекта обошлось Гранту в фантастическую сумму. Он называл уже почти готовый фильм «плохой, чрезмерно дорогой любительской съемкой». В конце года Цеппелины просмотрели отдельные куски фильма и поняли, насколько посредственно, заурядно они выглядят, особенно в заключительной части концертов. И группа решила позабыть о фильме навсегда.

Джимми Пейдж между тем вернулся к работе. Начались репетиции нового альбома. Планировалось создать двойную пластинку с 6-ю или 7-ю новыми песнями на фоне вещей, произведенных еще в Bron-Yr-Aur. Помимо этого к Джимми приставал еще Кеннет Энгер, который упрашивал Пейджа дать несколько мелодий к фильму “Lucifer Rising”. Музыка создавалась медленно: появлялись холодные, звонкие, искусственные мелодии и заклинания, наложенные друг на друга. Джимми часто задавали вопросы о его отношении к оккультизму. Однажды его спросили — какое историческое лицо он бы хотел повстречать.

Он ответил, что хотел бы встретить Макиавелли, автора «Государя». «Это был гений зла», — сказал Пейдж. «… Но если вы изучаете, как и я сверхъестественное, то не сможете проигнорировать зло. У меня много книг, посвященных этому вопросу, я посещал спиритические сеансы. И хочу продолжить изучение данного вопроса.

Магия очень важна, если люди занимаются ею. Считаю, что Алистер Кроули злободневен и сегодня. Мы еще ищем правду: поиски продолжаются». Тогда же у Джимми спросили о его отношении к женщинам. Его ответ был достаточно откровенен: «Кроули был невысокого мнения о женщинах. Думаю, что он был прав».

Пейдж говорил и о смеси экзальтации и дурного предзнаменования. «Сейчас я знаю свою музыкальную направленность», — сказал он в конце 1973 года, — «и я воплощу ее в жизнь, так как являюсь кладезем великой силы». Продолжил Пейдж о том, что идет наперекор времени, и что чувства его замыкаются на самом себе. Относительно будущего группы Пейдж философски заметил: «Мы будем вместе до тех пор, пока один из нас не выйдет из игры».

Глава восьмая: Ангел со сломанным крылом

Техника ничего не значит. Я полагаюсь на эмоции.

Джимми Пейдж.

5-летний контракт Лед Зеппелин с “Atlantic Records” истек в конце 1973 года и его возобновление обошлось для фирмы значительно дороже. После целой ночи переговоров между Питером Грантом и Ахметом Эстерганом, обычно уравновешенный сын турецкого дипломата, вышел из комнаты, пошатываясь и бормоча: «Питер, ты меня разоришь». В январе 1974 года, эти двое организовали пресс конференцию в Лондоне с тем, чтобы назвать имя фирмы, получившей очередной контракт с группой. Большинство гигантов, например Rolling Stones, вели свои дела сумбурно. Но Питер Грант грамотно спланировал кампанию, постоянно подыскивая новые таланты. Бескрайние капиталы Лед Зеппелин уходили из бездонного кувшина с золотом, оседая где-то на американском среднем западе. Кто же еще выйдет из недр Лед Зеппелин? Мэгги Белл, выступавшая соло (конечно же под руководством Гранта), уже выпустила пластинку (в 2-х песнях записывался Джимми). Вперед выдвинулась новая группа Bad Company с Полом Роджерсом — отличным молодым вокалистом из группы Free, а также гитаристом Миком Ральфом из Mott the Hoople. Bad Company играла сжатый и емкий хард-рок. Грант был убежден, что они станут великими. Джимми и Роберт были рады продвижению Роя Харпера и Pretty Things, которая была одной из главных ритм-н-блюзовых групп начала 60-х годов (вместе со Stones и Yardbirds). Группа управлялась Филом Мэем, который изменил состав ее участников. Роберт очень радовался за Pretties. «Мы собираемся работать с людьми, которых отлично знаем и любим», — сказал Роберт. «Это шанс для людей, которых мы обожаем и которым хотим помочь … людям вроде Роя Харпера. Он великолепен и его пластинки еще не вышли в Штатах. Еще лишь предстоит открыть гениального человека, поджегшего беседку в “Blackpool Cricket Ground” … Рой не радуется приближению своей славы и известности». Харпер поставил столько странных предварительных условий, что так никогда и не стал суперзвездой.

В Нью-Йорке Дэнни Голдбергу позвонили с просьбой явиться к Питеру Гранту в Англию. Молодой публицист сел в самолет, а в

Хитроу его ожидала машина, которая и доставила журналиста в окруженное рвом поместье Гранта в Суррее. Дэнни пригласили в спальню, где в огромной кровати его ожидал Грант, одетый в длинную ночную рубашку и колпак. «Ты понравился Джимми», — сказал Питер: он любил шокировать людей. Далее он объявил, что новый статус группы требует присутствия «посла» в Америке и поинтересовался — заинтересован ли Дэнни в такой работе. Дэнни обещал подумать. Возвращаясь в Нью-Йорк молодой человек терзался сомнениями. «Я не знал что и предпринять», — говорит он. Вышло так. Друзья, вроде Лайзы Робинсон, сказали: «Конечно, работай. Ведь это крупнейшая группа в мире». Другие заметили, что трудно будет сработаться со Стивом Вейсом — адвокатом Цеппелинов. Но Голдберг принял предложение Гранта и был утвержден в качестве вице-президента компании Гранта — “Culderstead Ltd.”, расположенной на верхнем этаже Newsweek Tower на Маддисон Авеню Нью-Йорка. В Лондоне новый работник открыл магазин на Кингз Роуд в Челси.

Запись 6-го альбома Лед Зеппелин началась еще в ноябре 1973 года на передвижной студии, принадлежавшей Ронни Лэйну в Хэдли Грандж. (Ронни Лэйн — бас гитарист группы Faces). Но из-за болезни Джона Пола Джонса все сейшены были отложены до начала нового года. Джимми и Бонзо создали гитарные и барабанные партии в неясном восточном ключе. Песня буквально выросла из «сырого» соло на гитаре “Daneelectro”. Песня являлась третьей по счету в серии гармоничных гитарных соло. Первой была “Stairway To Heaven”, второй “The Song Remains The Same”. Сейшены возобновились в феврале 1974 года и опять при помощи студии Ронни Лэйна. С эпической странствующей лирикой Роберта («О, отец четырех ветров, наполни мои паруса …») и вариациями Пейджа — Бонзо, мелодия превратилась в “Kashmir”, дополненная дравидийскими гитарными прелестями. В качестве переходов использовался синтезированный арабский оркестр Джонса. Монументальная и мелодраматичная “Kashmir” стала следующим основным направлением тематики Лед Зеппелин. Но ее колдовство («Разреши мне взять тебя туда …») являлось только риторикой. Вразумительного ответа — кто и когда бывал в Кашмире — не последовало.

Лед Зеппелин была велика и новые песни рождались быстро, опираясь на обычные традиционные источники. “Custard Pie” — вторая попытка Лед Зеппелин переработать “Shake ‘Em Down” Бакки Уайта, с гитарой, имевшей саунд бензопилы в сочетании с арфой. Звук охватывал со всех сторон и был свежим, и пряным. "In My Time Of Dying” — старый спиричуал, несколько лет назад возрожденный к жизни Бобом Диланом. Джимми присовокупил

сюда причудливую, эктоплазменную партию гитары, прежде чем перейти к взрывному, тяжелому, ритмичному цеппелиновскому року. Мелодия заканчивается взываниями Роберта к Иисусу (аномальное явление у Лед Зеппелин). И, наконец, растворение в ироничной кашляющей балладе. “In the Light” опять же выглядит по-восточному, с гудением фисгармонии, овердаббингом гитары, на которой играют смычком и индийской шенаи. Тексты отражают духовные запросы группы, по завершении которых Джимми опять пускается в очередные гитарные соло. “Trampled Underfoot” — одна из наиболее значительных рок-композиций, начинающейся с мелодии Джонса и имеющей связь с “Superstition” Стиви Вандера. Как и “Terraplane Blues” Роберта Джонсона и “Maybelline” Чака Берри, песня описывала части тела женщины. Остальные песни — чистые вещи Лед Зеппелин. “Ten Years Gone” передает сожаления Роберта о потере своей первой подружки, которая настаивала на выборе между ней и музыкой. Прощание было грустным. “Sick Again” и “The Wanton Song” в основном опирались на “The Rover” и “The Crunge”, Обе они посвящались стайке вечно молодых девчонок-тинэйджеров, осаждавших Лед Зеппелин в Калифорнии и связана с историей о Лори Мэддокс. Новые 8 мелодий плюс 7 более старых записей, не попавших на предыдущие пластинки, были немного доработаны и расширены для сведения двойного альбома, о выходе которого Джимми мечтал много лет. Гитарное заключение “Bron-Yr-Aur” и мерцание моря в “Down by the Seaside” — обе датированы 70-м годом и изначально предназначены для “Led zeppelin III”. “Night Flight” (мелодия Rolling Stones) и джем под названием “Boogie with Stu” (Яна Стюарта) относятся к сейшенам 1971 года времен 4-го альбома без названия. Оставшиеся 3 композиции принадлежат старгровским сейшенам. “Houses of the Holy” хотели поставить во главе своего последнего альбома с одноименным названием. “Black Country Woman” была записана в саду и представляла собой ординарный простой джем, сравнимый с “The Rover” — упругий куском свинцового харда, поверх которого Роберт наложил декламации своего наиболее явного призыва к единству и дружбе: старые идеалы 60-х, теперь воплотившихся в так называемой “Me Decade” 70-х годов. И хотя эти 15 мелодий будут смонтированы к июню 1974 года, пройдет еще целый год, прежде чем двойной альбом Лед Зеппелин будет выпущен.

Во время сейшенов Джимми, Роберт и Бонзо приехали в Лондон, чтобы помочь Рою Харперу с концертом, посвященному Дню Святого Валентина и состоявшемуся в театре “Rainbow”. Роберт и Бонзо ехали на поезде из Бирмингема, напились и всю дорогу глупо хихикали, как школьники. В Лондоне Лед Зеппелин

обычно останавливалась в “Blakes Hotel” в южном Кенсингтоне, где Бонзо постоянно находился в маленьком баре гостиницы. На концерт Роберт появился в изящно наброшенной на плечи шкуре леопарда, с зачесанными назад волосами в форме утиного хвоста. Он был сразу же опознан большинством толпы. В Лондоне группа собралась, чтобы обсудить название их новой компании. Были предложены и сразу же отвергнуты умышленно грубые названия типа “Slut Records” и “Slag Records”. Предложили “Eclipse Records”, однако таковая уже существовала … Еще несколько вариантов не принесли каких-либо результатов. Первый альбом Мэгги Белл “Queen of the Night” вышел на фирме “Atlantic”, так как к тому времени Цеппелины так и не изобрели названия собственной фирмы. Наконец музыканты остановились на “Swan Song”. Изначально это имя носил 20-минутный акустический сет, записанный Джимми. Затем так собирались назвать новый альбом группы, пока не решили присвоить это имя новой фирме звукозаписи. Термин «лебединая песня» обычно относится к чему-то заключительному, итоговому. Имелись определенные сомнения, которые Джимми высказал Дэнни Голдбергу: «Говорят, что когда умирает лебедь, он поет свою самую прекрасную песнь. Многие могли подумать, что Лед Зеппелин умирающая команда, хотя пока и звучала отлично. Подозрительное название намекало и было пророческим».

Лед Зеппелин возлагала большие надежды на фирму. Познав постоянный успех, они полагали, что и студии гарантирована удача. «Мы не хотим тормозить развитие музыкантов», — сказал Джимми журналисту. «Мы хотели, чтобы находясь вместе, они самостоятельно руководили процессом, как это делают Pretty Things». Цеппелины были разочарованы, узнав, что пластинка Мэгги Белл не распродается так, как они того ожидали. В Америке Дэнни Голдберг от лица певицы затеял дорогостоящую газетную кампанию. Она получила хорошие отклики и была названа английской Дженнис Джоплин, но пластинки все равно продавались со скрипом.

В честь открытия “Swan Song Records” было решено организовать прием в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе в мае 1974 года. Хотели представить Bad Company, чей первый альбом вот-вот должен был выйти на лейбле, став первой официальной работой фирмы. Нью-Йорке одолевал и другими проблемами. В новейшем фильме «Привидение рая» (режиссер Брайан де Пальма) упоминалось о вымышленной компании звукозаписи “Swan Song”. Когда адвокат Лед Зеппелин работал над системой защиты торгового знака, он приобрел также и старое название “Swan Records”. Это давало право Лед Зеппелин использовать и

такое имя. Однажды, Стив Вейс и Питер Грант смотрели фильм и считали сколько раз нужно купировать название “Swan Song” из фильма. По сюжету рок звезда в фильме был поражен электрошоком прямо на сцене. Эвидев эпизод Питер не выдержал — недавно именно таким образом погиб Лес Харви из Stone The Crows. Питер заплакал. Он приказал Вейсу попросить де Пальма вырезать эпизод. Вейс мягко объяснил, что это практически невозможно.

В Англии музыканты чувствовали себя беспокойно, предвкушали встречи с поклонницами и вольную жизнь в Америке, где они отсутствовали целый год. Джимми уединился в Сассексе с Шарлоттой и их дочерью Скарлетт. Владелец Plumpton House скакал на лошадях. Теперь его конюшни служили убежищем для коз и кур, автомобилю “Range Rover” и редкому, выполненному в классическом стиле “Cord”. Джимми жил среди своих коллекций, вещей Кроули и архивов рок-н-ролла. В комнатах находились тысячи пластинок и записей. Здесь было почти полное собрание альбомов, входящих в каталог “Sun Records”. Между тем, ферма Роберта была переполнена детьми, родственниками и закадычными друзьями. Бонзо и Джон Пол Джонс также суетились со своими проблемами. Очевидно, что женам Цеппелинов не нравились вояжи их мужей по Америке. И когда они видели слово «Лос-Анджелес» на отпечатанной схеме гастролей, которые высылали музыкантам из офиса “Swan Song”, то очень нервничали. Они прекрасно знали, что именно дает музыкантам Лос-Анджелес — наркотики и молодых девчонок. Для будущего путешествия Дэнни было приказано изготовить фальшивые маршруты, которые Цеппелины собирались предъявить своим женам. На документах указывалось, что презентация “Swan Song” в Америке начнется в Денвере и Атланте. Это ужасно! Нам предстоит ехать в Денвер и Атланту по скучным делам и возвратиться через несколько дней! В Нью-Йорке Цеппелины остановились в отеле “St. Regis”. Вечером того же дня все отправились в “Club 82”. Лори Мэддокс прилетела из Лос-Анджелеса, чтобы встретить Джимми. Официальный завтрак по поводу открытия “Swan Song” состоялся в “Four Seasons” — отличном ресторане для деловых людей в восточной части Манхэттэна. Питер Грант предложил, чтобы лебеди плавали в маленьком бассейне ресторана, но Дэнни Голдберг обнаружил, что нью-йоркский поставщик животных уже привез … гусей. Увидев птиц, Грант повернулся к Дэнни: «Мы, блядь, все живем на фермах! Кого ты хочешь наебать? Убери гусей отсюда!» Были приглашены 200 человек, среди которых присутствовали журналисты, писатели, комментаторы и прочая братия. Они ели

пирожные, выполненные в форме лебедя. “New York Post” писала в те дни: «Музыканты вели себя скромно. Четверка сидела в углу; никто из них не сделал заявления». Пик наступил, когда Пол Роджерс — 25-летний певец группы Bad Company швырнул еду в Стива Росса — руководителя “Warner Communications” — материнской корпорации как “Atlantic”, так и “Swan Song”. Но Росс сделал вид, что не оскорбился. «Все было нормально, потому что Питер Грант находился поблизости», — говорит Дэнни Голдберг. «Грант понимал толк в рок-н-ролле и это гарантировало деньги».

После завтрака Бонзо напился. Вечером, он пробрался за кулисы театра “Uris Theater” на 54-й улице, где выступала Mott the Hoople. Бонзо желал сесть за ударную установку и играть, но ему приказали уматывать, так как еще ничего не было готово. Никакой английский роуди не посмел бы приказывать Бонзо. Естественно, что за сценой началась потасовка. Роуди Mott надавали Бонзо тумаков и вышвырнули его вон.

На следующий день Ян Ходенфилд из “New York Post” приехал в “St. Regis” за интервью у Джимми. Журналист ожидал в одном из люксов группы. «Обтрепанный пресс-агент, туда-сюда ходит адвокат, девчонки группируются тут же, фотограф хватается за свое оборудование, а роуди просто бесцельно шатаются. Из соседней комнаты появляется Питер Грант — 150 килограммовый менеджер Лед Зеппелин, имеющий черты сходства с Чингис-ханом.»

«Где ж, ебена мать, этот Дэнни Голдберг?», — проревел менеджер неожиданно замолкшему собранию. Ожидавший интервьюер, чтобы хоть как-то разрядить обстановку, проявил инициативу, сказав, что господин Голдберг отправился в другой люкс. «А ты что за хуй?», — поинтересовался менеджер величайшей рок-н-ролльной команды мира. «Почему бы тебе не съебаться отсюда?» Обнаружили Дэнни у дверей люкса Джимми. Он умолял музыканта выйти. Изнутри доносился глуповатый смех Лори. Наконец, Дэнни назвал пароль и дверь отворилась. Ходенфилд и Дэнни увидели Джимми, уплетавшего французское жаркое, а Лори восторженно следила за возлюбленным. «Интервью?», — пробормотал Джимми, — «какое интервью?» «Ты же обещал вчера», — ответил Дэнни. «М-м-м», — промычал Пейдж. «Но ведь я завтракаю». Ходенфилд продолжает: «Нет, подождите», — вздохнула звезда (ресницы четко контрастировали с бледностью щек). «Думаю, что сумею переговорить с Вами. Через некоторое время мне нужно заняться вещами и побриться. И я обещал фотографу, что он сделает несколько моих снимков. Но думаю, мы поговорим». «Он опрокидывает бутылку с кетчупом

над картофелем и при помощи большого и указательного пальцев отправляет ломтик в рот. Девушка продолжает с немым восторгом наблюдать за своим божеством. Пресс-агент молча ломает руки. «Звезда обаятельным жестом поправляет волосы и обмакивает ломтик картофеля в кетчуп. «Тишина как в церкви. «Интервьюер оставляет свои надежды и выходит на улицу, где тупо смотрит на водопроводный люк. А рядом текут толпы людей в лучах яркого солнца».

Лос-Анжелесе — место, где через несколько дней должна состояться презентация “Swan Song” в “Bel Air Hotel”. Лед Зеппелин разместилась в “Riot House”. Джимми Пейдж сменил надоевшую Лори Мэддокс на Бейбе Бьюэлл — 19-летнюю девушку. Здесь же произойдет встреча группы со своим главным вдохновителем — королем рок-н-ролла Элвисом Пресли. Встреча с Королем произошла в люксе отеля, находившегося неподалеку от «Форума», где он неожиданно остановился. Лед Зеппелин присутствовала на одном из его концертов, когда Элвис повернулся к своей группе, где играл один из ранних кумиров Джимми — гитарист Джеймс Бертон, и попросил музыкантов играть как можно лучше, так как в зале находятся Цеппелины. С тех пор, как Элвис поделил своего импрессарио Джерри Вентрауба с Лед Зеппелин, Пресли выяснил, что эта английская группа обошла его по продаже пластинок. И он заявил своему окружению: «Ну, я может и не Лед Зеппелин, но нос им утру». Музыкантов предупредили, что в присутствии Короля нельзя говорить о музыке. После того, как Цеппелинов представили и предложили напитки, Бонзо с Элвисом стали говорить об автомобилях. Через полчаса телохранители Элвиса намекнули, что пора уезжать. Во время отъезда Роберт воскликнул: «Элвис, ты мой кумир. Спасибо, что встретился с нами. Пресли откликнулся исполнением песни “Treat Me Like A Fool” («Относитесь ко мне как к дураку».) Роберт спел вторую строчку: «Считайте меня подлым и жестоким». И, наконец, оба пропели: «Но люби меня». Более всего Цеппелинам запомнилось то, что Элвис попросил ИХ!!! автографы. Он сделал это для своей дочери Лайзы-Мэри.

В “Riot House” царила удивительная атмосфера. Дюжины хорошеньких, оголенных и достигших половой зрелости кисок группировались в коридоре и фойе, бросаясь на каждого, так или иначе связанных с группой. Несмотря на службу безопасности, полдюжины девочек-тинэйджеров спали каждую ночь у дверей номера Джимми. В люксе у Пейджа стояли два холодильника, набитых холодным пивом. Один предназначался для хозяина и его гостей. Из другого он доставал банки, открывал их и поливал

пивом девчонок, дежуривших у двери. Лори Мэддокс являлась главной партнершей Джимми, но у него были и другие подружки. Например, Криси Вуд — жена Ронни Вуда из Stones, или Бейбе Бьюэлл — прекрасная фотомодель, жившая потом с Тоддом Рандгреном, который собирался продвинуть ее в «Плейбое». К Джимми она была готова приехать в любое время. Один фотокорреспондент из музыкального журнала однажды застал ее в постели с Джимми.

Однажды вечером, группа приоделась подобающим образом, чтобы сделать несколько монументальных снимков для обложки нового альбома. Лори, Криси Вуд и мисс Люси из GTO суетились, приводя в порядок Роберта, Бонзо и Джонса. Джимми уже красовался великолепной модельной прической. Джордж Харрисон ожидал музыкантов в люксе этажом ниже, чтобы отправиться вместе с ними пообедать. Цеппелины готовили Харрисону сюрприз. «Но они не знали», — вспоминает Лори, — «что с Харрисоном пришел Стиви Вандер и он также ожидал внизу. Музыканты притащились в люкс, щеголяя новыми прическами и одеяниями, а там сидит Стиви Вандер! Вы можете себе представить? Цеппелины во всем своем великолепии, а слепой Стиви подумал, что над ним подшучивают. Они чуть не умерли от смущения».

Перед самой презентацией “Swan Song” в “Riot House” приехала Бейбе Бьюэлл со своим сумчатым южноамериканским зверьком — носухой. Обслуга группы почему-то решила, что это был енот. Бейбе жила с Тоддом Рандгреном, но несколько раз встречалась с Джимми в компании актрисы Пэтти Дарбанвилль и была просто очарована музыкантом. И когда Джимми прислал ей билет на самолет в Лос-Анджелес, она схватила своего зверька и вылетела на Запад. «Тодд был либо в студии, либо в пути. Я любила его, но мне этого было недостаточно», — говорит она. Джимми принял красавицу со своей обычной галантностью. «Он был очаровательным демоном, и все мы искали такого рыцаря в сияющих доспехах», — говорила она. «Он отлично играл роль, только в отличие от лошади у него был самолет». В “Riot House” Джимми закрыл зверька Бейбе в туалете, поставив рядом корзинку с фруктами.

Презентация “Swan Song” состоялась в пышно убранном внутреннем саду отеля “Bel Air”. Цеппелины вручили Дэнни Голдбергу большой список голливудских знаменитостей, которых планировалось пригласить. Позвали только суперзнаменитых людей: Роберта Редфорда, Уоррен Битти, Глорию Свонсон, Бетт Дэйвис и Джейн Фонду. В конце списка стояли Грочо Маркс, актер Ллойд Бриджес и несколько английских рок-звезд, среди

которых Билл Уаймен из Stones и Брайан Ферри из Roxy Music. Бонзо попросил автограф у Ферри для своего сыны Джейсона. Как и обычно, музыканты забились в угол и как бы избегали общения. Слишком скромные, чтобы лично представиться Грочо Марксу, они послали к нему Дэнни за автографом. Грочо был больным и старым, но звезда его еще не закатилась. Боз Баррел из Bad Company также подошел к нему и получил автограф. Затем к нему пришла Мэгги Белл. Услышав ее резкое шотландское произношение, Маркс спел песенку “I Belong To Glasgow”.

На презентации присутствовали мисс Памела и другие девушки из прошлого и настоящего Джимми. Бейбе Бьюэлл занимала здесь центральное положение. Лори Мэддокс была в курсе дела. Она казалась растерянной, пришибленной, но оставалась такой же прекрасной. У нее пошла кровь из носа и белое платье было забрызгано алыми пятнами. Во время отъезда Джимми и Бейбе, Лори выпрыгнула из-за колонны и закричала: «Почему ты так поступаешь со мной? Почему ты не хочешь поговорить со мной? Как ты мог?» Джимми проигнорировал и быстро залез в машину. Позже, он сказал Бейбе, что Лори слишком молода и не умеет отделять фантазий от реальности. После встречи все отправились в “Rainbow”. У Джимми произошла публичная ссора с Бейбе, которая заявила ему о жестокости в обращении с бедной маленькой Лори. В баре, какой-то пьяный решил выпендриться перед своей подружкой и принялся переворачивать стол Цеппелинов. Обычно, в таком случае Ричард Коул уводил обидчика в сторону и избивал. На этот раз дал обнаглевшему пьянице хорошего пинка. Удар ноги пришелся по челюсти, которая сломалась, а зубы посыпались на стол к Цеппелинам.

На следующее утро Лори появилась в “Continental Riot House”, как и всегда, чтобы позавтракать с Джимми. Но у дверей лифта ее схватил за руку Ричард Коул. Один из малолетних соглядатаев сообщил ей минутой ранее: «Лори, Бейбе наверху у Джимми». А Коул заявил: «А Джимми только что ушел на Бульвар Голливуд, чтобы купить книг и просил тебя подождать у меня в люксе». Но Лори ответила: «Я не буду ждать у тебя, ведь у меня есть ключ от нашего номера». Но Коул оставался непреклонным, и Лори последовала за ним. После ухода Ричарда, Лори выскользнула из комнаты и отправилась к люксу Джимми. По ее словам, она застала Пейджа и Бейбе в кровати. Джимми взглянул на Лори и произнес: «Боже мой, не думал, что все так выйдет». «Меня как будто оглушили», — вспоминает Лори. «Это было ужасно». Она убежала. Спустя несколько часов девушка, окруженная толпой поклонниц гитариста, постучала в дверь

Джимми. Дверь открыла Бейбе, на которую сразу же напала Лори, схватив фаворитку за волосы, пытаясь вытащить ее из комнаты под одобрительные возгласы дежуривших рядом поклонниц, ненавидевших Бейбе за то, что та не была местной. Спокойно наблюдая за тем, как его две подружки пытаются выдрать друг у друга волосы, в душе Джимми был восхищен. Позже, он сказал, что зрелище было шумным, веселым и неповторимым.

Через пару недель в Англии “Melody Maker” поместил отчет об открытии фирмы “Swan Song” в Лос-Анжелесе и о происшествии в “Rainbow”. Рядом поместили фотографию Роберта и его сияющую молоденькую подругу. Журнал дошел до жен музыкантов. Что тут началось! В фальшивом маршруте указывалось, что презентация состоится в Денвере! Гневный Питер Грант вызвал Дэнни Голдберга и распорядился узнать — как такая информация просочилась в прессу. Пытаясь скрыть страх, Дэнни предложил следующее: если Зеппелины хотят остаться в тени, то им не следует появляться в таких салонах группи, как “Rainbow Bar” на Сансет Стрип.

Лето 1974 года прошло без особых событий, так как участники, в основном, отдыхали и лишь время от времени играли. Джон Пол Джонс принял участие в бесплатном концерте Роя Харпера в Гайд-парке, где первый играл на бас гитаре. Джо Массо выразили презрение за его проект фильма о Лед Зеппелин; его обвинили в хаотичном показе приоритетов группы. Помимо этого, он истратил слишком много денег на съемку во время гастролей. Величайшим грехом Массо стала неполная съемка “Whole Lotta Love”. При монтаже фильма Массо заменили австралийцем Питером Клифтоном. 14 сентября музыканты посетили концерт мастодонтов рока Crosby, Stills, Nash and Young, который состоялся на стадионе Уэмбли. Бонзо оделся в облачения английских сквайров. Джимми и Роберт все еще любили калифорнийский кантри-рок. Давая в этом году интервью, оба признавались в большой любви в Джони Митчелл и ее тогдашней пластинке “Court and Spark”. На вечере, состоявшемся после концерта, Джимми играл вместе во Стивеном Стиллзом и Грэмом Нэшем. Через неделю Пейдж улетел в Штаты, где выступал совместно с Bad Company в техасском городе Остин и Центральном Парке Нью-Йорка. Жесткий, спартанский хард-рок Bad Company с хитами типа “Can’t Get Enough” был встречен отлично, что и ожидалось. К концу сентября пластинка заняла 1-е место в американских чартсах. Довольно редко случалось, чтобы неизвестная группа вылезала на вершину, имея в запасе лишь дебютный альбом. И было неслыханно, чтобы такая акция происходила под крылом другой именитой рок-группы.

Волшебство Лед Зеппелин продолжалось. Джимми, Роберт и Бонзо прилетели в Лос-Анджелес, чтобы выступить в джеме с Bad Company. Все остановились в отеле “Beverly Hills Hilton”. По пути из отеля в «Форум» автомобиль Роберта оказался зажатым в пробке. Роберт опустил тонированное стекло и выглянул наружу. И моментально был узнан фанами, находившимся поблизости. Роберт стал бить себя в грудь кулаками и кричать: «Мои люди!!», пока более трезвые люди не затащили певца обратно в машину.

Дома в Сассексе, Джимми все больше и больше отдалялся от дел, лишь иногда испытывая желание поработать. Многочисленные связи с женщинами смущали музыканта. В это же время группа решила отправиться навестить друзей за границу в конце года. Британская налоговая полиция считала необходимым отнимать большую часть дохода у наиболее высокооплачиваемых поп-музыкантов. Другие рок-звезды типа Рода Стюарта и Стоунз жили за пределами страны — во Франции или Америке. И хотя музыканты были очень привязаны к семьям и домам, они решили окончательно разобраться с налогами в этом году.

Джимми вдруг сбежал с Крисси Вуд. Однажды Рон Вуд и его хорошенькая жена-блондинка приехали в Сассекс, чтобы навестить Джимми и Шарлотту. Джимми и миссис Вуд пошли прогуляться и исчезли. И они не вернулись. Через некоторое время Пейдж переехал в Tower House — свое кенсингтонское владение в Лондоне. Среди сюрреалистичных, поразительных вещей он был очень одинок. Бейбе приехала навестить его и преисполнилась благоговейного страха от самого вида дома и тематических комнат. Спальня была увешана картинами с изображениями бабочек, на окнах витражи опять же с бабочками. Рядом находилась комната, посвященная океану, а в ней — импозантные русалки, поддерживающие зеркало. В зеркале отражался камин. Зал астрологии имел все знаки зодиака, изображенные на потолке. В столовой — стойка с полками для закусок. Внизу Кен Энгер пытался завершить работу над фильмом “Lucifer Rising”, работая на дорогом немецком столе, купленным для фильма о Цеппелинах. Джимми предоставил Энгеру полуподвал, который режиссер назвал «дьявольским фантастическим бункером». Джимми преследовала навязчивая идея, что с обстановкой дома может что-либо случиться, поэтому Энгер был практически заперт у себя. Чтобы подняться наверх и выпить чашечку кофе, надо было сначала отключить сигнализацию. Джимми, работая в своей домашней студии в Пламптоне, завершил работу над 30-ю минутами музыки для фильма. «Я просил его об интимности и силе, ритмах и

контрритмах», — говорит Энгер. «А он выдал мне короткий фрагмент монотонного пения и звуков, достаточно болезненных и мрачных. Казалось, он не обращал внимания на мои просьбы, и все время выглядел отрешенным».

Ранее Джимми спонсировал книжный магазин Кенсингтона, занимавшийся продажей книг по астрологии и оккультным наукам. Пейдж самолично приносил в магазин товары на продажу: книги по магии и оккультизму. Их он привозил из различных концов света. Книжный магазин назывался “Equinox” в честь оккультного журнала, выпускаемого Алистером Кроули. После побега Пейджа с Крисси Вуд, Шарлотта зашла в магазин всего один раз. Крисси поселилась в Tower House. Однажды, когда Пейдж отсутствовал, сумасшедшая американская девчонка пробралась в дом, но сработала сигнализация. После ареста она объяснила полиции, что к ней явилось привидение Джимми Хендрикса и приказало ей приехать в Лондон, чтобы выйти замуж за Джимми Пейджа. Позже, рассказывая о происшествии Дэнни Голдбергу, Джимми выразил ужас от того, что могло бы произойти. Дэнни подумал, что гитарист беспокоился о Крисси Вуд, но оказалось, что это не так. «Что, если бы она порезала гобелены!», — заявил Джимми.

Тогда же Пейдж сделал несколько неофициальных записей с Кейтом Ричардсом и Роном Вудом в доме последнего “The Wick”, ранее принадлежавшему актеру Джону Миллсу. После побега с Крисси, Джимми думал и гадал о реакции Вуда, но его опасения улетучились, когда однажды ему позвонил Вуд и как ни в чем не бывало, поинтересовался: «Как там наша птичка?» Сейшен с Кейтом и Вуди произвела на свет песню “Scarlet” в честь дочери Джимми.

Первый блин “Swan Song” в Англии — альбом “Silk Torpedo” группы Pretty Things. Пластинка была представлена на богохульном празднике Хеллоуин 31-го октября в “Chislehurst Caves”. Голые женщины подчеркивали краской углубление своей пещеры и откидывались назад у алтаря. Стриптизерши, одетые под монахинь, сбрасывали черные сутаны, тряся обнаженной грудью. Глотатели огня и волшебники бродили в толпе. Все были вдребезги пьяны. Праздник закончился тем, что Бонзо и роуди измазали друг друга желатином.

“Silk Torpedo” был удачным альбомом, а Цеппелины предсказывали, что он (как и сама группа) будут пользоваться успехом. Казалось, инстинкты не подводили Питера Гранта. Он вынудил “Atlantic” выпустить сингл Bad Company “Can’t Get Enough” и песня сразу же заняла первое место в чартсах.

Лед Зеппелин покинула Англию, отправившись в так

называемую «налоговую ссылку» в начале 1975 года. Предполагалась отлучка на целый год с концертами в Америке, Австралии и, возможно, Южной Америке. Репетиции к такому небывалому турне начались еще в конце ноября 1974 года в театре на западе Лондона. Прошло почти 18 месяцев с тех пор, как группа в последний раз выступала перед зрителями. Утомившись от тягот любви, Джимми остался стоиком. «В 1974 году практически ничего не случилось», — подытожил он. «1975-й должен быть лучше».

Глава девятая: Ничья вина

Оставаясь спокойным в центре неподвижной культуры, он толкает ее к дальнейшему развитию. Если нам нужны герои, так уж пусть лучше будет Джимми Пейдж, чем политические фигляры, шуты или качки. Лучше уж скромные, нервные или металлические молодежные песни — песни, вдохновляющие поколение.

Тони Палмер. "The Observer".

Через 2 дня после 31-й годовщины «скромного, нервного металлического» юнца Цеппелины опять приступили к работе. Они дали несколько пробных концертов перед гигантским по масштабам турне, которое должно было начаться в Миннеаполисе 18 января 1975 года. Оно станет самой амбициозной кампанией музыкантов за всю историю Лед Зеппелин. Сорок шоу в 26 городах должны были принести прибыль свыше 5 миллионов долларов. За минувшие 2 года публика изголодалась по группе — ни выступлений по ТВ, ни концертов или новых альбомов. Билеты раскупались яростно и безумно. В Нью-Йорке была ограблена касса с билетами на Лонг-Айленд. В Вашингтоне фаны швыряли в полицию бутылками. Блюстители порядка лишь пытались упорядочить очередь за билетами. В Бостоне руководство "Boston Garden" пожалело тысячи подростков, собравшихся за билетами на морозе и разрешило им спать на неохраняемой арене, которую фаны подвергли разорению. Мэр Бостона отменил шоу на следующий день, что очень огорчило группу, так как Бостон являлся как бы парником Лед Зеппелин во времена головокружительных оргий в "Tea Party".

Несмотря на всякие проволочки, билеты на 700000 мест были распроданы за 1 день. Альбом "Physical Graffiti" был выпущен с опозданием в один год. Посчитали, что за этот 6-й по счету двойной альбом Лед Зеппелин (8 новых песен, сработанных в Хэдли Грандж и 7 старых композиций) можно было выручить 15 миллионов долларов. В чартсах журнала "Billboard" пластинка находилась на 3-м месте. Невероятно, но в начале 1975 года у Лед Зеппелин было 9 альбомов и все они находились в чартсах. Восторг от надвигавшегося визита Лед Зеппелин приподнял все 6

альбомов, а также три пластинки, выпущенных на “Swan Song” (Bad Company, The Pretty Things и Мэгги Белл), которые тоже занимали почетные места. 9 пластинок явились высшей точкой деловой карьеры Лед Зеппелин и беспрецедентной удачей. “Physical Graffiti”, возможно, самый тяжелый альбом из все произведенных ранее, занял первое место в Америке и оставался на этой строчке многие недели. Оформление обложки было запутанным: сдаваемый в аренду многоквартирный дом из коричневого кирпича, на окнах которого можно видеть различные произведения иконографии (книжные иллюстрации). Картины Филдса и Ли Харви Освальда соседствовали с фотографиями группы, сделанных как раз до прихода Стиви Вандера в упомянутом случае. Заказы на альбом были очень высоки. Один нью-йоркский магазин, например, продавал по 300 штук в час.

В нью-йоркском офисе “Swan Song”, находящимся на верхнем этаже здания “Newsweek”, царило обычное оживление. Дэнни Голдберг сидел на софе в углу своего кабинета, который он украсил плакатами с изображением голубого индийского бога Кришны. «Лютик» был переименован Робертом Плантом в «Говинду» в честь одного из многих перевоплощений голубого бога. Говинда разговаривал по телефону: «Вот что я тебе скажу, Макс. Я не могу дать тебе работу телохранителя Джимми Пейджа, так как ты относишься к той категории людей, от которых собственно и защищается Пейдж. Я не могу разговаривать … Очень занят. Буду занят около года, по крайней мере, 6 месяцев, позвони потом. Да благословит тебя бог. Пока». Обычная жизнь Дэнни Голдберга нарушалась сотнями телефонных звонков: большинство людей просили билеты, интервью с музыкантами, фотографии, то есть то, что было связано с самой крутой группой рок-н-ролла в мире. Материально-техническая база гастролей была просто сногсшибательной. “The Starship” был арендован снова, правда, за более высокую плату. 44 роуди заботились об аппаратуре общей мощностью в 310000 ватт, включающей 150 подсветок (3 криптоновые лазерные пушки), 5 осветительных вышек плюс стандартные взрывные устройства, дымовую аппаратуру и аппараты с сухим льдом. Система звука была компьютеризирована и оснащена новой системой задержки функций на 1 разряд, способной извергать потоки обратной связи, завывавшей как фурия и обеспечивавшей синхронные гармоничные эффекты для пения или игры.

Обычные несчастья и неудачи начались еще до отъезда из Англии. Выходя из поезда на вокзале Victoria Station, Джимми сильно прищемил палец дверью купе. Гастроли обещали быть слишком важными и серьезными для группы; отложить их могла

лишь смерть. И Пейдж решил применить трехпальцевую технику, а на период первых концертов вычеркнул из репертуара трудную “Dazed and Confused”. Возникли и другие осложнения. Роберт простудился, а у Бонзо возникли проблемы с желудком (непонятное стечение обстоятельств). По этим и другим причинам в турне взяли молодого врача. В свое время врач работал у Rolling Stones. С собой он прихватил два огромных саквояжа с медикаментами. Он был в состоянии лечить от огнестрельных ранений до депрессии и алкогольных отравлений. Музыканты со смехом сообщали друзьям, что врач дал им сексуальные стимуляторы (сообщив также, что он большой «сластена»): его привлекали многочисленные девчонки, тусовавшиеся в холле чикагского отеля “Ambassador” и других временных пристанищах Лед Зеппелин. Музыканты приземлились в Чикаго, неподготовленные к морозной погоде января американского среднего Запада. Роберт ступил на землю в рубашке и кожаном пиджаке; простуда вскоре перешла в грипп. В спешном порядке перед отъездом в Миннеаполис были приобретены шубы. Новый концерт опять начинался с Рок-н-ролла и новыми незнакомыми публике вещами с “Graffiti” — “Sick Again”, “Kashmir”, “Trampled Underfoot”, плюс старыми хитами Цеппелинов. “In My Time Of Dying” отличалась болезненным блюзовым характером и гитарой, шипевшей подобно разъяренной кобре. Здесь присутствовал длинный акустический сет и гиперкинетические взрывы. Сет завершался не “Whole Lotta Love”, которая теперь была лишь остаточной 8-ми тактовой прелюдией к “Stairway To Heaven”. К 1975 году “Stairway” заняла положение поп-гимна, а для фанов имела неземную, духовную окраску. Диск-жокеи с радиостанций FM сообщали, что песня пользуется неизменным успехом у домохозяек в дневное время, а вечерами у тинэйджеров. Часто радиостанции получали заявки на песню и во время похорон подростков. Песня Лед Зеппелин стала духовной дорогой многих людей. Спустя 10 лет после ее выпуска многие американские жокеи еще считали “Stairway” песней № 1 в рок музыке.

Лед Зеппелин вернулась в Чикаго и дала три мрачных концерта на чикагском стадионе. Палец гитариста работал лишь благодаря врачу Джеку Даниэлю. Роберт выходил на сцену с высокой температурой. Но, каким-то образом, трудности преодолели. Специальные эффекты, в особенности лазерные лучи толщиной с карандаш, сглаживали некоторые ошибки группы. Первые концерты включали “The Wanton Song” и “When The Levee Breaks” (в последствии, их заменили другие композиции). Конечно юнцы приходили не только для того, чтобы услышать

музыку, но и увидеть мистику живьем. Шелковые одеяния Джимми казались неистовыми с изображенными на них драконами, злобно алевшими маками, звездами, полумесяцами и эзотерическими символами — эмблемой “Zoso”, знаками скорпиона и 666 — библейским числом дьявола, которое сперва Кроули, а затем и Джимми Пейдж взяли в качестве личного знака отличия. Композиция “Moby Dick” — барабанное соло Бонзо скрепляло весь концерт воедино. Если космическая заумь Пейджа и призывы Роберта не работали, то на помощь приходил Бонзо, всегда получая продолжительные овации молодежи. Вне сцены он был чудовищем Гренделом, прятавшегося от посторонних глаз. На концертах Бонзо не делал ошибок, одетый в свои обычные одежды разнузданного терроризма — белый накрахмаленный костюм и черный котелок посетителей клуба “Clockwork Orange”. В Чикаго он пришел в ярость, узнав, что его номер находится под комнатой Карен Карпентер — звездой “Playboy”. Джимми выглядел подавленным из-за больного пальца; ему приходилось трудно во время игры на концертах. Плохо все и теперь он «пожинает плоды судьбы». Гитарист жаловался, что отвратительно переносит перелеты и у него выработались новые проблемы — клаустрофобия и головокружения. После концерта Ричард Коул доставил группу в отель на чай перед необходимыми визитами в местные дискоклубы. Каждый чувствовал себя больным или тоскующим по дому. И все же гастроли медленно набирали обороты.

В Чикаго Роберт и Джимми беседовали с Камероном Кроувом — молодым журналистом из “Rolling Stone”, который всегда отлично писал о группах, с которыми хоть когда-нибудь имел дело. Роберт с горечью говорил о надвигавшейся старости, об изменении ситуации в Лос-Анджелесе, где почти все старые коллеги либо разъехались или умерли от передозировок. Обвиненный журналистами в «невнятном детском лепете», Роберт выразил свое негодование: «Смысл нашей поездки — желание мира, равновесия и идиллии. Каждый мечтает об этом, как же можно по иному выразить свои чувства?» Джимми тоже отверг критику группы. Ему задали вопрос — как он представляет себя в 40 летнем возрасте. Джимми ответил, что и не думает дожить до такого возраста (еще раньше он не предполагал дотянуть и до 30-ти). «У меня есть такие опасения … но я не боюсь смерти», — сказал Пейдж. «Это самая большая загадка из всех. И так будет всегда. Это борьба со временем. Никто не знает, что может произойти». В итоге Пейдж заявил: «Я похож на ангела со сломанным крылом». Из Чикаго Лед Зеппелин вылетела на концерты в кливлендский “Coliseum” и “Arena” Индианаполиса.

Репетициями к гастролям по Америке послужили 2 концерта в Роттердаме и Брюсселе: музыканты играли, в основном, песни с “Graffiti”. Грипп Роберта достиг своего пика, а концерт 27 января в “St. Louis” отменили. Врач уложил Планта в постель и на 4 дня был взят тайм-аут. Остальные музыканты во главе с Питером Грантом отправились из холодного Чикаго в солнечный Лос-Анджелес на своем верном “Starship”. Группа платила за самолет, по крайней мере, 2500 долларов в сутки. Почему бы и не слетать в Калифорнию? Не повезло только Роберту. В самолете только Джонси сидел мрачный и подавленный, так как хотел побывать не в Лос-Анджелесе, а на теплых Багамах. Но огромное желание Джимми повидать своих подружек победило. Бонзо выпил целую бутылку шотландского виски и уже 2 часа, как он находился в одной из спален самолета. После пробуждения скверное настроение барабанщика не улучшилось. Незаметно появившись из ванной, одетым только в халат, он схватил хорошенькую стюардессу, которая в тот момент шла между рядами. Ничего не подозревавшая девушка сперва подумала, что над ней подшутили, но Бонзо принялся связывать ее ремнями безопасности и задрал платье. Объявив, что намерен трахать ее раком, Бонзо распахнул свой халат (ситуация походила на изнасилование). Перепуганная насмерть стюардесса принялась визжать. Из спален немедленно появились Питер Грант и Ричард Коул, оторвав Бонзо от девушки. Роль благородного успокоителя взял на себя мудрый Джимми Пейдж. Ему потребовалось 10 минут, чтобы поговорить с девушкой и полностью укрепить ее расходившиеся нервы.

На борту самолета присутствовали несколько журналистов, включая Криса Чарльзворта из “Melody Maker” и фотографа группы Нила Престона. Когда самолет пошел на посадку, в салоне появился Коул и объявил приказ: «Я не хочу, чтобы хоть одно ебаное слово о происшествии было напечатано. Понятно?». Коул пристально посмотрел на мужчин. Журналисты поняли. В Лос-Анджелесе все прямиком поехали в “Rainbow”. Большинство английских групп, приезжавших в Лос-Анджелес, были крайне предусмотрительными (за исключением Элтона Джона). Цеппелины же окружали себя самыми грубыми и отъявленными группи, будто те были духовными сестрами музыкантов. Порой, здесь происходили сумасшедшие сцены. Один пьяный приблизился к Цеппелинам и крикнул Джимми: «Ты ни хуя не умеешь играть на гитаре! Пошел к ебеней матери!» Джимми приподнялся, чтобы ударить обидчика, но был отстранен Грантом, который очень беспокоился о хрупких руках Пейджа. Пьяный продолжал выкрикивать оскорбления. Грант покраснел,

вышвырнул парня на улицу, где и надавал пиздюлей. Только Питер собрался добавить парню еще, как к гиганту подошла худенькая девушка и кротко спросила: «Мистер Грант, я могу попросить у Вас автограф?».

Ричард Коул славился тем, что очень быстро собирал группу после концерта, и музыканты немедленно уезжали. Но в данном случае, сотни фанов закупорили все выходы и Коул никак не мог вывести машины из пробки. Местные шоферы быстро стушевались при виде бегущих юнцов. Лопнуло лобовое стекло у «Кадиллака», затем — другое. Крыша машины, в которой находилась группа, начала прогибаться под тяжестью навалившихся фанов. Была видна лишь масса корчившихся лиц и тел. Фаны не собирались уходить и Питер Грант выкинул перепуганного шофера, заорав во все горло: «Я поведу!» За первой машиной находилась вторая, которой управлял роуди Deep Purple по имени Магнет — друг детства Роберта, исполнявшего заодно и функции шофера. Грант принялся таранить полицейскую машину, стоявшую поперек дороги. Коп приказал прекратить, а Питер завопил: «Если ты, бля, не освободишь дорогу, то я тя снесу к хуям!» Наконец, автомобили выбрались из затора, царившего вокруг концертного зала. Тут заметили, что за машинами Цеппелинов неотступно следует целый эскорт автомобилей со скоростью 80 километров в час и отдельные машины фанов стараются прижаться как можно ближе, чтобы заглянуть внутрь лимузинов. Наконец подъехали к “Starship”, мокрые и блестящие на свету прожекторов. Грант настолько успокоился, что даже сделал круг почета у мирно стоявшего самолета.

Следующая остановка была в Нью-Йорке. Лед Зеппелин осела в знаменитом, аристократическом отеле “Plaza”. Перед регистрацией Бонзо администрация потребовала сумму в 10000 долларов в качестве залога за возможные разрушения. Обычные пианино и стереоприемники поставили в люксах музыкантов. Бонзо потребовал бильярдный стол, чтобы иметь возможность попрактиковаться в снукере. Джимми жаловался на свой номер, похожий на искусственный Версаль. Роберт сделал несколько вылазок в индийский ресторан «Нирвана» в Central Park South, где напомнил официантам, что женат на индийской женщине.

Дэнни Голдберг организовал двустороннее интервью между Джимми и писателем Вильямом Берроузом. Пленка с записью беседы послужила материалом для статьи о Лед Зеппелин, опубликованной в журнале “Crawdaddy”. Конечно же Пейдж испытывал тревогу и опасения. Как и Кроули, Берроуз был местным выдающимся Люцифером, современным магом, легендарным наркоманом и актером, чьи интересы простирались

далеко за пределы литературы и музыки, живописи и кино. Берроуз присутствовал на первом концерте Лед Зеппелин в “Maddison Square Garden” и сидел в 13-м ряду, отказавшись от хлопчатобумажных затычек для ушей, хотя группа играла на полную громкость своего оборудования. В статье потрясенный Берроуз указывал, что зрители Лед Зеппелин были «рекой молодости и единым организмом — чистое послушное тело рабочего парня». Он сравнивал музыку Лед Зеппелин с трансовой музыкой короля марокканских музыкантов Джаджоукой, который играл громкие трубные вещи на рожках под ураганный бой барабанов. Марокканская музыка применялась для психологического воздействия. Так и публика Лед Зеппелин использовала музыку своих кумиров для астральных путешествий и духовного восстановления. На ужине Берроуз горячо убеждал Джимми побывать в Марокко. Писатель был поражен отрешенностью Пейджа … Берроуз продолжал болтовню об отрицательных и положительных эффектах ультразвука, известных случаях гибели людей на перуанских футбольных стадионах. Джимми был рассеян, говоря лишь свои обычные «Хм, да-а, не-а.»

В “Plaza” Джимми включил кинопроектор и показывал кадры из фильма “Lucifer Rising” друзьям, пытаясь получить как можно больше идей о музыке. Телевизор вышел из строя, так как капавший со свеч стеарин испортил его. Было организовано множество вечеринок, включая и специально устроенную для группы фирмой “Atlantic” в “Penn Plaza Club”. Вечернее шоу прошло нормально: группа звучала как того добивался Джимми. На концерте присутствовали кое-кто из Rolling Stones. Они также готовили турне в этом году. Мик Джаггер появился на одном из шоу в Maddison Square Garden и мог воочию наблюдать методы работы Питера Гранта. Рон Вуд представил группу фармацевтическому магнату, который любил устраивать вечера для британских рок-звезд. В качестве допинга предлагалось неограниченное количество разрешенного медицинского кокаина.

Одновременно Лед Зеппелин продолжала выступать в городах восточного побережья. Джимми и Питер обычно сваливали грязное белье в одной из спален “Starship”. Бонзо отдыхал или буйствовал по соседству, а Джонс был поглощен игрой в трик-трак. Роберт, слишком активный, чтобы сидеть на месте, шатался по самолету, разговаривая с корреспондентами Дэнни или смотря видеофильмы типа “Flash Gordon” и “Don’t Knock the Rock”. В итоге Бонзо вышел из-под контроля. Во время перелета в Детройт он напился и стал мрачным. Без видимой причины он сорвал очки с носа перепугавшегося регионального

менеджера “Atlantic Records”, сжав их так, что они хрустнули. После чего швырнул осколки стекол на ковер. Не сказав ни слова, Бонзо развернулся и ушел в хвостовую часть самолета. Музыканты, наблюдавшие эту сцену, подавленно молчали. Немедленно прислали Ричарда Коула на усмирение распоясавшегося пассажира. На каждом концерте происходили какие-то неприятности. Смертью угрожали теперь повсеместно. Поэтому двое вооруженных до зубов телохранителей (из бывших агентов ФБР) всегда находились с группой. В зале “Spectrum” в Филадельфии напротив сцены во время исполнения “Stairway To Heaven” разгорелась ожесточенная драка. Юнец подбежал к сцене, надеясь сфотографироваться на фоне музыкантов. Двое среднего возраста охранников набросились на него и принялись избивать парня кулаками. Джимми подошел к краю сцены и уже собирался огреть одного из извергов своей гитарой с двойным грифом, но вовремя сдержался. К счастью, гитару было практически невозможно снять без посторонней помощи. Подоспел Роберт, размахивая микрофонной стойкой, как клюшкой для гольфа. Жестокость была наказана сильным ударом стойки по голове. Концерт продолжался. Скоро, раненого охранника увидели за кулисами. Он на чем свет стоит ругал Планта, вызывая певца на поединок. Роберт настучал о происшествии Питеру Гранту, допивавшему третью бутылку “Blue Nun”. Создали бригаду немедленного реагирования из роуди, которые отловили обидчика и вышвырнули из его же здания.

Гастроли затем пронеслись над Кливлендом, Питтсбургом, Монреалем и Вашингтоном. Грипп Роберта прошел — он опять находился в форме. Концерты теперь продолжались по 2,5 часа. Волосы рассыпаются, кимоно развевается, открытая грудная клетка лоснится от пота. Роберт стал самим собой, неподдельным распутником, демонстрировавшим свой торс. Бонзо, как бык, всегда шел вперед в своей грубой и неуклюжей манере, разговаривая на очень трудном мидлендском диалекте, который так и прорывался через искусственную вежливость. Джонс продолжал находиться в тени, однако он и Бонзо пожаловались Дэнни Голдбергу, что не занимают должного места в группе. Их мнения и слова до сих пор оставались за рамками публичных интервью. Дэнни обратился к Джимми — тот перепасовал журналиста к светотехнику. Последний свою очередь заявил, что имеет строгие указания Джимми и что ни Бонзо ни Джонси не должны освещаться на сцене. Так началась внутренняя борьба за власть в группе. 10 февраля группа вылетела в Вашингтон на концерт в громадном «Capital Centre”. Джимми никогда не спал днем и всегда удивлялся, как музыканты могут отдыхать,

свернувшись калачиком в углу специально построенной сцены. Зал был неосвещен, усилители подключены и жужжали, публика развлекалась фейерверками и хлопушками. Казалось, что войска Сайгона захватили город. Джимми трясся как лист. Он не любил ожидать за кулисами начала концерта, предпочитая выскакивать из лимузина и через несколько секунд уже быть на сцене. Бонзо внимательно прислушивался к громоподобному шуму толпы. «Удивительно», — сказал Бонзо. И, наконец, все услышали: «Леди и джентльмены — Лед Зеппелин!»

После двух концертов в Нью-Йорке, группа объявила 10-дневный перерыв в гастролях. Джимми и Роберт отправились на Доминику, остальные разъехались по домам.

Через 2 недели гастроли возобновились. Все отдохнули, а Джимми с Робертом привезли из поездки россказни о том, как они ели желеобразные вареные фрукты, вызывавшие галлюцинации и абсолютно отказались от «травки». Теперь Лед Зеппелин путешествовала по Техасу и югу страны. Перед концертом в Остине на сцене была поставлена еще одна барабанная установка для Саймона Кирка — ударника Bad Company, вступавшего в дело во время бурного исполнения “Whole Lotta Love”. Как обычно, южные фаны Лед Зеппелин оказались самыми горячими. В “Baton Rouge” служба безопасности конфисковала у них 3 пистолета и 20 ножей. Удивительно, но Джон Боннэм вел себя вполне прилично. Еще в Техасе Ричард Коул приставил одного телохранителя приглядывать за Бонзо во избежание эксцессов. Джек Келли — бывший агент ФБР (в 60-х он шпионил за радикалами в Бостоне), неотступно следовал за Бонзо между концертами в Далласе. Однажды днем во время поездки по городу, Бонзо случайно увидел сверкающий автомобиль “Corvette” 1959 года выпуска, стоявший на улице. Страсть Бонзо к редким машинам была общеизвестна. «Джек», — сказал Бонзо Келли, — «я бы хотел, чтобы ты подождал у машины, пока не появится ее владелец. Скажи ему, что господин Боннэм предлагает ему выпить. А если он не согласится, подумай, можно ли его арестовать». В тот день Бонзо заплатил 18000 долларов наличными за автомобиль, хотя на обычном рынке мог купить то же самое и за 10000. Права барабанщика на вождение в Англии были аннулированы, поэтому ему не разрешили управлять и в Америке. Пришлось перегонять машину в Лос-Анджелес, где ее поместили в подземном гараже “Riot House”. А высокооплачиваемый адвокат группы провел целых два дня в офисе регистрации автомобилей, пытаясь выбить страховку и временные номера. Между тем, Бонзо часами сидел в машине с Миком Ральфом из Bad Company, пробуя двигатель.

Через две недели Боннэм приобрел восстановленную модель Т «Форд» и оба автомобиля были отправлены кораблем на Уостерширскую ферму “Old Hyde Farm”.

Лед Зеппелин поселилась на своем обычном этаже в “Riot House”, но обычных ожидаемых администрацией загулов не было. Напрасно девочки собирались в фойе гостиницы: им больше не разрешили подниматься наверх. Роберт даже и не жил в отеле — он уединился в “Malibu Canyon” со своей подружкой. Даже беспокойные цеппелиновские роуди стали вести себя потише. Старинная традиция Лед Зеппелин постепенно отмирала. Может, тому было причиной употребление героина во время турне. Некоторые из музыкантов — друзей Джимми предлагали ему героин. Однажды, когда Дэнни Голдберг находился в люксе Джимми, Игги Поп — рок-певец и протеже Дэвида Боуи, предложил Дэнни героин. Пейдж обиделся. «Джимми, он не выносит это», — сказал Пейдж (настоящее имя Игги Попа было Джимми Остерберг). «Как ты можешь предлагать героин такому! Успокойся». Ричард Коул подтверждает, что героин начинал потихоньку побеждать и доминировать в окружении Лед Зеппелин во время этой поездки.

В Лос-Анджелесе группа переутомилась после пары 4-х часовых марафонов в Техасе. Музыканты чувствовали себя подавленными, так как крупный концерт во Флориде был отменен: его организаторы не сумели встретиться и договориться с Питером Грантом. Цеппелины разочаровались, потому что только за это шоу им предлагалось 0,5 миллиона долларов. Джимми целыми днями торчал в люксе с опущенными шторами и зажженными свечами. Он дал несколько интервью, сидя за кофейным столиком, на котором в беспорядке лежали пружинные ножи. Во время разговора руки Пейджа беспокойно двигались. Телефонная трубка была снята.

Ричард Коул позвонил в “Dom Perignon” и пищу привезли на дом. Рядом стояла Крисси Вуд. Пластинки и записи валялись практически везде; в тот момент Пейдж прослушивал “Bunin” — альбом группы The Wailers. У дверей люкса круглосуточно дежурила вооруженная охрана: Пейдж вел замкнутую жизнь монаха. По ночам он почти не спал, держа в руках гитару. Он заявил репортеру: «музыкант ожидает вдохновения».

Роберт с энергией, бившей через край, был настроен тепло, по-дружески. По просьбе Дэнни Голдберга он приехал из “Malibu” и дал интервью. В Лос-Анжелес из Лондона и Нью-Йорка первым классом прилетела группа журналистов. Их встретили на автомобиле и отвезли в предназначенные апартаменты “Riot House”. Номера, так или иначе, примыкали к люксу Бонзо.

Главная задача Бонзо — не давать спать всю ночь журналистам, что он и делал, исправно заводя пластинку с записями барабанного соло Альфонса Моузона на полную громкость. Ослабевшие от бессонницы писатели были неожиданно удивлены, увидев вошедшего Роберта с Лори Мэддокс на руках. Лори, одетая в цветастые «птичьи» одежды, тоже стремилась поразить газетчиков в то время, как Плант пил чай с лимоном. Роберт представил девушку: «Она старая наша сожительница». Всегда очень деятельный, Плант обычно начинал интервью следующей фразой: «Вообще-то, я бросил употреблять кокаин сегодня утром». Он говорил о своей концепции Лед Зеппелин, объяснял связь группы с артурианской силой доброты и познаниями кельтов, разглагольствовал о собственных сверхъестественных ощущениях. Часто отмечал, что чувствует присутствие какой-то высшей силы, управляющей его рукой с карандашом. Однажды во время интервью он вышел на балкон, созерцая огни Голливуда, лежавшие внизу и сверкавшие подобно гигантской гирлянде. «Я золотой бог», — крикнул Роберт в темноту, хрустнул пальцами и поправил волосы. В комнате, журналист и фотограф недоуменно переглянулись. Для кого эта игра? Нормальный ли это парень?

Первый калифорнийский концерт состоялся в Сан-Диего. Ричард Коул решил лететь туда на самолете. Продолжительность полета — 20 минут, а на машине ехать несколько часов. В 5 часов вечера Цеппелины с подручными появились в фойе отеля и прошли мимо строя женщин и прихлебателей, надеявшихся на место в одном из 6-ти авто (Коул называл их «блядскими тачками»), стоявших у обочины. Из лифта вышел рассеянный Джимми Пейдж, и фаны кинулись к нему, крича: «Джимми, ты улетаешь от нас?» Джимми остановился и подумал секунду. «Вы хотите сказать, что я вихрь?», — спросил он.

Коул быстро разместил людей в автомобилях. Музыканты сели в царственный Mercedes Pullman 600 с 6-ю дверями и дымчатыми стеклами. Грант и адвокат залезли в «Линкольн» золотого цвета с баром. Доктора, журналистов и прихлебателей запихнули в черный «Кадиллак». По пути в аэропорт пришлось останавливаться 4 раза на заправочных станциях, так как Бонзо прохватил ужасный понос. Врач выглядел очень несчастным, так как Бонзо не выполнял его требований и постоянно раздражался. Положение врача во время гастролей вызывало сомнения. Коул ненавидел его и когда напивался, то хватал за шею как цыпленка. В последствии он обвинит Джимми в воровстве наркотических средств из саквояжа. Желудок и кишечник доставляли Бонзо много проблем: он стал путешествовать в причудливом туристическом автомобиле, оборудованном туалетом. “Starship”

вылетел из Лос-Анджелеса в разгар грозы. Летчик, необремененный инструкциями безопасности коммерческих перелетов, рассчитывал избежать попадания в эпицентр тучи. На борту самолета напитки проливались мимо из-за крутых виражей, а пассажиры в страхе вжимались в кресла. Во время короткого перелета между рядами показался Грант в светло-голубой рубашке «кимоно», скрывавшей необъятный живот. На голове менеджера красовалась фиолетовая пастушья шляпа с синим пером. (В другие дни он носил кепку из шкуры енота.) Пальцы были унизаны серебряными перстнями с бирюзой. Браслет с огромными каменьями бирюзы весил почти полкило. Он выглядел капитаном капера времен королевы Елизаветы, приехавшим для обновления капитанского свидетельства. Когда менеджер прошел мимо, Плант объявил журналистам, что Грант — последний настоящий разбойник. Среди журналистов находился Ник Кент — английский рок-писатель (прозванный музыкантами Ником Бентом (Кривым)), который должен был написать детальный обзор “Physical Graffiti” для “New Musical Express”. Чуть ранее на одной рок-тусовке Коул и Бонзо опрыснули Кента «кровавой Мэри» и он обиделся. «Твоя жизнь не стоит и мочи», — заорали ему оба пьяных Цеппелина. Джимми пригласил Кента в Сан-Диего, чтобы всех примирить. Но журналист продолжал подвергаться нападкам со стороны Бонзо и поэтому старался быть рядом с Джимми, Робертом и поставщиком кокаина, который усиленно угощал всех своим снадобьем, пытаясь одновременно продать Роберту «Шевроле» 1955 года выпуска. Другим журналистом был редактор “Circus” — нью-йоркского рок-журнала. Джимми пожелал переговорить с ним и пригласил издателя в свою машину. Случилось так, что “Circus” опубликовал тонкую брошюру под названием «Роберт Плант» и этот факт вызвал некоторую зависть Джимми.

Тряский полет в Сан-Диего и особенно посадка самолета вызвали беспокойство пассажиров, которые в тот момент слушали “Teddy Bear” Элвиса. Самолет встряхнуло, и Роберт спокойно заметил, что возможно Лед Зеппелин окончит дни свои под музыку Элвиса Пресли, ведь и начиналась-то группа именно с нее. «О, Боже мой!», — воскликнул Плант во время посадки. «Мы приземлились на супермаркет».

Но “Starship” остановился у края темного аэропорта и автомобили, ожидавшие у трапа, увезли группу на очередное буйство. Выезжая из ворот, Цеппелины увидели стайку фанатов, толпившихся у своих мокрых от дождя автомашин. Их лица искажены, а губы приоткрыты в немом приветствии. Музыканты всегда удивлялись фанам, готовых положить жизнь за своих

кумиров, ожидая часами под проливным дождем в надежде лишь секунду потрогать мокрую машину своих богов.

Костюмерная “Sports Arena” в Сан-Диего скорее напоминала сумасшедший дом. Музыканты переоделись в свои концертные костюмы среди гвардии роуди, доброжелателей, местных операторов и диск-жокеев, пытавшихся представить музыкантам своих детей. Роберт попросил чаю с медом, не обращая внимания на горы жареных цыплят, свежих фруктов и корзин с дарами фанатов, сваленных в углу. Перед выходом Цеппелины отправились в душ, чтобы хоть немного освежиться. Затем они открыли концерт традиционным рок-н-роллом. Зал буквально взорвался. Толпа немедленно вскочила с мест и подалась вперед как можно ближе к сцене. В разгар шоу девушки взобрались на плечи своих приятелей. Многие поклонницы срывали с себя топики, потрясая оголенною грудью, вызывая суету за сценой, так как все роуди были непрочь понаблюдать за этим. В конечном итоге, аполлонские намерения Цеппелинов превратились в грязную дионисийскую похабщину. Многие слабели в давке и падали в обморок. Люди предпочитали быть затоптанными ногами, чем находиться вдалеке от музыкантов. Поэтому все старались пробраться сквозь кордон охранников. Буйное поведение фанатов подхлестывало группу. Джимми приступил к исполнению “The Crunge” и размахивал терамином, как настоящий шаман. Роберт также был на высоте, и концерт превратился в подлинный шедевр. После того, как музыканты покинули сцену в последний раз, зажегся огромный неоновый стенд — Цеппелины как бы передавали свое духовное послание зрителям.

“Starship” вылетел на север в Ванкувер и Сиэттл, где менеджер “Edge Water Inn” сообщил Питеру Гранту о том, что делегация молодых методистов даже превзошла безобразия Цеппелинов. Методисты распороли ковровые дорожки в коридорах и выбросили их на пляж из окна. 3 концерта в «Форуме» были представлены Линдой Ловелас — актрисой, снявшейся в фильме “Deep Throat”. И снова Саймон Кирк из Bad Company играл на барабанах, добавляя изумительную ритмику к ритмам Бонзо, будто взятых из эпохи каменного века.

Джимми вспыхнул от удовольствия, будучи представленным Джони Митчелл в ресторане “Greenhouse”. Произошла короткая беседа, но Пейдж остался доволен встречей с одной из немногих своих кумиров. Роберт тоже воспользовался возможностью встретиться с Митчелл на вечеринке, поведав, что был слишком смущен, чтобы разговаривать.

Между тем Ричард Коул подружился с Джерри Шиллингом —

телохранителем Элвиса. Год назад, когда Цеппелины оставались дома, Коул подрабатывал тур-менеджером у Эрика Клэптона. В Мемфисе они встретились с Королем. Сейчас Коул решил повидаться с Элвисом снова. Пресли жил тогда в одном из своих поместий в Bel Air. На пороге дома их предупредили даже и не заговаривать о музыке с Королем. Аудиенция была рассчитана на 20 минут. Коул вошел в комнату Элвиса, держа в обеих руках по бутылке холодного “Dom Perignon”. Музыканты увидели Элвиса, небрежно развалившегося на кушетке. Ноги в мягких домашних тапочках. Король и его свита смотрели телевизор. Коул перед встречей немного выпил. «Ебеныть, что тут происходит?», — миролюбиво спросил он. Элвис не любил, когда посетители выеживались в его доме. «Парень», — сказал Король, — «что значат эти ругательства?» Но Коул принялся подшучивать над Элвисом. «Сидишь тут в своих ебаных шлепанцах, а хуев Чарли Ходж (секретарь Элвиса) крутит в руках задроченный карандаш. И вообще, что это за блядский тусман?»

Большего Элвис выдержать не мог. Он встал в позу каратиста и ударил Коула по запястью ногой. Коул также сделал несколько выпадов. Во время контакта, золотые часы Коула “Tiffany” упали на пол. Элвис поднял их. Он любил часы, поэтому немедленно одел их на руку. «Отлично», — сказал Король. «Ну и забери их на хуй», — сказал Коул. Элвис выбежал из комнаты и через минуту возвратился с другими часами. «Вот», — протянул их менеджеру. «Меняю, бля, на эти!» Часы были также золотыми, украшенные 32-мя бриллиантами. Затем, Пресли взглянул на Джонса и произнес: «А у тя чо есть? Давай сюда часы». Джонс вручил Королю свои «Микки Маус». Элвис опять исчез и вернулся с часами, на которых были 2 циферблата (для 2-х поясов времени). Они назывались “Baume and Mercier”. Корпус их выпонен из куска лазурита. Элвис никак не мог остановиться. «Что еще есть?», — спросил он. Коул снял с руки бразильское кольцо с аметистом. Элвис достал свое: «Носи это», — и бросил Коулу бриллиантовое двухкаратное кольцо с выгравированной на ней надписью — «С любовью, Линда». В конечном итоге, Коул и Джонс находились у Короля более трех часов. Он проводил их до автомашины прямо в пижаме и даже открыл дверь. Водители и слуги обомлели, увидев такую картину. Элвис, никогда не покидавший своего дома, самолично открыл дверцу машины своим гостям.

Завершив лос-анжелесские концерты в конце февраля, Лед Зеппелин осталась в Калифорнии. Группа находилась в «налоговой ссылке» из-за драконовых законов о налогообложении. Государство обирало удачливых музыкантов, требуя чуть ли не 95 % доходов от продажи пластинок в казну.

Поэтому Цеппелины и не поехали домой. Как и всегда, в Голливуде к ним стекались различные путешественники, чтобы просто потаращиться на музыкантов. Много позже Дэнни Голдберг скажет: «Марк Дэвид Чэпмен (который застрелил Джона Леннона) был парнем, который просто сделал это. Он воплотил в жизнь идеи жестких рок фанатов». Если посетители объявлялись в фойе “Riot House”, спрашивая о Лед Зеппелин, то их отсылали в люкс Дэнни. Однажды утром перед концертом в дверь постучала девушка с пепельно-серыми волосами. Нервный тик сильно портил ее лицо. Она сказала, что хочет повидать Джимми Пейджа, так как чувствует зло. Возможно, это зло восторжествует сегодня на “Long Beach Arena”. Она поклялась, что это уже однажды было, когда на ее глазах застрелили человека. Девушка явно была сумасшедшей. Дэнни убедил ее написать записку Джимми, после чего та неохотно ушла, убедившись, что переговорить с Пейджем не удастся. Записку сожгли непрочитанной. В “Long Beach” какие-то идиоты подобрались совсем близко к сцене, попав рулоном туалетной бумаги в голову Джимми Пейджа. Через неделю Дэнни увидел приходившую девушку в теленовостях. Она покушалась на жизнь Джеральда Форда — президента Соединенных Штатов. Ее звали Сквеки Фромм — любовница Чарльза Мэнсона.

Бонзо немного тронулся умом. Трезвый, он улыбался и бывал в прекрасном настроении … и превращался в ужасное чудовище после возлияний. А ведь напивался он каждый вечер. «Он был очень эмоциональным», — говорил Ричард Коул. «Его тянуло к жене и сыну. Он не желал покидать них, но это приходилось делать из-за проклятых налогов. Бонзо впал в состояние депрессии, а на любое замечание он немедленно лез в драку». Джон регулярно участвовал в потасовках в “Rainbow”. Здесь у него завелась подружка, которая иногда путешествовала с группой. Если же в заведении находились роуди, всегда готовые поддержать Боннэма, то схватки происходили неминуемо. В одиночестве Бонзо вел себя осторожнее и просто скромно напивался. Громкий и неуправляемый, Боннэм всегда смущал других музыкантов. Если планировали пойти на ужин в “Dar Mahreb”, то говорили: «Т-с-с, не говорите Бонзо». У Питера Гранта и Джимми Пейджа даже имелись секретные комнаты на других этажах отеля, где они спасались от пьяного и агрессивного Бонзо. Организовывали, к примеру, вечеринку у местной телки, и никак нельзя было отказаться, то говорили: «Не сообщайте Зверю».

В марте Цеппелинов пригласили на вечер в лос-анжелесский “Shrine” в честь Pretty Thing, чей новый альбом, выпущенный на “Swan Song”, упорно карабкался к вершине чартсов. Была и Bad

Company, чей первый альбом был распродан только в США тиражом в 1,5 миллиона экземпляров. Присутствовала и дюжина журналистов. The Pretty Things в третий раз была реанимирована Филом Мэем: новый состав включал 6-х музыкантов. Тем не менее, группа испытывала трудности. Клавишник утерял нить сочинительства, поэтому группа пока бездействовала. Роберт умолял их не распадаться.

На вечеринке Бонзо сидел рядом с баром, когда к нему приблизился Энди Макконелл — невысокий, аккуратно одетый репортер из британской музыкальной газеты “Sounds”. Джон Боннэм являлся одним из музыкальных героев писателя. Наконец Энди набрался смелости и подошел к Бонзо: «Мистер Боннэм, меня зовут Энди Макконелл, я представляю “Sounds”. Просто хотел сказать Вам, что Вы — величайший барабанщик в мире. Я всегда мечтал пожать Вашу руку». Бонзо повернулся, схватив репортера за лацкан пиджака, и закричал в лицо несчастного человека: «Я и так нахлебался говна от вас, пиздюков, в прессе!!!» Все вскочили, а ополоумевшего Бонзо с трудом оторвали от журналиста. Поздно ночью Дэнни Голдберг был разбужен громким стуком в дверь. Сначала, он подумал, что начался пожар. Потом понял, что у дверей мечется Бонзо, пытаясь выломать дверь. «Лютик, я знаю, ты у себя!», — во всю глотку орал барабанщик. «Я знаю — ты у себя! Хочу, чтобы ты позвонил этому ебаному маленькому старикашке из “Sounds”. Скажи, что я ему такое, бля, интервью устрою! Ха-ха-ха-ха! Я дам этому гнусному маленькому разъебе такое интервью, которое он никогда не забудет!»

Дэнни перепугался. Ведь Бонзо являлся одним из работодателей Голдберга. Он не сомкнул глаз, пока не услышал удалявшиеся шаги барабанщика. До сих пор Джон Боннэм не мог примириться с прессой. И мстил журналистам постоянно: вылил содержимое стакана на журналиста британской ежедневной газеты и заставил фотографа разгуливать без штанов в “Starship”. Потрясения и неурядицы окружили группу. Что-то происходило не так. И Ричард Коул почувствовал это. «Год, когда мы отправились в «налоговую ссылку» был началом конца группы», — говорит он. Даже Джимми сообщил Лайзе Робинсон, что чувствует, как слетаются стервятники. «Я бы хотел играть еще 20 лет. Но просто не представляю, как это может произойти. Не знаю, почему. Просто не могу объяснить это словами. Это инстинкт. Предвидение …»

В мае Лед Зеппелин приехала в Англию в первый раз за последние 2 года. По условиям налоговой ссылки, музыкантам было разрешено только несколько дней провести дома. Было

объявлено о 3-х предстоящих концертах в огромном зале “Earls Court Arena”. Билеты ушли так быстро, что добавили еще 2 концерта. Точно такое же шоу музыканты давали и в Штатах. Первая песня — “Rock and Roll”, затем — “Sick Again”. Джимми подключил старую гитару “Danelectro” для исполнения “In My Time Of Dying”, которую Плант с определенной долей сарказма посвятил Дэннису Хейли — британскому канцлеру казначейства (Министру финансов, отвечавшему за налоговую систему, выкинувшую Лед Зеппелин из страны). Для “The Song Remains The Same” и “The Rain Song” Джимми подключил свой вишневый Гибсон с двумя грифами. В перерывах Роберт пускался в разговоры с аудиторией. Представляя “Kashmir”, он сказал: «Однажды, мы репетировали новый альбом. Вдруг Бонзо предложил удивительный и неповторимый темп». Джон Пол Джонс играл длинное соло из “No Quarter”, а музыканты сидели у края сцены, ожидая акустического сета. Вся четверка слилась в гармонии “Tangerine”, композиции, которая почему-то никогда хорошо не выходила в Америке. Затем они играли “Going To California”, “That’s The Way” и “Bron-Yr-Aur Stomp”, посвященной собаке Роберта. “Trampled Underfoot” и “Moby Dick” шли дальше. После соло Бонзо Роберт воскликнул: «Джон Боннэм — владелец кож! Единственный человек, умеющий совмещать игру на барабанах и петь «Последний Вальс». «Джон — выходец из семьи циркачей … Боже, как может такая тяжелая группа быть такой глупой! Эта песня напоминает о нашем начале. Бонзо отказался присоединиться к нам, так как он уже получал 40 фунтов у Тима Роуза. Я послал 8 телеграмм в “Three Men In A Boat” в Уолсолл … Никто не верил в New Yardbirds». Бонзо прогудел из-за своих барабанов: «Ничего не изменилось!» И Роберт продолжил: «Никто не верил. Джон Пол Джонс только что закончил гастроли с Гретой Гарбо. Джимми Пейдж вышел из сортира. Мы отлично себя чувствуем в Англии … вы знаете, как здорово быть рядом с Дэннисом Хейли. У нас частное предприятие и больше артисты не вернутся в страну. Хейли должен быть проклят и осужден».

Лучи толщиной с карандаш исходили из лазерных установок, они пронизывали воздух во время смычковой секции, а Роберт пел отрывки из “Woodstock”. Потом, последовали “Stairway To Heaven”, “Whole Lotta Love” и “Black Dog”. Вот такой концерт могли видеть зрители на протяжении пяти вечеров. После пятого концерта в понедельник, группа закатила пышную вечеринку для старых друзей. Пришел Джефф Бек и оставался с музыкантами до четырех утра. Это было примирением. Лед Зеппелин вступила в новый этап своей эволюции. Критик журнала “Observer” Тони Палмер наслаждался Цеппелинами: «Больше нет такого театра,

таких красок, способных передать подходы музыкантов к свету и звуку. Только убийственный сплав талантов мог достичь этого. Если Битлз создали свою поп-музыку из бессодержательности среднего класса, людей среднего возраста, шишек бизнеса, то Лед Зеппелин выдвинули рок-н-ролл и поставили его в авангард достижений искусства 70-х годов». Касаясь “Stairway To Heaven” Палмер спрашивает: «Видели ли вы любую другую песню при первом аккорде которой вся 20-тысячная публика спонтанно встает не похлопать или порадоваться, а в знак признания события жизненно важного для каждого слушателя?» Конечно, были и противоположные мнения. Мик Голд — британский журналист комментировал: «… жестокие эмоции наиболее четко прослеживаются в их музыке. Здесь нет места непринужденности и радости, как у Stones или Faces. Нет отдыха. Лед Зеппелин разыгрывает спектакль, опираясь на динамику и ритм, которые они слабо контролируют. Концерты хорошо организованы, но удовлетворения не приходит. Это музыка тела, но так как нет мелодии, то нет и танцующих. Она нацелена на эмоции, а не на ноги. Ее главный эффект — ожесточение».

После концертов в “Earls Court” Роберт с семьей отправился на отдых в Марокко. Остальные Цеппелины уехали в ссылку в Монтре. Через три недели Джимми Пейдж улетел в Марракеш — древний, обнесенный красной стеной конечный пункт следования караванов, находящийся на краю Сахары в предгорьях Атласа. На большой торговой площади Джемма-Эль-Фна, они смотрели на людей, превращавших себя в козлов. Изначально хотели взять портативные магнитофоны, чтобы записать пронизывающие, острые берберийские ритмы, но мысль отпала сама собой. На автомобиле «Range Rover” Роберт и Джимми поехали на юго-восточное побережье Атлантического океана. Достигнув Атлантики, они повернули на юг в Эссаойру, Тарфайю и Тан-Тан, намереваясь проникнуть в испанскую Сахару. К сожалению, время поджимало. Король Марокко только что аннексировал огромную, богатую фосфатами территорию и вдоль границы поставил длинную цепочку местных жителей, вооруженных только красно-зелеными марокканскими флагами. Испанская армия ушла без огня и стрельбы, но марокканские войска и жандармерия установили жесткий контроль на дорогах. Через каждые пару миль Роберт и Джимми останавливались перед армейским шлагбаумом и смотрели на дула автоматов, нацеленных на них. Музыканты яростно размахивали паспортами и объясняли, что едут лишь на ближайший пляж. Через 20 миль вышеописанный сценарий повторялся. Чем ближе они подъезжали к границе, тем больше становилось шлагбаумов. Наконец, дорога оказалась

полностью перекрытой, и музыканты были вынуждены развернуться на 180 градусов. Переправились на пароме через Гибралтарский пролив, пересекли Испанию и Францию и, наконец, прибыли в Швейцарию, где находились остальные участники группы. Поездка освежила после упорной работы в Америке. Год «налоговой ссылки» шел неплохо.

В Монтре были намечены планы на будущее. Группа еще даст 30 концертов в Америке и впервые отправится на гастроли в Южную Америку. Обсудили возможность визита в Японию и Австралию. Роберт и Джимми хотели вернуться в Марокко, чтобы записаться в Атласских горах. Джимми также желал посетить в Каир и поработать совместно с египетскими музыкантами. Поговаривали о необходимости послушать музыку в Нью-Дели. Лед Зеппелин со своими неограниченными ресурсами и полной независимостью находилась в зените славы и совершенства. Любые мечты, как правило, воплощались в реальность.

И вдруг начались кошмары …

В июле после джаз-фестиваля в Монтре Джимми вернулся к семье — Шарлотте и дочери Скарлет. Семья Пейджа присоединилась к близким Роберта — Морин с двумя детьми. Они решили отправиться отдыхать на греческий остров Родос. Вместе с компанией была также сестра Морин с мужем. 3-го августа Джимми покинул Родос, чтобы посмотреть старый фермерский домик Алистера Кроули и аббатство в Сисили, которые были выставлены на продажу. Джимми планировал встретиться в Париже через несколько дней. 4-го августа за рулем арендованной автомашины находилась Морин Плант. Роберт сидел рядом с ней. Дочь Джимми и дети Роберта расположились на заднем сиденье. Неожиданно машину занесло на узкой дороге. Морин свернула в сторону и не смогла справиться с управлением. Машина обогнула пропасть и врезалась в дерево. Катастрофа была ужасной.

Роберт взглянул на свою находившуюся без сознания жену и решил, что она погибла. Удар пришелся по голове и в область таза. У Роберта оказалась сломанной лодыжка и локоть. Дети получили ушибы и ревели. Скарлет Пейдж отделалась легким испугом. Клиники поблизости не было и местному фермеру потребовалось несколько часов, чтобы доставить всех в больницу на грузовом прицепе. На следующий день в лондонском доме Ричарда Коула раздался звонок. Шарлотта Мартин рассказала ему о катастрофе. Морин Плант находилась в тяжелом состоянии и ей требовалась кровь. Такой редкой группы крови невозможно было достать на Родосе, а сестра женщины просто не могла дать необходимое количество. Шарлотта сказала, чтобы Ричард нанял

самолет, вылетел на Родос и забрал оттуда пострадавших. Если Морин не попадет в нормальную больницу, сказала Шарлотта, то она умрет. Коул повесил трубку и сел, обдумывая сложившееся положение. Он устал от криков и визгов Шарлотты, решив, что она преувеличивала. Питер Грант и Бонзо находились в «налоговой ссылке» вместе с семьями на юге Франции. Ричард сел на телефон и принялся обзванивать ведущих врачей и хирургов с Харли Стрит. Позвонил бухгалтеру “Swan Song”, чтобы добыть наличные деньги для частного авиарейса. Там ему сказали, что без разрешения Питера Гранта деньги получить невозможно. «Ебаные хуесосы!», — взвился Коул. «Погибают семьи музыкантов!» К счастью, один из хирургов лечил Роберта Маккалпина из “McCalpine Aviation”, который согласился предоставить самолет в долг. Коул вылетел на Родос с двумя врачами и свежей кровью для жены Роберта. Их встретил Фил Мэй из Pretty Things, у которого был собственный дом на Родосе, и пострадавших в аварии отправили в больницу. «Роберт говорил связно и последовательно», — вспоминал Коул, — «а его жена находилась в бессознательном состоянии; ноги и руки детей были в ушибах». Возникли и другие проблемы. Владелец арендованного автомобиля утверждал, что Морин была пьяной на момент аварии. За большие деньги пришлось нанять греческих адвокатов, чтобы уладить дело. Коулу требовались еще наличные деньги, и он позвонил Клоду Нобсу в Монтре. Одновременно Коул приказал летчику быть готовым к вылету, а сам отправился в больницу, чтобы избежать всяких осложнений с законом. Коул объявил сотрудникам больницы, что их пациентов немедленно забирают на самолет. В кармане Коула находился флакон с кровью, которую было необходимо перелить в организм Морин. В аэропорт добирались в грузовом вагоне, где все пострадавшие лежали вповалку. Оттуда вылетели в Рим, и, наконец, Коул доставил всех в Англию. Прогнозы оказались самыми мрачными. Тяжело раненая Морин Плант проведет недели на больничной койке. Роберт скажет потом: «Если бы нам не хватило денег на перелет в хорошую английскую больницу, уверен, что моя жена не выжила бы». Самому Роберту объявили, что он не будет ходить, по крайней мере, полгода.

Возникли и другие нюансы. Согласно условиям «налоговой ссылки», Роберту дозволялось находиться в Англии только несколько дней в году, а ведь он уже использовал свое время. Задержка на родине сверх установленного времени могла вызвать наложение крупных штрафных санкций. И Ричард позвонил в “British Airways”, организовав отправку Роберта на остров Джерси, находящегося в проливе Ла-Манш. На машине скорой

помощи Роберта доставили в аэропорт, с ног до головы облепили пластырем, чтобы никто не смог узнать певца. Ричард прошел вперед, за ним последовал роуди певца Бенджи Лефевр, который будет целых 6 месяцев возить Планта в инвалидной коляске. На Джерси уже ждала машина скорой помощи, которая отвезла Роберта в дом его друга. Именно здесь он будет отбывать свою ссылку. «Мы отправили его всего за несколько часов до окончания срока пребывания в стране», — говорит Коул, — «оказали ему медицинскую помощь, а также спасли его миллионы».

Остальные Цеппелины приехали повидать Роберта на Джерси: их лица были мрачны. Естественно, что столь выгодные гастроли по Америке были отменены, также как поездки по Южной Америке и Азии на неопределенный срок. Миллионы долларов оказались потерянными безвозвратно. Решили восстановить фильм-концерт двухгодичной давности, пригласив нового режиссера и записать новый альбом как можно скорее. Все согласились встретиться в сентябре в Калифорнии и приступить к репетициям. В начале месяца Роберт и Джимми вылетели из Джерси в Лос-Анджелес на самолете немецкой компании «Люфтганза». Сначала они поселились в “Riot House”, но отель уже прискучил музыкантам, поэтому сняли курортные домики в Малибу. Роберт приступил к написанию текстов и восстановлению здоровья. Неожиданно пришла телеграмма от Элвиса.

Своим друзьям Роберт говорил о лживости слухов, циркулировавших в лондонской прессе. Газетчики говорили о том, что увлечения Джимми черной магией отдалило от него семью. Плант ковылял по пляжу или смотрел на звезд кино, гулявших около его дома. Он стал необычайно суеверным человеком и поверил в то, что отрицательное отношение к музыке Лед Зеппелин преследует его, принося несчастья. Когда октябрьский шторм снес крыльцо его домика, Роберт заявил Дэнни Голдбергу, что «это плохая карма», о которой пелось в “The Ocean”. Другим своим друзьям он говорил о колдовской “In My Time Of Dying”. Песни воздействовали на Роберта … отрицательно. В это самое время Роберт повстречал нью-йоркскую фотомодель Линду. Однажды Роберт заперся в ванной комнате своего домика, но кто-то пришел и взломал дверь. Плант терзался угрызениями совести и винил себя в том, что его семья стала жертвой чего-то, что вышло из-под контроля. Джимми также находился в “Malibu Colony Drive” и вел уединенный образ жизни. Никто даже не знал его номера телефона. Между тем, девушка по имени Ро всегда сопровождавшая Питера Гранта, попала под влияние очарования Джимми, пробралась в дом

гитариста и … осталась там. Джимми просто не представлял, как себя вести.

Планируя новый репертуар, Джимми уделял время и бизнесу. “Swan Song” подписала контракт с лос-анжелесской группой Detective, чьим вокалистом был английский друг Пейджа — Майкл де Барр. С обычной щедростью “Swan Song” выдала новой и неизвестной группе миллион долларов на запись пластинки и 250000 — на ее выпуск. Более 9-ти месяцев потребовалось на выпуск и репетиции. «Когда Бонзо имеет пятую часть прибыли это что-нибудь да значит». «Подписав контракт, мы ни разу не видели Цеппелинов за 2 года и имели дело лишь с Дэнни Голдбергом. Мы старались приблизить звук нашей группы максимально к звучанию Лед Зеппелин», — говорит де Барр. Музыканты окружили себя героином. Наркотик присутствовал везде и помогал Цеппелинам чувствовать себя в безопасности. Басист Чарльз Мингус однажды заявил: «Если Бог и создал нечто лучшее, он оставил это при себе». Примерно половина лос-анжелесских музыкантов употребляла героин. Но Джимми, как всегда, осторожничал. Во время встречи с Detective он клевал носом и вдруг … заснул. Когда его разбудили, он сказал: «М-м, надо прекращать принимать снотворное». Музыканты переглянулись в удивлении. Кого хотел одурачить Джимми?

В конце октября на репетиции группы в Лос-Анджелес прилетели Джон Боннэм и Джон Пол Джонс. У Джонса рука была в гипсе. Он сломал ее сразу же после случая с Робертом. Бонзо все это время находился с семьей. В июне его жена родила дочь, которую назвали Зо. И Бонзо едва переносил разлуку. Коул вспоминал: «Он ни хуя не думал о деньгах. Он просто хотел быть рядом с женой». Находясь вдалеке от жены, Бонзо опять вернулся к роли «зверя», выискивая новые жертвы в “Sunset Strip”. Трезвый, он бывал очаровательным стариной Джоном Боннэмом, полным мидлендской доброты и уверенности, грузный и неуклюжий, всегда улыбавшийся в густую бороду. Постоянно пьяный в Америке, Бонзо походил на пороховую бочку. Взрывоопасный, он уничтожал все на своем пути. И если он не лупил агрессивно по барабанам, то выплескивал свою энергию на окружающих. В таком состоянии другие музыканты обычно избегали его, зная, что он способен на все. Для остальных музыкантов Лед Зеппелин дни публичных оргий и дебошей в барах канули в вечность. Для остальных, но не для Бонзо. Что-то происходило с ним в Америке, где, находясь вдали от близких ему людей, он превращался в опасного сумасшедшего. Группа относилась к Америке как к фантастическому источнику денег, стране греха и изобилия. Дома они находились в уюте и могли заниматься делами по дому,

антиквариатом, детьми или просто уединяться. В Америке же к ним относились по-королевски: там они могли делать все, что заблагорассудится. А Бонзо просто был не в состоянии выдержать испытания вседозволенностью. Здесь в роли колдуна выступил Джимми Пейдж, который вытащил молодого музыканта из грязи и в один вечер превратил его в звезду и миллионера. Джон Боннэм оказался учеником колдуна, он взял на себя непосильный труд и сломался. Талант Бонзо использовали для создания неограниченной власти, международной славы. Он так и не сумел удержаться от соблазнов. По словам Дэнни Голдберга: «Бонзо был крупным, сильным мужчиной с эмоциями шестилетнего ребенка. Его толкали на такое поведение, которое порой плачевно отражалось на нем и окружающих».

В Лос-Анджелесе после работы над новым альбомом, Бонзо опять овладело безумие. Однажды вечером он приехал в “Rainbow”, вломился в бар и громко приказал принести ему 20 коктейлей «Черномазый русский». Выпив с десяток горячительных напитков и закусив рукавом, он уселся на вращающийся стул, обдумывая план действий. Первым человеком, на кого положил глаз Бонзо была Мишель Миер, работавшей впоследствии на импрессарио Кима Фоули. Она частенько появлялась в баре. Спокойно сидя за столиком, Мишель оглянулась и заметила Джона Боннэма — великого барабанщика Лед Зеппелин. Женщина улыбнулась ему.

И тут Бонзо взбесился. Он прыгнул к столику женщины, как разъяренная горилла. Надвинувшись на перепуганную даму, Бонзо заорал: «Что ты, блядь, сказала?» Так как Мишель возмутилась такому обращению, Бонзо ударил ее по лицу, и женщина растянулась на полу. «Никогда больше не смотри на меня так», — сказал он ей через плечо и опять отправился к стойке допивать свои коктейли. На следующий вечер в “Rainbow” он затеял драку с вышибалой. Обычно, Бонзо бывал смел только с женщинами, либо имея за спиной полдюжины роуди. На этот раз Джон был один. Он решил, что легко справится с коротышкой-вышибалой. Но парень оказался каратистом и Бонзо ту ночь провел в больнице. Вышибала хотел подать в суд за оскорбление (у него имелись свидетели), но затем изменил свое мнение.

Джон Пол Джонс тоже приносил беспокойства. В назначенный час на репетицию в Голливуд приехал даже Роберт Плант, а Джонс исчез. Полностью независимый от группы, он появлялся и уходил по своему собственному расписанию. Обычно, все сходило с рук, но на этот раз разозлился Джимми. «Если увидишь Джона Пола Джонса», — сказал он Дэнни Голдбергу, пытавшегося найти бас гитариста, — «просто пристрели его». В

беседе с журналистом Джимми проявил скрытность: «Поверьте мне — иногда было очень трудно работать с Джоном Полом Джонсом».

Репетиции проходили в голливудской студии “S.I.R.” и новая музыка была великолепной. Усилия и энергия, затраченные на предыдущих гастролях, стали толчком к созданию новой музыки. Лед Зеппелин произвела на свет упругий фанк, столь неожиданный для поклонников группы. Марокканская мелодия сливалась с музыкой Нового Орлеана. Мелодии были жесткими и утонченными одновременно. Партия Бонзо была как и всегда очень грубой, а Роберт пел, сидя в инвалидной коляске. К тому времени Лед Зеппелин должна была платить налоги в казну США, либо убираться из страны. Поэтому решили записываться в мюнхенской студии “Musicland”. По дороге в Европу Джимми, Роберт и Бонзо всего на несколько дней завернули в Нью-Йорк. К тому времени Роберт избавился от инвалидной коляски и ходил с тростью. Гремя множеством индийских браслетов, Плант давал оптимистичные интервью. Он, например, сообщил Лайзе Робинсон: «У меня было время все обдумать. Раньше меня всегда смущала стремительность наших действий, мобильность и скорость процессов, происходивших вокруг нас. Это выбивало из колеи … Мне пришлось взвесить события по-новому и изменить свое мнение о наших безумствах».

Он продолжает: «Выходит так, что новые тексты пришли на ум в период размышлений, когда я спрашивал у Бога — «Христос, неужели все прошло? Неужели все кончилось?» И чем больше энергии заключено в альбоме, тем больше сил потрачено на борьбу с самим собой». Джимми восторгался черным блюзовым гитаристом по имени Бобби Паркер, которого представили Пейджу как непризнанного таланта. Гитарист выступал на окраинах Вашингтона. Джимми давно хотел привлечь блюзмена в “Swan Song”. Вместе с Дэнни Голдбергом они вылетели в Вашингтон на прослушивание, где Дэнни с трудом оторвал Пейджа от преследовавших его журналистов. Они увидели Бобби Паркера, игравшего ритм-н-блюз с группой в клубе “NCO”, находившегося на территории военной базы в Вирджинии. Джимми вынул дешевый магнитофон на батарейках и записал сет. Паркер пригласил Пейджа на сцену для совместного исполнения джема из старых блюзов. Джимми неохотно согласился. Пейдж фальшивил — настроя на игру не было. Бобби Паркер был шокирован. Еще бы — обнаружен самой Лед Зеппелин!!! Сразу же после записи, Дэнни и Джимми отправились в Нью-Йорк. Роберту с Бонзо музыка и запись не понравились вовсе. Ничего интересного они не услышали. Бобби Паркера

позабыли.

Отдельно друг от друга музыканты вылетели в Европу. Бонзо всегда путешествовал со своим роуди — Миком Хинтоном, выполнявшим также функции камердинера, слуги, сестры милосердия и даже дуэньи барабанщика. Хинтон — веселый славный кокни, ветеран британского рока (он работал еще у Джинджера Бейкера), а теперь стал слугой Бонзо. Боннэм даже одеваться его заставлял точно так же. Во время предыдущих гастролей оба носили белые накрахмаленные костюмы, солдатские ботинки и черные котелки, присущие членам клуба “Clockwork Orange”. Во время перелета в Европу Бонзо разместился в 1-м классе и принялся угощаться шампанским, в то время как Хинтон находился в хвосте самолета. В течение одного часа Бонзо опорожнил две бутылки шампанского, пригрозил стюардессе, орал и приставал к другим пассажирам. Затем, упившись, он уснул. Перед ужином все пассажиры потребовали, чтобы Бонзо не будили. Спустя 2 часа Бонзо проснулся и обнаружил, что переусердствовал с шампанским — штаны и кресло оказались мокрыми. И он принялся звать на помощь своего раба. «Хинтон! Хинтон! Иди сюда!» Мик Хинтон прилетел в каюту 1-го класса и Бонзо зашептал ему на ухо. «Быстрее, пиздюк, прикрой меня спереди», — рычал он. Боннэм поднялся и отправился в туалет вместе с Хинтоном, пытаясь скрыть позор от остальных пассажиров, чье первоначальное удивление сменилось негодованием, так как от кресла Бонзо исходил крайне неприятный запах. В сумке Хинтона всегда имелась пара запасных брюк для своего начальника. Роуди был похож на заботливую мать, менявшую пеленки своему малолетнему сыну. Затем, Бонзо заставил Хинтона сесть на свое мокрое кресло, в то время как хитрющий «лучший барабанщик мира» занял место роуди в хвосте самолета и вконец успокоенный, мирно уснул.

Песни для седьмого альбома Лед Зеппелин “Presence” были записаны всего за 18 дней в ноябрьском Мюнхене. Студия помещалась под отелем “Arabella”, где остановились Цеппелины. Ричард Коул, который не видел музыкантов со времен происшествия с Робертом, приехал в Мюнхен с горой аппаратуры. Он организовывал обычные развлечения для музыкантов, которые таким образом сбрасывали напряжение. “Musicland” оказалась непритязательной студией звукозаписи и все остальные «ссыльные» британские музыканты хотели работать там. Через 2 недели после приезда Лед Зеппелин здесь также появились Rolling Stones, которые намеревались записать свой новый альбом. В прошлом цеппелиновские записывающие сессии происходили крайне медленно, со всей грацией и нервными

обсуждениями. Профессионал Пейдж впал в состояние сильного напряжения. Звучание новой музыки было тяжелым и бескомпромиссным. На альбоме были записаны визгливые, многопластовые соло на электрогитаре. И никакого упоминания об акустической музыке. Новые композиции отражали постоянные разъезды и настроение группы в год ссылки. Тексты говорили о страданиях Роберта и, как бы ни странно это звучало, о раскаянии.

Открывала альбом песня, которая впоследствии станет заглавной на диске. “Achilles Last Stand” — кульминация желания Джимми построить конструкцию из одновременно звучащих гармоничных гитар — структуру движения и эмоций. Предшественниками композиции являлись “Stairway To Heaven”, “The Song Remains The Same” и “Kashmir”, а также вдохновение от марокканского путешествия. Джимми разместил здесь мириады голосов гитары, поверх которых настоящие ценители Зеппелин могли наслаждаться величайшим ритмом Боннэма. Роберт изобразил грохот сражения, могучие силы Атласа и спящий Альбион, который когда-нибудь воспрянет ото сна. Ритмы меняются: от типичной цеппелиновской помпезности к замысловатому и вечному испанскому болеро. Как и большинство песен альбома, “Achilles Last Stand” представляет собой странные пассажи гитары с мрачной кодой, напоминавшую полночный бой часов. “For Your Life” медленная песня о кокаине и сверхдозах в Лос-Анжелесе. Джимми извлекает мрачные звуки волынки, устремляющиеся на слушателя, слышится повествование Роберта о заигрывании с наркотиками и потерях, но она с трудом поддается пониманию из-за тяжелых, шумовых валов гитарного звучания. Очень сложные тексты и у “Royal Orleans”, которые красочно описывали приключения Джона Пола Джонса в Новом Орлеане двумя годами ранее. Не мудрствуя лукаво, Лед Зеппелин присвоила название песни группы The Meters “Cissy Strut”, а Роберт вспомнил историю судьбы человека, который отправился в Луизиану, там опустился и окончил дни свои в компании пьяниц. Жертву нарекли Джоном Камероном, который на самом же деле был старым коллегой Джонса, работавшего на Микки Моста.

Самыми шокирующие словами альбома были у песни “Nobody’s Fault But Mine”, обработки старой блюзовой мелодии Блайнд Вилли Джонсона. После гитарного вступления и секции Джона Боннэма, Роберт выдает поразительные слова о раскаянии и болезни. Он изображает дьявола-искусителя и обещает постараться спасти свою душу. Жалуется на присутствие демона за спиной и упрашивает изменить путь. Запоздалые признания следовали за кустарным и необработанным джемом. Здесь

присутствовали неумолимые элементы чистого рока, которые еще никогда не применялись группой. “Nobody’s Fault But Mine” стала “Hellhound on My Trail” Лед Зеппелин. Для Роберта и других музыкантов это был процесс очищения от дьявольщины. Фанаты, которым удалось расшифровать затемненные тексты, были убеждены, что когда-то Роберт продал свою душу дьяволу, а теперь захотел выйти из игры.

Другие вещи, включая тяжелые “Candy Store Rock” и “Hots On For Nowhere” с прекрасными каскадными мелодиями и наиболее причудливым гитарным соло на пластинке. Альбом завершался “Tea For One” — грустным минорным блюзом с испанскими обертонами и плачем утешающих гитар. “Tea For One” — еще один ранее неиспользованный цвет радуги Лед Зеппелин. Песня объявляла о крушении одиночества и депрессии.

Своим великолепием “Presence” более всего обязана панике, в условиях которой пластинка создавалась. Когда Цеппелины использовали студийное время, Пейдж подсчитал, что им необходимо дополнительных три дня на доработку гитарных овердаббов. Пейдж позвонил Мику Джаггеру, объяснил ситуацию и попросил еще 2 дня для работы в Мюнхене. Джаггер согласился. На протяжении двух недель Джимми работал по 18-ть часов в сутки. Он задержался на пару дней и сделал овердаббы для всей пластинки. Бесчисленные гитарные овердаббы к “Achilles” были созданы за один вечер. Остальной альбом был завершен на следующий день. Странное соло в “Hots On For Nowhere” имело отчаянный подтекст. Усталый и истощенный Джимми закончил альбом в обещанные сроки. Диск, по его словам в журнале “New Musical Express”, стал «контролем жизненного стиля». Для Джимми Пейджа он явился проявлением чистой воли. Другому журналисту он сказал: «В конце дня пришли Стоунз и поинтересовались — закончили ли мы? Я ответил: «Отлично, я закончил. Спасибо за два дополнительных дня». Они спросили: «Песню сделал?» Я ответил: «Нет, всю пластинку полностью». Но они никак не могли поверить».

Полностью альбом был записан и смонтирован менее чем за три недели. Единственный неприятный момент: Роберт споткнулся о звукозаписывающую кабину и поранил плохо сросшуюся лодыжку. «Я никогда не видел, чтобы Джимми был таким резвым», — скажет он позднее. «Он был вне монтажной будки и подхватил меня через секунду, хрупкий, как и обычно. Во время организации работы, он становился педантичным и точным, как немец. Меня опять отвезли в больницу, и если я опять сломал лодыжку, то навсегда останусь хромым».

В декабре группа вылетела в ссылку на Джерси, чтобы хоть

немного быть ближе к Британии. 10 декабря музыканты вышли на сцену в пабе “Behau”, где играли старые, любимые всеми вещи. За день до Рождества Роберт, Джонс и Бонзо улетели домой к семьям, а Джимми отправился в Нью-Йорк, чтобы сделать монтаж музыкальных композиций для возрожденного фильма о Лед Зеппелин. В последний день года Роберт шел по кухне своего дома и в первый раз за долгое время не опирался на трость.

Глава десятая: Мощь, загадка и молот богов

Непременным ингредиентом любой удачливой рок-группы является энергия: возможность выплескивать ее, получать от зрителей и отдавать назад в толпу. Рок концерт — обряд воплощения и передачи энергии. Рок звезды подобны священникам … Шоу Лед Зеппелин зависели от мощи, повторения и барабанов. Музыка их имеет черты сходства с трансовыми марокканскими мелодиями — волшебными по происхождению и целям, связанных с перевоплощением и контролем над духовными силами. Марокканские музыканты — маги. Музыка Гнаоуа используется для изгнания дьявола. Музыка Джаджоука вызывает Пэна — Бога Хаоса, представляющего истинные силы волшебства, которые сметают искусственность. Нужно помнить, что происхождение всех видов искусства — музыки, живописи и литературы является колдовством и перевоплощением. Все это использовалось для достижения волховского результата. На концерте Лед Зеппелин результат достигается выплескиванием энергии в публику. Чтобы достичь такого волшебства, надо вытащить затычку из бочки с колдовской энергией и тогда действие становится опасным.

— Уильям С. Берроуз «Рок Магия».

Хотя царствование было успешным, империя Лед Зеппелин

начала потихоньку разрушаться в 1976 году. Казалось, ужасы, обрушившиеся на семью Роберта Планта, нанесли удар по удачливой группе. Несмотря на то, что Лед Зеппелин еще выпустит 2 альбома и длинный фильм в этом году — все самое лучшее останется в прошлом. Цеппелин уходил с дороги и знатоки понимали это. В образовавшийся вакуум хлынули имитаторы, в основном, американские группы, копировавшие музыку Джимми Пейджа с блондинистыми вокалистами. Они перелицовывали тексты, отдававшие псевдомистической чепухой. Эти плагиаторы чувствовали тень Цеппелина над Америкой. Первой выступила группа Boston с одной из многочисленных маленьких “Stairway” — своим гимном “More Than A Feeling”, который стал хитом года в Америке. Группа под названием Heart, основанная двумя сестрами из штата Вашингтон играла сырые копии цеппелиновского материала и даже открывала свои шоу песней “Rock-n-Roll”. “Free Bird” ансамбля Lynyrd Skynyrd стала гимном американских радиостанций и даже отодвинула “Stairway”. Другая группа из Массачусетса Aerosmith даже возродила “Train Kept A-Rollin’” и имела успех. Лед Зеппелин отступила, но их музыка жила и исполнялась другими музыкантами. (Фанаты шутили, что двумя лучшими цеппелиновскими синглами стали хартовская “Barracuda”, которая заимствовала бас секцию и барабанный ритм из “Achilles Last Stand” и “Lonely Is The Night” Билли Сквайра). Но даже это было ничего по сравнению с новейшим американским софт-роком. Открытием года стали Питер Фрэмптон и Fleetwood Mac — бывшие ученики английской блюзовой школы, перебравшиеся в Америку. Между тем, в недрах поп-музыки в Лондоне и Нью-Йорке зародились группы нового направления, осыпавшие бранью Лед Зеппелин и их поколение. Через год произойдет «революционный переворот» и во главе его будут стоять панк группы Sex Pistols, Clash, Generation X и Лед Зеппелин капитулирует. <з> После нескольких драгоценных дней, проведенных с семьями в январе 1976 года, Роберт Плант, Джон Пол Джонс и Джон Боннэм вылетели в Нью-Йорк для дальнейшей работы в «ссылке». Они устроились в отеле “Park Lane” на Central Park South и постоянно горько сокрушались о своей судьбе. Роберт говорил о том, что «величайший британский талант» живет в Нью-Йорке, так как не может заплатить английские налоги. Он подчеркнул, что Мик Джаггер поселился в 4-х кварталах от цеппелинов на Вест Сайд и проворчал: «Наградой за все, что я сделал должно бы быть возвращение к Морин и детям». Но Роберт жил в Нью-Йорке, в то время как семья была в Англии. Люди, работавшие в “Swan Song” и хорошо знавшие Планта,

говорили о существовании 2-х Робертов. Один преклонялся перед кельтской стариной и спиритуализмом, другой — был грубой рок-звездой со всеми вытекающими отсюда пороками, присущими его профессии.

Первой и главной задачей Лед Зеппелин было завершение работы над фильмом. Третья попытка его воплощения в жизнь была названа “The Song Remains The Same”. Новый режиссер Питер Клифтон собрал отрывки, снятые еще Массо и соединил их в документальный фильм, имевший некий уклон в оккультизм. Используя грим и специальные эффекты, Джимми предстает здесь столетним старцем, как и Отшельник. «Девичьи страданья» Роберта исчезают после кровавой борьбы. Бонзо показан со своими гоночными автомобилями. Джонс изображен в процессе исполнения какой-то неясной миссии на средневековом кладбище. Питер Грант и Ричард Коул — веселые гангстеры, обстреливающие дома из автоматов. С менее волшебной музыкой, записанной в Нью-Йорке во время неудачного окончания гастролей 1973 года, фильм казался ограниченным в музыкальном плане. Но это было все, что имела группа. Фильм хотели выпустить в этом же году.

Во время работ по озвучиванию Бонзо тоже занимался делами, но очень уж по-своему. Однажды вечером он появился за кулисами в “Nassau Coliseum” на Long Island прямо во время концерта Deep Purple. Бонзо был пьян и находился в приподнятом настроении. Он заметил свободный микрофон, рванулся вперед и оказался на сцене прежде, чем роуди группы успели схватить его. Удивленные музыканты прекратили играть, а Бонзо схватил микрофон и заорал: «Меня зовут Джон Боннэм из Лед Зеппелин и я просто хочу сказать вам, что у нас скоро выходит альбом “Presence” и это заебись!» После этой речи Бонзо собрался уходить, но вдруг повернулся и напоследок оскорбил гитариста Deep Purple: «А Томми Болина — хуевый музыкант».

“Presence” выпустили в апреле — первый альбом, достигший «платины» (миллион пластинок и записей было продано только в Америке). Месяцем раньше в Англии, Джимми попытался объяснить все чувства, вложенные в эту работу: «Пластинка была записана во времена постоянных переездов, технических проблем — никакой базы, никакого дома. На что можно было положиться, так это на перспективу и содержимое музыкального багажа. Поэтому здесь так много движения и агрессии. Плохие предчувствия оказались выдвинутыми на передний план». Название передавало чувство экстрасенсорного воздействия, которое Лед Зеппелин представила на обложке альбома — рисунок маленького черного памятника, изображенного в

качестве талисмана для духовного восстановления. Этот предмет сразу же стал загадкой, еще одним непостижимым цеппелиновским явлением. Журналисты звонили в лондонский офис “Swan Song” и интересовались, что означает сей предмет. На звонки отвечал Ричард Коул, говоря, что этого не знают сами музыканты. В основу легла гипнотическая концепция, используемая при оформлении различных пластинок. В своих интервью Роберт назвал предмет “Kubrickian”, имевшего отношение к эпохальной мешанине, представленной в фильме «2001: Космическая Одиссея».

Отклики прессы были диаметрально противоположными. Многие критики справедливо считали, что альбом сделан слабее предыдущих пластинок. Диск-жокеям он понравился больше (месяцы “Achilles Last Stand” можно было услышать каждый вечер по лондонскому радио “Capital”), а вот продажа упали. Возможно, что “Presence” многим показался слишком серьезным. Кадансы Роберта в “Achilles” напоминали, что «Илиада» была воспета еще за 1000 лет до ее написания. Тем не менее, “Presence” стал единственным альбомом Лед Зеппелин, который слабо раскупался любителями. Однако это не означало, что группа потеряла свою популярность. В 1976 году корреспонденты, проводившие опрос общественного мнения в Америке в период предвыборной кампании выяснили, что Лед Зеппелин пользуется успехом, как у демократов, так и у республиканцев! Дочь президента Сюзен Форд заявила в программе “The Dick Cavett Show”, что Лед Зеппелин ее любимая группа. Выступая на заседании “National Association of Record Manufactures”, Джимми Картер сообщил, что, будучи еще сенатором Джорджии, он слушал Лед Зеппелин в перерывах между заседаниями. В мае произошли изменения в руководстве “Swan Song”. Дэнни Голдберга уволили с поста Вице-президента компании из-за отказа организовать гастроли Bad Company. Дэнни счел такой шаг неэтичным. Никому не разрешалось перечить Лед Зеппелин! Питер Грант выразил свое недоумение: «Не думал, что когда-нибудь доживу до дня, когда сам скажу: Дэнни Голдберг уволен!» В скором времени распалась The Pretty Things. Цеппелины умели достигать моментального успеха. И не было желания тратить долгие годы на создание, воспитание и развитие карьеры музыкантов. Роберт и Джимми сосредоточились на своем большом успехе — Bad Company, чей второй альбом “Straight Shooter” был таким же удачным, как и первый. Цеппелины выступали в джеме на нескольких концертах Bad Company 26 мая, как раз перед возвращением в Англию. Роберт и Джимми летели первым классом, пили шампанское, очень скоро напились и

принялись одолевать других пассажиров. Актеру Терри Саваласу, игравшему в пустом и бессодержательном детективе “Kojak”, нанесли оскорбление, но Роберт и Джимми заявили, что «это была только шутка».

Летом на Джимми обрушился с нападками Кеннет Энгер, который устал ждать, когда Джимми завершит музыку для фильма “Lucifer Rising”. За несколько лет Джимми удосужился сделать лишь 28 минут музыки, которую Энгер посчитал приемлемой. Никто не отрицал, что мелодии были необычными — мрачные, гипнотические, связанные тесно с “No Quarter”, “Kashmir” и “In The Evening”. Композиции отличались сложностью, использовали волынки и унылые напевы, флейтообразные мелодии и синтезированную игру смычка на гитаре. Основными примочками здесь стали сатанинское заклинание с шумом грозы (использование эффекта обратной связи) и удаленный колокольный звон. Сделанное оказалось лишь необходимым фрагментом того, о чем просил Энгер. Режиссер выразил свое негодование в прессе. Он обвинил Джимми в саботаже и чрезмерном употреблении наркотиков. Основной упрек Энгера: Джимми избегает встреч с режиссером и, поэтому, с ним невозможно иметь дело. «Я почувствовал, будто мой сотрудник умер», — скажет Энгер позже. Телефонные номера строго хранились в секрете. Да и сама “Swan Song” как бы ушла в подполье, ведь Питер Грант находился в ссылке в Монтре. Офис компании в Челси молчал. Всем звонившим предлагалось связаться позже. «Эгоизм и невнимание к другим были потрясающими», — говорит Энгер. Даже разговаривая с Пейджем, Энгер чувствовал, что гитарист витал в облаках, а это затрудняло общение. «Легче разбить металлическую тарелку. Джимми все больше и больше превращался в недисциплинированного, богатого дилетанта, далекого от волшебства и серьезной веры в Алистера Кроули». Энгер чувствовал, что Джимми стал представителем «магии, сшитой на скорую руку, едва понятной и неподвластной воле». Алистер Кроули злоупотреблял как кокаином, так и героином, но Кроули мог это делать благодаря могучей физиологии. Джимми Пейдж выглядел опустошенным. «Он был не в состоянии выдерживать такие нагрузки», — отмечал Энгер.

Давая интервью, Джимми контратаковал — выглядел обиженным и искренним. Он объяснял, что предложил Энгеру свой рабочий стол и место для творчества. Пейдж подчеркивал, что ждал, пока режиссер завершит свою работу. Но Энгер раскрыл карты объявив, что Джимми снюхался с «белой леди», то есть стал употреблять героин, ставшим главной причиной его апатии. В

сентябре Джимми и Бонзо находились уже в Монтре, где они записали соло на барабанах с элементами синтезированного звука. Они намеревались использовать его на одном из последующих альбомах Лед Зеппелин. Затем Джимми вылетел в Англию, чтобы решить проблему с Энгером и побыть с Шарлоттой, которая сильно заболела. Нужно было выселить знакомых из Tower House. Муж с женой, страдавшие манией, вообразили, что они стали Джимми и Шарлоттой. Они всегда были очень странными, как впрочем, и все посетители Джимми. «Болескин» был переделан знаменитым сатанистом Чарльзом Пирсом, который вскоре после этого покончил жизнь самоубийством, а новый смотритель сошел с ума и был помещен в психбольницу.

Бонзо провел большую часть лета на юге Франции, но после записи в Монтре — отослал жену и детей в Англию со своим шофером Мэттью. Совместно с Миком Хинтоном и своей подружкой компания отправилась повеселиться в Монте- Карло. Коул вспоминал: «Бонзо искренне любил свою жену и семью и не хотел покидать их надолго. Поэтому, он напивался и совершал поступки, о которых сожалел на следующее утро. Однажды вечером, приняв большую дозу спиртного, он принялся измываться над Хинтоном. У Бонзо подмышкой висел газовый пистолет, скрытый белым костюмом. Барабанщик расхрабрился, вытащил револьвер и направил его на Хинтона». «Если вы знаете “Jimmys”», — продолжил Коул. «Сюда приходят всякие Онассисы, Сауди и прочие. Здесь собираются богатые ебаные турки, мафия и крутые разъебы корсиканцы. У всех этих крутых ребят есть с собой оружие. Теперь представьте длинноволосого парня в белом костюме, вытаскивающего пистолет, а все, блядь, наблюдают за тем, как кто-то хочет убить кого-то без всякой на то причины».

«Бонзо принялся оскорблять Хинтона и поучать его. Я сказал: «Отъебись от него». Он ответил: «Заткнись, пиздюк, а то и тебя пристрелю». Удар. Коул изо всех сил ударил Бонзо кулаком. Бонзо упал со сломанным носом, все вокруг было залито кровью. Пистолет лежал на полу. Коул прошипел подружке Хинтона: «Возьми этот ебаный пистолет и выброси его в туалет. Спрячь, избався от него!» Приехала полиция, арестовала всю честную компанию, продержав целых три часа в участке. Полиция интересовалась пистолетом, но все утверждали, что оружия не было. Между тем, Коул с Бонзо страшно перетрусили, так как не знали, что делать с лежавшим у них в карманах кокаином. Но все обошлось и их отпустили. На следующий день Бонзо позвонил своему шоферу в Уостершир. «Слушай сюда! Бегом хуячь к портному и достань мне другой белый костюм. Этот пиздюк Коул

опять залил меня кровью!» Позже, посмотрев в зеркало, Бонзо поблагодарил Ричарда за дважды сломанный нос. «Ептыть, то что и нужно!», — проговорил Бонзо в изумлении. «Он опять охуенно прямой».

В конце октября 1976 года Лед Зеппелин вылетела в Нью-Йорк на премьеру фильма "The Song Remains The Same". (В салоне 1-го класса вели себя безобразно — Коул в кого-то кинул открытым ножом, поэтому, после приземления местные власти задали ему много вопросов). Позднее, пьяный Коул затеял драку с нью-йоркским корреспондентом “Melody Maker” Крисом Чарльзвортом и был вышвырнут из бара “Ashley”, где происшествие имело место. На следующий день Плант извинился перед Чарльзвортом, сказав, что Питер Грант жестоко наказал Коула за оскорбление дружески настроенного английского журналиста. Принес извинения и Плант. Двумя днями ранее компания звукозаписи выпустила фильм-концерт. Реакция снова оказалась полярной. Фаны, пришедшие на просмотр в кинотеатры, вставали и аплодировали соло Бонзо “Moby Dick”. Даже после просмотра фильма фанаты устраивали беспорядки у прокатных залов. И в таком сублимированном виде, могущество Лед Зеппелин внутренне зажигало 17-летних, готовых умереть за свою любимую команду. Фильм представлял собой тайно-мистическую смесь номеров, взятых с неизвестно каких концертов и которые даже группа находила очень скучными. Вокруг группы опять начались споры, как во времена смутного времени. Критики пророчествовали. “The Song Remains The Same” был шаблонно приготовлен, передавал ужасные кошмары и беспредельную самовлюбленность музыкантов. Дэйв Марш — критик "Rolling Stone” указывал: «Фильм-концерт — далекое от совершенства цеппелиновское творение, дань ненасытности и невнимания к людям. В то время как музыка Лед Зеппелин остается достойной уважения, чувство эгоизма музыкантов вызывает только презрение». Судя по откликам, фильм имел умеренный успех и в скором времени исчез, отданный какой-то шоу компании на юге США. (Влияние его прочувствуется спустя годы на MTV, где топорный фильм о Лед Зеппелин служил моделью для видеклипов тяжелых металлических групп, появившихся на волне Цеппелинов.) Альбом же стал платиновым.

В октябре и ноябре 1976 года Джимми Пейдж дал массу интервью, в которых он опроверг слухи о распаде Лед Зеппелин. Джимми также назвал свой собственный фильм неудачным, ссылаясь на то, что метры отснятой пленки явились далеко не лучшими, полными «вопиющих ошибок». С другой стороны, он оправдывал проект налоговыми трудностями и адекватным

итогом деятельности Лед Зеппелин во времена, когда их концерты завершались “Whole Lotta Love”.

Роберт Плант вместе с женой и детьми возвратился на уэллльскую овцеводческую ферму. Они жили в древнем каменном доме, имели около 300 тысяч акров земли с большим стадом овец и свинью по имени Мадам. После автомобильной катастрофы на Родосе Роберт решил продать всех лошадей. Жизнь на ферме была идиллией, хотя приходилось много работать. Нога Роберта заживала, а его дети выглядели замечательно. Плант сказал журналисту о своем пятилетнем сыне: «Мы зовем его Бейбе Остин в честь этого человека. Он ничего не боится, не имеет чувства страха. Я завидую ему».

Лед Зеппелин приступила к работе почти через 2 года после происшествия с Робертом. Репетиции начались в конце 1976 года с “Achilles Last Stand”, которую полностью сделали в студии (она лишь требовала небольшой аранжировки). Репетиции завершились в январе 1977 года в фулхэмском театре, принадлежавшем Эмерсону, Лейку и Палмеру. Предстояли крупнейшие по времени, количеству концертов и охвату гастроли Лед Зеппелин перед более чем миллионом зрителей. Турне должно было стать 11-м по счету и настроение музыкантов от предвкушения встреч улучшалось. Любимым числом Алистера Кроули было 11. Кроули даже писал слово “magick” через «к», так как эта буква являлась 11-й по счету в алфавите.

Лед Зеппелин не выступала в Америке длительное время, а климат поп-музыки коренным образом изменился. Панки, так называемые молодые группы «новой волны» ворвались в самый центр деморализованной музыкальной сцены. На одном полюсе было диско, на другом — ураган динозавров хард-рока. Молодые группы, такие как The Sex Pistols, The Clash, The Damned, The Stranglers, Generation X обосновались, в основном, в новых клубах Британии, где эта музыка и зародилась. Удачливые группы старшего поколения — Лед Зеппелин, Стоунз, Род Стюарт, Yes, Genesis постоянно оскорблялись и осмеивались панками и их прессой. Музыкантов классического рока называли «нудными, старыми пердунами». В особенности доставалось Лед Зеппелин и Элтону Джону за их успех, могущество и богатство, отказ от моды и приверженность Америке. Хуже всего было то, что их называли наркоманами, одурманенными миллионерами, не имевших связи и взаимной привязанности к подросткам для которых они играли. Новые группы являлись частью их собственной аудитории — рабочая молодежь, отрицавшая все и вся, характерной особенностью которой стала крайняя степень очерствения. Лед Зеппелин откликнулась на вызов, проглотив обиды. Они выбрали

наиболее придурковатую и скабрезную из всех английских панк-групп The Damned и принялись посещать их концерты в “Roxy”. Иногда, музыканты появлялись и на сборищах панков. Однажды в конце января Джимми и Роберт отправились туда вдвоем. Спустя 2 дня Роберт захватил с собой Бонзо. The Damned играли порочную скачкообразную музыку на полной громкости и производили четко выраженный отрицательный эффект. Барабанщика группы звали Чесоточная Крыса.

11-е турне планировалось начать в марте. Весь февраль музыканты Лед Зеппелин готовились к этой кампании. Инструменты и оборудование отправили морем, а Джимми распродал многие из своих устаревших гитар. “The Starship” отстранили от полетов, и Питер Грант нанял другой роскошный самолет “Caesar’s Chariot”, принадлежавший владельцам “Caesar’s Palace” (казино в Лас-Вегасе). Далласская компания “Showco” опять отвечала за свет, звук и спецэффекты, включая и гигантский видеоэкран, до этого использованный только один раз в 1975 году на “Earls Court”. За несколько дней до вылета в Техас на первый далласский концерт у Роберта воспалилось горло — был поставлен диагноз тонзиллит. Столкнувшись с этой проблемой, руководство группы отложило гастроли на месяц. Несколько недель Цеппелины бездействовали и даже не проводили репетиции, так как все имущество уже отправилось за океан.

Гастроли 1977 года начались в Далласе на День Смеха. Концерты продолжались более 3-х часов — музыканты исполняли 15 песен и, как правило — 2 композиции «на бис» (“Whole Lotta Love” и “Rock and Roll”). С самого начала стало ясно, что это турне в корне отличалось от всех предыдущих. Джимми приехал в Америку каким-то ослабевшим. Питера Гранта оставила жена, и это сказалось на настроении всей группы. В прошлом, Грант был цеппелиновским Веселым Роджером, всегда стараясь поднять дух музыкантов. Теперь же, он был унижен и оскорблен. «Думаю, что она сбежала с одним из парней, работавших на ферме», — говорит Коул. «Считаю, что это стало окончательным пиздецом всему. Смешно сказать, но я ненавидел эти последние гастроли. Я чувствовал … что-то очень плохое. Во всем виноваты наркотики … Наркотики … Может быть, но что-то еще не складывалось». Работы у Коула даже прибавилось. Ричарду и Пейджу необходимо было добиться четкой работы персонала, который также погряз в героине. Сокращений штата не произошло. В дополнение к опущенным шторам, зажженным свечам и FM радио, Джимми теперь требовался героин. «Со временем, героин стал привычкой», — сказал Коул, — «и я также принимал его».

После шоу в Оклахоме-Сити, Лед Зеппелин вылетела в Чикаго для 4-х концертов на стадионе города. Концерты становились все длиннее и интенсивнее. «Добрый вечер», — говорил Роберт, — «добро пожаловать на три часа психоза». Так и было. Концерт начинался с “The Song Remains The Same”. Затем, шла “The Rover” — цеппелиновский недооцененный гимн. За ним следовала “Nobody’s Fault But Mine”, которая обычно посвящалась Блайнд Вилли Джонсону. Этот сет заканчивался “In My Time Of Dying”, который по неясной причине Роберт решил исполнить в конце. “Dazed and Confused” вообще убрали из концерта. Вместо нее Джимми поставил смычковую соло секцию, включавшую колдовские темы на электроволынке и иногда — “The Star Spangled Banner”. Композиция переходила в “Achilles Last Stand” — быструю, яростную эпопею путешественников. Следующий сет Джимми играл на старой “Danelectro”, настроенную в восточном ключе. “White Summer” и “Black Mountain Side” плавно перетекали в монументальные “Kashmir” и “Ten Years Gone”. Песни длинного акустического сета шли в следующем порядке: “Battle Of Evermore”, “Going To California”, “Bron-Yr-Aur Stomp” и “Black Country Woman”. Музыканты садились у края сцены, а Роберт ставил больную ногу на стул. Полностью сосредоточенный, Пейдж колдовал над своей мандолиной. Бонзо играл на тамбурине, а Джон Пол Джонс на новой гитаре с тройным грифом. Небольшой гриф мандолины располагался выше шести и двенадцати струнных грифов.

“No Quarter” теперь превратилась в сардонический злобный фоно-рецитал, включающий «Марш деревянных солдат». “Sick Again” тем, кого Роберт называл королевами Лос-Анджелеса. Через некоторое время Лед Зеппелин начинала финальную бомбардировку “Whole Lotta Love”. Фанаты торжествовали.

С самого начала чувствовалось некоторое отчуждение. Однажды вечером, Джимми вышел на сцену в форме нацистского штурмовика. После концертов музыканты посещали клубы, где собирались поклонники Вилли Диксона. Диксон постоянно хворал и композиция “Nobody’s Fault But Mine” почти всегда посвящалась этому музыканту. На третий вечер Джимми заболел. Для исполнения “Ten Years Gone” ему потребовался стул, а затем он вообще удалился, страдая от сильных болей в животе. Концерт отменили. Позже выяснилось, что всему причиной стало пищевое отравление.

На следующий день Джимми почувствовал лучше. Он пил теплую содовую “Dr. Pepper” у себя в люксе, а Коул тем временем разгуливал по отелю в пижаме. Джимми дал интервью. «Я всегда играл, когда мог. Я просто не могу не играть. Это похоже на

балансирование у края пропасти. Лучше прожить один день львом, чем тысячу лет ягненком». Коул открыл окно, чтобы проветрить помещение. «Не выпрыгни, Ричард», — заметил Пейдж. «Ты произведешь плохое впечатление на Чикаго». Спросили, почему на концертах больше не играют “Dazed and Confused”. Джимми ответил, что он больше не чувствует себя смущенным и проклятым. «Лед Зеппелин», — заметил он, — «бесконечный праздник, который никогда не завершится … Это не последние гастроли. Мы здесь и всегда будем возвращаться сюда. Развалить эту группу — преступление».

В течение апреля Лед Зеппелин в который раз подтверждала права на свои владения — города американского среднего запада. Публика изголодалась по музыкантам. Происходили обычная конфронтация и стычки между полицией и молодежными бригадами Цеппелинов. Были и мелкие потасовки между безбилетниками и блюстителями порядка. Имели место некоторые волнения в Сент-Луисе, Индианаполисе и Атланте. На трех концертах в Клинтоне композиция “Over The Hills And Far Away” была посвящена Робертом «одному из величайших мечтателей в мире Джону Биндону». Посвящение было скрытой шуткой. Биндон был эффектным, пользовавшийся дурной славой лондонский гангстер и законченный убийца, который теперь занимал положение главы политических убийств в глазах Цеппелинов. «Большим удовольствием было возвращение домой после трех концертов», — сказал Плант публике после третьего шоу в Кливленде, — «но все мы смертны». Через 2 дня Лед Зеппелин играла для 76000 бесновавшихся подростков в “Pontiac Silverdome” Мичигана, побив свой собственный рекорд посещаемости четырехлетней давности. Даже Питер Грант не настаивал на получении наличных денег. После концерта Ричарду Коулу вручили чек на 800000 долларов. В мае последовал двухнедельный перерыв. Джимми подумывал о поездке в Каир (по следам Кроули), но, как и всегда, он проявил нерешительность. Пейдж укрепился в своем решении лишь после просмотра телепрограммы о загадках пирамид. Неожиданно, в одном старом документальном фильме, Джимми увидел цеппелин, нависший над древними памятниками. Решение о поездке как-то сразу созрело. Перед возвращением к семье в Англию, Пейдж 4 дня находился в Каире. 12 мая вся группа собралась в лондонском отеле “Grosvenor House” для получения награды — статуэтки «за колоритный и энергичный вклад в британскую музыку».

Вторая часть гастролей началась в южной части Алабамы. В Форт-Уорт они играли “It’ll Be Me” Джерри Ли Льюиса. В Тампе

произошел очередной погром. Через 20 минут после начала концерта дождь усилился, и группа была вынуждена покинуть сцену из-за опасности электрошока. Цеппелины еще помнили о печальной судьбе Леса Харви и происшествии с бывшим певцом Yardbirds Кейтом Релфом, который попал под напряжение, играя дома на гитаре. Даже перед концертом в Тампе роуди проверили и перепроверили электрические провода и соединения. Когда же дождь усилился, Питер Грант отменил шоу. Поначалу хотели выступить на следующий вечер, но разочарованная толпа в количестве 70000 человек произвела значительные разрушения на стадионе и выступление Лед Зеппелин было запрещено властями.

7 июля Лед Зеппелин дала первый из 6-ти запланированных концертов в “Maddison Square Garden”. Джимми Пейдж выделывал акробатические трюки с гитарой, а Роберт играл на электрогармонике, позволявшей ему контролировать голос и производить неожиданную вокальную пиротехнику. До нью-йоркских концертов Роберт очень бережно относился к больной ноге. Дикая, постоянно двигавшаяся рок-звезда — теперь была, в основном, неподвижна. Но от режущих глаза красок Бродвея, Роберт стал прежним и начал опять чудить на концертах. Давая интервью, он размахивал своим нераскаявшимся флагом хиппи, если вопрошали об уместности взаимодействия Лед Зеппелин с безыдейными панками. На вопрос о том, что Плант любит слушать, он упомянул Роберта Джонсона, Бакку Уайт, Элмора Джеймса и болгарскую народную музыку. Джимми находился в люксе отеля “Plaza”, где он на полную громкость запускал пластинку группы The Damned. Гости пожаловались, а администрация немедленно пригрозила, что вышвырнет музыканта вон. В середине июня группа вылетела в Калифорнию. По пути в Сан-Диего Джимми настолько ослабел, что его почти внесли в самолет. Казалось, что он жил в нереальном мире героина и транквилизаторов. Врач Цеппелинов обвинил его в краже наркотических средств из аптечек. Пейдж приказал доктору заткнуться и пригрозил увольнением.

В Лос-Анджелесе Цеппелины поселились не в “Riot House”, как обычно, а в менее модном “Beverly Hilton”. Там время от времени, Джимми принимал журналистов, с которыми разглагольствовал о Стравинском, новой волне, гитаристе Берте Джанше (страдавшим артритом) и о своих любимых гитарах — “Gibson Everly Brothers” (подарок Рона Вуда) и модели “Les Paul” 1959 года выпуска, которую гитарист Eagles Джо Уолш презентовал ему. После комментария статьи, помещенной в журнале “Guitar Player”, он отметил, что 4-й альбом без названия

до сих пор является его любимым произведением и сообщил: «Мое призвание в большей степени — сочинение музыки. Создание гармонии, использование гитары, оркестровка гитарных композиций. Я имею в виду современную оркестровку, хотя точно так же создается и классическая музыка». Затем Джимми уселся в своем затемненном люксе, в то время как фотограф Нил Престон печатал снимки музыкантов во время концертов. Джимми отбирал свои наилучшие фотографии. А найдя — браковал, постоянно находя недостатки в своей анатомии: «Живот! Ноги как циркули!» Наконец, у Джимми поинтересовались — чего же он хочет конкретно. Сразу же последовал ответ: «Мощи, загадки и молота богов».

Обычно Цеппелины всегда веселились в “Rainbow”. На этот раз, настроение было подавленным. По словам Лори Мэддокс — даже Бонзо изменился. «Я любила Бонзо», — сказала она. «Трезвый — самый лучший парень в мире, а пьяный он превращался в маньяка. Чистый зверь. Но он еще проявлял интерес к людям и время от времени поучал меня. Однажды вечером в “Rainbow” в 1977 году он принялся говорить: «Лори, я приезжаю сюда 7 лет. И все семь лет вижу одни и те же лица. Но я не хочу приехать сюда через 7 лет и увидеть тебя здесь снова». Это был отличный совет. В тот вечер Бонзо многое изменил во мне».

6 концертов в лос-анжелесском “Forum” произвели фурор. Роберт снова стал неуправляемым и чувственным. Он стонал: «Джимми, о Джимми!» во время витиеватых соло Пейджа. На одном из концертов во время исполнения “Whole Lotta Love” к группе присоединился Кейт Мун. Единственная проблема возникала со зрителями. На этот раз фанаты даже помолодели, но стали еще более беспокойными и чокнутыми. “Melody Maker” называла воздействие Лед Зеппелин, произведенное на нью-йоркскую молодежь «пьяным параличем». В Калифорнии юнцы превратились в варваров. Фанаты прорывались на сцену во время акустического сета, мешая сконцентрироваться Джимми. Любители фейерверков бросались к сцене и кидали зажженные предметы в лица музыкантов. «Каждому из нас досталось на сцене», — сказал Роберт, — «но хуже всего были эти фейерверки. Это вселяло страх».

После второго двухнедельного перерыва в июле последняя и заключительная часть гастролей Лед Зеппелин 1977 года началась в “Kingdom” Сиэттла. А через неделю они дали 2 концерта в оклендском “Coliseum”, где шоу продюсировал небезызвестный Билл Грэм. Как и обычно, ветераны службы безопасности Грэма оказались не в ладах с цеппелиновской

охранкой. На протяжении 10 лет Питер Грант и Билл Грэм называли за глаза друг друга обманщиками. Первый концерт 23 июля в Окленде стал генеральной репетицией.

Все началось с сына Питера Гранта — Уоррена, который в течение ряда концертов находился с отцом. На двери одного из автоприцепов, служившего костюмерной и стоявшего за сценой, кто-то краской написал “Led Zeppelin”. Юный Грант попросил охранника Грэма стереть надпись. По словам Ричарда Коула, мужчина грубо оттолкнул мальчика. Находившийся в тот момент за кулисами Бонзо увидел это, обругал обидчика, надавал ему пинков, после чего — вышел на сцену. Питеру Гранту сообщили, что кто-то избил его сына. Грант с подручными отловили охранника, затащили его в прицеп и немилосердно отдубасили. Ричард Коул в тот момент стоял на шухере. Кто-то из людей Грэма поспешил своему коллеге на помощь, но при попытке проникнуть в прицеп был жестоко избит Коулом. Когда, наконец, охрана Грэма попала в прицеп, весь забрызганный кровью, а жертва лежала на полу в бессознательном состоянии после последовательного и продолжительного избиения. Беднягу отправили в больницу.

Второй концерт состоялся на следующий день 24-го июля и только после того, как Билла Грэма вынудили написать бумагу, страховавшую Лед Зеппелин от возможности нового акта. Конечно же, документ не имел юридической силы, так как Грэм не имел права действовать от лица своего госпитализированного сотрудника. Джимми Пейдж весь концерт просидел на стуле, чего ранее никогда не случалось. На следующий день Лед Зеппелин собиралась отбыть в Новый Орлеан, когда Ричард Коул выглянул в окно и увидел спецподразделения полиции, кольцом окружившие здание гостиницы. Ричард ухитрился спрятать кокаин. А еще через несколько секунд Джон Боннэм, Питер Грант и сам Коул были арестованы. 25-го июля им предъявили обвинение в нанесении телесных увечий, правда скоро отпустили под залог в 1000 долларов. Со стороны жертвы был подан гражданский иск на 2 миллиона долларов.

После происшествия группа разъехалась. Джон Пол Джонс вместе с женой отправился в путешествие по Калифорнии. Джимми с Питером Грантом остановились в Сан-Франциско. Роберт, Бонзо и Ричард Коул вылетели в Новый Орлеан и остановились в гостинице “Royal Orleans”. «Помню — мы зашли в фойе отеля», — говорил Коул, — «и я стал заниматься оформлением документов музыкантов. Вдруг, Роберту позвонила жена. Я сказал: «Твоя старуха на проводе». Он ответил: «Отлично, давай». Плант отправился в номер, чтобы разговаривать оттуда

наедине, а через 2 часа позвонил мне и сказал: «Мой сын умер». Примерно так. Это было как … а, черт! Иисус Христос, бля!»

Постараюсь вкратце изложить детали. 26-го июля Кэрэк Плант сильно заболел. Диагноз — респираторное заболевание. На следующий день самочувствие ребенка резко ухудшилось; вызвали скорую помощь, но мальчик скончался по дороге в госпиталь Киддеминстера. Лондонская пресса подняла шумиху, сообщив, что «загадочный вирус» убил сына рок-звезды.

Роберт был просто уничтожен горем. Он попросил Бонзо и Ричарда Коула отправиться с ним вместе домой. Коулу с трудом удалось нанять самолет. “Caesar Chariot” не имел права перелетать через Атлантический океан, а принадлежавший “Atlantic Records” самолет в данный момент использовал президент Картер. И Коул отправил всех в Нью-Йорк коммерческим рейсом, а оттуда — в Лондон обычным на “British Airways”. Из Хитроу Ричард заказал частный полет, чтобы доставить Роберта и Бонзо домой. В аэропорту Бирмингема журналист поинтересовался у отца Планта о его реакции на трагедию. «Во всем виноваты успех и слава», — ответил старший Плант, — «но что они значат? Ничего, по сравнению с любовью и семейными отношениями».

Через несколько дней Коул отправился в Бирмингем на похороны Кэрэка Планта. После церемонии трое ветеранов рока — Роберт, Бонзо и Ричард сидели на зеленой лужайке перед крематорием, почти ничего не говоря и уставившись вдаль.

В начале рокового турне, чьи последние концерты были отменены, Ричард Коул чувствовал, что что-то должно произойти. «Все было охуенно плохо», — говорил он печально, — «что-то не клеилось. Этого не должно было случиться. В последствии, спираль раскрутилась. До этого не происходило ничего подобного. Никогда. И вдруг — все взорвалось. Будто кто-то сказал: «Вот вам, разъебаи!»

Глава одиннадцатая: Вечером (На закате)

Кто это там идет по сцене?
Манеры сильно смахивают на Джимми Пейджа.
Похож на реликт ушедших времен…

— Пол Маккартни («Рок Шоу»)

Очень скоро, клеветнические домыслы и слухи зажужжали, как комары во время заката солнца. Утверждалось, что Роберт Плант обвинил Джимми Пейджа в порче и назвал его главным виновником всех ужасов, обрушившихся на семью Роберта. Говорили, что Роберт поссорился с Джимми и что группа вот-вот развалится. Наступали худшие времена для музыкантов. Элвис скончался от сверхдозы барбитурата в своем мемфисском доме в августе этого года. Событие нанесло жестокий удар по Лед Зеппелин, черпавшей вдохновение для новых песен из творчества Элвиса. Музыканты даже называли себя незаконными племянниками дядюшки Элвиса. В следующем месяце машина Бонзо соскочила с шоссе поблизости от дома и барабанщик сломал три ребра, получив удар от собственной судьбы.

В конце октября Джимми Пейдж дал целую серию болезненных интервью британской музыкальной прессе, где он опровергал слухи о распаде Лед Зеппелин. Несчастья Лед Зеппелин и сыпавшиеся на них удары судьбы вызвали к жизни предположения, что группа несет свой крест. Джимми перешел на шепот: «Все такие утверждения отдают безвкусицей … Судьба здесь не при чем. Ударов судьбы музыканты бы не выдержали. Мы просто пытались выйти, порадовать людей и отлично провести время». Джимми признал, что тучи сгустились вокруг группы, но утверждал, что «карма» — не то слово, которое бы годилось в данной ситуации. Лед Зеппелин не заслуживала наказания. О музыке Джимми заявил, что он регулярно прослушивает записи с концертами Лед Зеппелин, которые собирает с самого первого выступления группы. Он считает, что наступило время для выпуска настоящего «живого» цеппелиновского альбома, чтобы как-то компенсировать выпуск посредственного фильма. Он рассказывал о своей новой студии — лаборатории с компьютерным банком данных. Пейдж упражнялся на новом гитарном синтезаторе фирмы “Roland” и создал целую

оркестровую сюиту для «преобразованных» гитар, которые могли звучать как “Les Paul”, “Django Reinhardt” и даже имитировать голос гитары Хендрикса в одно и то же время. Тексты, по его словам, относятся ко всем четырем сезонам года. К сожалению, работа прекратилась из-за кражи коробки с кассетами, полной экспериментальных записей Пейджа. Во всех интервью Джимми делал упор на то, что беспокоило его в первую очередь — обвинению в «плохой карме». Он заявил “Melody Maker”: «Просто скажите, что Джимми Пейдж расстраивается, когда слышит слово «карма». Я не знаю, что происходит».

В феврале 1978 года, не взирая на попытки адвокатов, Джон Боннэм, Питер Грант, Ричард Коул и Джон Биндон были признаны виновными в нанесении тяжких телесных повреждений охраннику в Окленде. На всех четверых наложили штрафы, хотя заключение под стражу и отменили. Билл Грэм взбесился, узнав, что Цеппелины опять ушли от ответственности. «Так их никогда и не проучат», — с горечью произнес он.

Роберт Плант всю зиму провел с семьей, а уже в конце весны Морин Плант была беременной. Боль от потери постепенно проходила. Большую часть времени Роберт фальшивил на пианино и пил так много пива, что даже располнел. В апреле Бонзо сказал Роберту о необходимости собраться хотя бы для репетиции. (К тому времени Рой Харпер дал интервью одному английскому сельскохозяйственному журналу. Беседа, в основном, касалась овец Харпера, но он также заметил, что работал с Джимми Пейджем над текстами нового альбома Лед Зеппелин. Плант ознакомился с интервью (он выписывал этот журнал) и буквально взорвался. Он позвонил Пейджу в первый раз за несколько месяцев). Лед Зеппелин собралась в снятом для этой цели Clearwell Castle у самой границы Уэльса, где они несколько часов разминались после 10-ти месяцев затишья. К июлю Роберт пел в местной уостерширской команде, исполняя ритм-н-блюзы в заведениях типа "Wolverly Memorial Hall”. В августе он выступал с группой Dr. Feelgood в клубе “Amnesia” на острове Ибиза. В сентябре состоялись свадьбы Ричарда Коула и Саймона Кирка. Роберт присутствовал на бракосочетании в Фулхэме вместе с Джимми и Джоном Полом Джонсом. «Каждый глядел на Перси во все глаза, надеясь почувствовать его состояние», — говорил Коул. Скоро всем стало ясно: с Перси все в порядке и Лед Зеппелин еще вернется. В сентябре 1978 года скончался Кейт Мун — легендарный барабанщик группы The Who от передозировки наркотиков. Наркотики отвлекали Кейта от алкоголя. В ноябре вся группа приехала в Лондон для репетиций альбома, который был записан в следующем месяце в

стокгольмской студии, принадлежавшей группе АВВА. Джон Пол Джонс одержал верх в музыкальном направлении этой пластинки. Большинство новых песен построены на основании идей и аранжировок, которые Джонс привез с собой. Для мелодий Плант написал тексты, отражая в них свой настрой и эмоции. Впервые Джон Пол Джонс получил право на лидерство и в композиционном плане. Репетиции оказались на редкость удачными и слаженными, а музыканты поняли, что способны на многое. Лед Зеппелин презрительно осмеяли, назвали музыкальными Голиафами, налоговыми арестантами, долгое время сидевшими в анальном отверстии. Инициаторами оскорблений выступили панки и представители «новой волны». Теперь Цеппелины опять могли бороться. Они поняли, что это их лучшая, наиболее изощренная и изобретательная музыка. В соседнем репетиционном зале к гастролям готовилась панк-группа Generation X. Когда однажды вечером Цеппелины покидали студию, молодой певец с торчавшими волосами бросил в их сторону презрительную улыбку. Бонзо поинтересовался — кто был этот парень. Ему ответили, что имя певца Билли Айдол.

В начале декабря Лед Зеппелин вылетела из Англии в Стокгольм. В Швеции музыка для 9-го альбома группы была записана в студии “Polar” — удобной, с «живым» звуком, где АББА добилась звука с эхом. За крепким пивком Цеппелины сделали альбом за три недели. Настроение на сейшенах было подавленным. Даже Ричард Коул был не в состоянии организовать дикую вечеринку или выход в свет. «Холодно и нудно», — говорит он о стокгольмских сейшенах. Как и большинство лучшей музыки Лед Зеппелин, новые мелодии были записаны в декабре. Что-то очень важное решалось в судьбе Лед Зеппелин в эти длинные зимние ночи.

С серьезным, рассудительным Джонсом процесс звукозаписи происходил быстро. Многие песни имели прерывистое и бурное звучание гитар и код, что явилось отражением тогдашнего вкуса Джимми. Некоторые из них, такие как тонкая очаровательная “In the Evening”, открывающая альбом, была взята из заготовок к фильму “Lucifer Rising”. “In the Evening” была просто великолепна, с бесконечно повторявшимся гитарным строем и конвульсивно стонавшим Робертом («мне больно»). Песня обладала поистине ужасным волшебством, поистине симфонической грандиозностью. Все в ней создавало ощущение музыки нового типа. Другие композиции также впечатляли. “Fool In The Rain” начиналась как чистый и стабильный Лед Зеппелин, но под влиянием Джона Пола Джонса постепенно трансформировалась и напоминала музыку бразильских уличных

музыкантов — исполнителей самбо, но сильно осложненной свистом и криками. Сюрреалистические мотивы и раненое воображение текстов уводили в состояние задумчивой меланхолии, превалировавшей почти во всех песнях пластинки. Были вещи попроще и полегче. “South Bound Suarez”, написанная Джонсом и Плантом — простая, ритмичная мелодия, поверх которой Джимми наложил одно из своих типичных диссонансных соло. “Hot Dog” — веселая пародия на хейдаун, наполненная воспоминаниями Роберта о подруге из Техаса по имени Одри Гамильтон.

Две композиции казались музыкантам наиболее сильными. Эпизодичная “Carouselambra” с многократно повторявшимися темами и синтезированными джазовыми программами. Песня напоминала быструю, но неудачную езду на автомобиле. Тексты Роберта, глубоко внедренными в плоть композиции были почти бессвязны. Возникали четкие ассоциации со строгими и торжественными похоронами вождя северного народа. Очень чистой и ясной вышла “All My Love” — сложная песня печали и порождения себе подобных, смерти и возрождения. Сверкающая искусственным звучанием гитары и органным соло, “All My Love” стала надеждой Роберта на будущее, отказом от унылого настроения. Альбом заканчивался монументальной цеппелиновской блюзовой композицией “I’m Gonna Crawl”. После вступления, напоминавшего музыкальное описание природы Ральфа Вогэна Вильямса, следует синтезированная река оркестровки, поверх которой Пейдж наложил свое бескомпромиссное блюзовое соло. Создавалось впечатление, что на этом альбоме Джимми Пейдж стремился уйти от своих мыслей, повернувшись лицом к солнечному блюзу. Казалось, что соло плакало, жаловалось и взывало к раскаянию. По крайней мере, 3 других вещи были записаны в Стокгольме. Две из них — “Ozone Baby” и “Wearing and Tearing” выявляла Лед Зеппелин в новом обличье направления «новой волны». Песни были наполнены неукротимой энергией. Последняя по композиции и скачкообразной мелодии сильно смахивала на “Train Kept A-Rollin’”. А “Darlene” стала демонстрацией мастерства Бонзо и Джонса с хорошей фортепианной секцией, пародией на джаз и старые рок-н-ролльные клише. Запись альбома, получившего название “In Through The Out Door” завершилась за несколько дней до Рождества, а музыканты вылетели домой к семьям. Перед отъездом из Швеции, им позвонили и сообщили, что их прежний охранник — Джон Биндон находился в брикстонской тюрьме по обвинению в убийстве человека ножом в ночном клубе. (В конце концов, он был оправдан и освобожден.)

Реабилитация, описанная в “All My Love”, завершилась 21-го января 1979 года, когда Морин Плант дала жизнь сыну, которого назвали Логаном Ромеро Плантом. На следующий месяц Роберт, Джимми и Бонзо возвратились в Стокгольм для доработки диска “In Through The Out Door”. Роберт был в восторге от поистине панковской энергии “Wearing and Tearing” — песни, которая не вошла на пластинку. Он даже захотел немедленно выпустить сингл. Роберт заявит позже: «Этой песней мы хотели сказать — «отлично, мы динозавры, нудные и старые пердуны. А попробуйте-ка это!» Но у Джимми был другой план, который заключался в выпуске сразу трех вещей, не уместившихся на альбоме, перед зарубежными гастролями Лед Зеппелин, планируемых на следующее лето. В мае 1979 года было объявлено, что Цеппелины собираются дать два концерта в Knebworth Park (Хертфордшир) к северу от Лондона. В это же самое время выходит “In Through The Out Door”, причем у альбома было 6 вариантов обложек. Лед Зеппелин пыталась доказать, что самое большое чудо шоу бизнеса — возвращение.

Пресса и «нововолнисты» приняли эту новость издевательскими насмешками. “New Musical Express” сообщала, что «манера, в которой старые суперпердуны Цеппелины играют соответствуют никому не нужной дармовщине» … В большей степени такое полное неприятие объяснялось не тем, что группа опустилась, а тем, что Джимми Пейдж — бывший студент художник понимает в музыке значительно больше новых идолов — панков». Пол Саймонон — бас гитарист наиболее «грозной» группы того времени Clash, постарался объяснить неприятие Лед Зеппелин большинством новых групп. «Лед Зеппелин?», — спросил он. «Мне не нужно слушать их музыку. Достаточно взглянуть на обложки альбомов и сразу чувствуешь приближение рвоты!»

Лед Зеппелин пыталась не обращать внимания на такие выпады. Джимми дал множество интервью о концертах в Knebworth. Он даже и не упомянул о нападках панков на группу. Он попивал пиво, затягивался «Мальборо» и разглагольствовал о своих усилиях предотвратить экологическую катастрофу любимого им озера Лох-Несс. Еще раньше Пейдж поддержал кампанию по строительству ЛЭП вокруг озера. В мае его пригласили разрезать ленточку на открытии “Phillips Harbour” в Гетнессе. На церемонии открытия поднялся один лейборист и попытался извлечь свою политическую выгоду из события. Джимми разочаровался в лейбористах и их налоговой политике. Он встал и сухо заметил, что рыбаки, восстановившие порт, сделали это, используя свои собственные ресурсы, в то время как

местные власти отказались финансировать проект.

Между тем, Роберт Плант выступал в местной команде из Сторбриджа, по-разному называвшей себя — Melvin's Marauders, Melvin Giganticus и Turd Burglars. Все музыканты Лед Зеппелин проявили себя в той или иной благотворительной деятельности, которая охватывала войну в Камбодже и похищение детей. "Swan Song" тем временем отыскала новую звезду — Дэйва Эдмундса, отличного рокабильного гитариста из группы Rockpile, который выпустит здесь 4 пластинки и поможет дебютировать группе Stray Cats, с которой он выступал когда-то. "Swan Song" продолжила выпуск альбомов Bad Company. Предыдущий проект фирмы — Pretty Things к тому времени уже распался. Помимо этого, компания выпустила в свет 2 альбома Detective, прежде, чем эта лос-анжелесская группа Майкла де Барра распалась. Основная проблема "Swan Song" заключалась в том, что никто не курировал фирму. Совладельцы виделись редко, не выработали совместного плана действий. Ричард Коул продолжал отвечать на телефонные звонки. Но общее бездействие просто сводило его с ума. «Они никому не разрешали предпринимать собственную инициативу», — вспоминал он. «Люди приносили записи в офис, а я отсылал их. Так ничего и не вышло. Мне казалось это удивительным. И я подумал: «Какого хуя я тут сижу? Становишься мрачным и только пьешь».

В конце июля Лед Зеппелин дали два концерта (по сути дела — репетиции) в копенгагенском "Falconerteatret". Музыканты использовали датскую публику в качестве лакмусовой бумажки для возвращения в Англию. Первое за 2 года шоу было схоже с репертуаром концертов 1977 года с добавлением лишь двух новых песен — "In The Evening" и "Hot Dog". Снова появилась "Dazed and Confused", только теперь драматический эпизод со смычком был в качестве прелюдии к "In The Evening" с симфоническим звучанием электрогитары.

Дома в Англии группа собралась в киностудии для работы над освещением сцены в Knebworth. Наибольшее впечатление производили лазерные лучи, создававшие подобие пирамиды вокруг Джимми, игравшего в тот момент смычком на электрогитаре. В следующий раз собрались уже на пока пустынной поляне в Knebworth. Во время исполнения "Trampled Underfoot" Джон Боннэм посадил за ударную установку своего 11-летнего сына, а сам уселся напротив послушать группу. Джейсон Боннэм играл громадными барабанными палочками своего отца «Людвиг» («деревья» — на жаргоне ударников) и удивил остальных музыкантов тяжестью своих ударов. «В первый раз я увидел Лед Зеппелин со стороны», — сказал Бонзо.

Первое шоу состоялось 4-го августа, и Цеппелины очень волновались, ведь с 1975 года они в первый раз выступали в Англии. Роберт сказал: «Не думаю, что есть нечто большее, способное удовлетворить ожидания людей. Лично для меня потребовалась половина концерта, чтобы осознать свое выступление, прочувствовать все происходившее. Мои голосовые связки рвались от напряжения».

В первый вечер сотня тысяч одетых в х/б юнцов дико ревели. Перед Цеппелинами они прослушали группу Тодда Рандгрена и Commanober Cody. К трехчасовому шоу добавили “Celebration Day”. “Heartbreaker” исполнялся на «бис». “Communication Breakdown” — седовласый «отец» прогрессивного рока, завершал концерт. Через неделю они выступили снова, на этот раз после группы Рона Вуда New Barbarians. Шел дождь и шоу оказалось смазанным по техническим причинам (не работал терамин). Поэтому “Whole Lotta Love” вышла довольно слабой и была затем жестоко обругана английской музыкальной прессой. Композицию обозвали «безнадежным упражнением музыки динозавров». Одна газета заявила, что Лед Зеппелин — вымирающий вид.

“In Through The Out Door” предполагалось выпустить до концертов в Knebworth, но обычные задержки помешали этому. Не удалось выполнить и желание Джимми — выпуск миньона с тремя песнями. “In Through The Out Door” практически спасла застойную американскую индустрию звукозаписи от банкротства. В предыдущем году, пойдя на поводу у прессы, которая славословила группы «новой волны», компании звукозаписи напечатали большое количество пластинок музыкантов, с трудом имевших представление о музыкальных инструментах. Только некоторые из этих групп — Sex Pistols и Clash, имели достаточное количество мятежного духа и животного магнетизма, поэтому смогли преодолеть факт отсутствия музыкальных способностей. В Америке никто не покупал этих пластинок. Парни с окраин, раскупавшие миллионные тиражи рок альбомов, превращая музыкальный бизнес в многомиллиардную индустрию, ненавидели панков и презирали «новую волну». Им нужны были Лед Зеппелин и их сателлиты — Black Sabbath, Heart, Cheap Trick и Foreigner (которые стали даже популярнее Bad Company). В высших учебных заведениях музыку «новой волны» и панков слушали лишь неудачники или тупые. В университетах конца 70-х годов Лед Зеппелин и Pittsburgh Steelers (по словам писателя Дэвида Оувена) «шли рука об руку, получая барыши, скоростные машины и престиж». В то время, когда музыкальные магазины Америки не изобиловали покупателями, вдруг появилась “In Through The Out Door” и молодежь вновь наводнила магазины.

Заглохшая было индустрия, встрепенулась снова, так как юнцы принялись раскупать другие пластинки и записи хард-роковых групп. Журнал “Billboard” публиковал статьи, в которых подчеркивал, что Лед Зеппелин спасла музыкальный бизнес от разорения. “In Through The Out Door” имела шесть различных обложек. Каждая изображала сцену из разорения бара гостиницы “Dear John”. Соло Джимми были впечатляющими, но истинные фанаты распознали большое влияние на пластинку Джона Пола Джонса. Альбом получился мягким, более загадочным и мутным.

С годами на первый план вылезла проблема с наркотиками. Ричард Коул был настолько выбит из колеи, что не мог нормально работать. «Я организовал Knebworth», — говорил он. «И это последнее, что было сделано мною. Сознание находилось под воздействием героина. Я даже не мог держать в руках деньги или что-нибудь другое». Спустя несколько месяцев 19-летний парень — «друг группы», скончался дома у Джимми от сверхдозы героина. И сразу же Джимми стал подыскивать новое место для проживания, желательно поближе к водоемам.

Пока Джимми размышлял, отдыхая на Барбадосе, остальные участники группы пытались заняться благотворительностью, организовав концерты для ЮНИСЕФ. Роберт, Джонс и Боннэм появились в редакции журнала “Melody Maker”, чтобы забрать причитавшиеся Цеппелинам призы. (Штат этого журнала ничуть не спасовал перед штурмовыми атаками “New Musical Express”, восхвалявшим группы «новой волны». Последний огорчился, узнав, что их многочисленные подписчики приветствуют Лед Зеппелин). Роберт приехал на лэндровере, в то время, как Джонс и Бонзо прибыли на роллс ройсах. Затем Бонзо напился и жаловался, что высшая награда была присуждена группе Police и принялся во все горло распевать отрывки из “Message in a Bottle”. На кнопках куртки Джонса красовались надписи «Рок против журналистики».

В апреле 1980 года Лед Зеппелин опять стала готовиться к короткому турне по Европе. План был такой: в июне дать 14 концертов в Германии, Бельгии и Швейцарии. Это были первые европейские концерты Цеппелинов с 1973 года. Осенью 1980 года группа предпримет менее ответственное турне по США. Не будет продюсирования новых пластинок и лазерных эффектов, никакого самолюбования. Просто Лед Зеппелин — мощь, загадка и молот богов. И больше не будет с ними Ричарда Коула.

Коул говорил, что наркотический туман все больше и больше сгущался над “Swan Song”, чей основной офис находился в Челси. Ричард вспоминал, что однажды в помещение фирмы привезли героина на 6000 долларов. Прибыль от продажи шла на

приобретение новых партий. Но весной 1980 года дела с героином шли плохо и кто-то умер от наркотиков. Ричард Коул и его приятель Бобби Бакли заплатили за порцию героина по 10 фунтов. Покупка состоялась в магазине на Кингз Роуд. Бонзо также присутствовал. «Джон Боннэм был здесь (с роуд-менеджером Лед Зеппелин) и покупал наркотик, потому что Бонзо тоже употреблял героин», — говорит Коул. В тот вечер Джон Биндон, освобожденный из тюрьмы, где он содержался по подозрению в убийстве, пришел с известием, что Бобби Бакли был обнаружен мертвым с иглой, торчавшей из вены ноги. Биндон искал дилера, продавшего Бакли героин, убившим их товарища. Коул приказал Биндону явиться к нему домой, так как дилер должен был заскочить к Коулу по делу.

На следующий день, когда Биндон и Коул ожидали дилера, в доме Ричарда появился Джимми Пейдж. «Он тоже стал наркоманом, как и мы все». Коул объяснил ситуацию Пейджу и приказал ему уходить, так как пребывание здесь становилось опасным. После ухода Джимми, появился торговец, и Джон Биндон его укокошил. Через несколько дней, дом Коула был окружен вооруженной полицией. Еще раньше, на улице, где жил Коул, убили колумбийскую девушку. Кто-то сообщил полиции, будто Коул хвастался в баре, что задавил девушку машиной и бросил где-то на мостовой. Коул отрицал обвинение. Его спросили, знал ли он, что Бобби Бакли кумер от злоупотребления наркотиками. Коул ответил, что ничего подобного он не слышал.

Ричард Коул поссорился со своим работодателем Питером Грантом еще до европейского турне. Грант решил, что Коул слишком опустился, чтобы выполнять свои обязанности и на его место взяли Рекса Кинга. Вне себя от гнева, Коул стал произносить угрозы в адрес детей Гранта и они дошли до ушей Питера. Грант не мог простить такого, и Ричард был немедленно уволен. Оставшись без работы, Ричард со своей подругой вылетел в Италию, чтобы приобрести героин. Они остановились в римском отеле “Excelsior”. На рассвете сотрудники полиции из отдела по борьбе с терроризмом неожиданно ворвались в номер Коула. Они конфисковали два ножа с выкидными лезвиями, 3 шприца, ложку, лимон и 8 унций кокаина. Ричард признался, что все это принадлежало ему. Коула обвинили в терроризме и отправили под большой охраной в тюрьму “Regina Coeli” неподалеку от Рима, где он проторчал целых полгода.

17-го июня в дортмундском зале “Westfalenhalle” открывались первые гастроли Лед Зеппелин с момента смерти сына Роберта Планта. Турне было лишено помпезности — отсутствовал видеоэкран, стало меньше дополнительных эффектов. Джимми

появился на сцене — болезненный, худой и хрупкий, в накрахмаленном костюме и панковском кожаном галстуке. Играл он в необычной для себя манере, как бы экономя силы. Джон Пол Джонс носил короткую стрижку, волосы он зачесывал назад и был бесспорным лидером группы, играя на электроклавишных инструментах и органе в дополнение к пианино и бас гитаре. Бонзо отрастил длинную бороду и если чувствовал себя хорошо, то играл великолепно. Роберт Плант был подавлен, по сравнению с живостью прошлых лет, но он все равно много танцевал и двигался, демонстрируя разнообразные позы. Плант был одет в шелковую майку, джинсы и теннисные туфли. Репертуар опять претерпел некоторые изменения: сейчас шоу начиналось с “Train Kept A-Rollin’”, причем в исполнении, приближенном к версии старых Yardbirds, чего раньше никогда не было. Затем следовали “Nobody’s Fault But Mine” и великолепная “In The Evening” без скрипичного вступления. “The Rain Song” представляла Цеппелинов периода расцвета, за которой следовали новые “Hot Dog” и “All My Love”. “Trampled Underfoot” — опустошительный хард-рок, слегка смягчаемый “Since I’ve Been Loving You”: отчаянный крик Роберта о потерях, полный эмоций. Белый свет и дым заполняют сцену во время исполнения “Achilles Last Stand”. После соло в “White Summer” (тщательно выполненном как-то на испанский манер, нежели в индийском ключе) группа приступила к “Kashmir”. Концерт завершился “Stairway To Heaven” — универсальным гимном тинэйджеров. В зависимости от публики на «бис» исполнялись “Rock and Roll”, “Communication Breakdown” или “Whole Lotta Love”.

Концерты были какими-то странными, беспорядочными и проходили в городах Колог, Брюсселе и Роттердаме. Иногда Джимми появлялся на сцене «потрепанным, небритым, всклокоченным» по словам одного журналиста, освещавшего гастроли. На других концертах он прыгал, экстравагантно передвигался по сцене, особенно в заключительной части песен и даже разговаривал со зрителями. И что совсем уж необычно Пейдж объявлял названия песен своеобразным гундосым голосом. Раньше этого никогда не случалось.

За кулисами царило некоторое уныние. Без Коула, стимулировавшего Лед Зеппелин, обычные безобразия почти не происходили. Всем музыкантам перевалило за 30. Удачливые британские бизнесмены продавали длинные волосы и прогрессивный рок европейский молодежи американским солдатам, заполнившим 10-ти тысячные залы Франкфурта и Мангейма, державших плакаты с надписью — «Ядерную бомбу на Иран». 27 июня в Нюрнберге Джон Боннэм упал со своего стула

после третьей песни. Официальное объяснение — переутомление. Через несколько дней во Франкфурте он подошел к краю сцены во время исполнения “White Summer” для того, чтобы обнять только прибывшего Ахмета Эстергана. Толпы были такими буйными и неуправляемыми в этом городе, что Джимми даже прекратил играть, подошел к микрофону и принялся упрашивать: «Пожалуйста, дайте возможность доиграть!» Из-за шума, Цеппелины даже не слышали своей музыки.

Джимми курил сигарету за сигаретой. Он заявил, что просто хочет играть и играть в своей группе, никогда не останавливаясь. За кулисами Пейдж казался более тревожным и менее замкнутым, чем раньше. Однажды вечером в баре мангеймской гостиницы, где остановились музыканты, появился Джимми, что было крайне редко после концертов. Он немного выпил, поговорил с фанатами, среди которых присутствовал редактор и издатель журнала для фанов о Лед Зеппелин по кличке Скупой, Но Бедный. Издатель попросил автограф. Джимми вытащил ручку и написал: «Скупым, но бедным читателям с благодарностью за поддержку. Надеюсь, что мы будем всегда оправдывать ваши ожидания. Джимми Пейдж из Лед Зеппелин.»

Последние гастроли Лед Зеппелин завершились 7-го июля 1980 года в Берлине, после того, как Пейдж отменил ряд концертов во Франции. Бонзо попросили прокомментировать этот шаг. Он ответил: «Каждый из нас крайне недоволен ходом этих гастролей».

Менее чем через 2 месяца Лед Зеппелин приступила к репетициям надвигавшихся гастролей по Америке. Музыканты собрались в новом доме Джимми в Виндзоре: в прошлом, огромной мельнице на берегу Темзы, окруженной высокой каменной стеной. Это жилище Пейдж приобрел у актера Майкла Кейна почти за миллион фунтов. Дом отвечал двум главным критериям Пейджа: он находился рядом с водой, имел помещение для репетиций и студию, где можно было разместить все необходимые для того приспособления. Здесь 24 сентября 1980 года в Виндзоре на улице Old Mill Lane, Цеппелины собрались в последний раз.

Надежды на полное восстановление группы были очень велики. Неделей раньше Джимми заявил журналисту: «Чувствую, что предстоит большая работа, и наша группа будет процветать". К тому времени Бонзо прекратил употреблять героин, но очень много пил, а также принимал наркотик под названием “Motival”, уменьшавшего раздраженность и поднимавшего настроение. Друг Боннэма позже сказал, что Бонзо выглядел очень обеспокоенным по поводу поездки в Америку, потому что последнее турне

Цеппелинов было просто ужасным, да и судебное разбирательство висело над Джоном.

Рекс Кинг вез Бонзо на машине в то утро. Он хотел доставить Боннэма домой на “Old Hyde Farm”, но барабанщик настоял на своем и они перед репетицией отправились в паб. В пивной Бонзо выпил около 350 грамм водки с апельсиновым соком и съел пару ломтей ветчины. Во время репетиции в беркширской студии он продолжил пить водку. Играть стало невозможно. Джон Боннэм никогда не опаздывал на работу. За все 12 лет работы в Лед Зеппелин он никогда не пропустил концерт, был всегда аккуратен, вовремя являлся на репетиции, где работал с полной отдачей.

Позже Бонзо продолжил пьянку на встрече группы в виндзорском доме Джимми. Он опорожнил 2 или 3 бокала виски еще до полуночи, прежде чем его уложили на софу. Помощник Джимми Рик Хоббз видел такое и раньше. Он почти дотащил Бонзо до спальни и посадил на кровать, обложив со всех сторон подушками. Затем выключил свет.

На следующий день в полдень Бонзо не объявился. Бенджи Лефевр, работавший на Роберта, отправился будить барабанщика. Но лицо последнего было синего цвета и напоминало маску мертвеца. Пульс не прощупывался. Вызвали скорую помощь, но еще до ее приезда стало ясно, что Джон Хенри Боннэм скончался ближе к утру. Ему было 31 год.

После получения такой убийственной новости, Цеппелины и их окружение разъехались. Роберт отправился на север к Пэт и детям Боннэма. Джонс поехал домой, а Джимми остался в Виндзоре. Смерть Бонзо вызвала международный отклик. Скоро, небольшая толпа фанов устроила молчаливое ночное дежурство у стены дома Джимми. И сразу же стали распространяться проклятые слухи. Журнал фанов утверждал, что густой дым валил из дома Джимми на следующий день после смерти Бонзо. Гитарист пришел в неописуемую ярость, услыхав такие байки. Болтали также, что Джимми заказал большое количество пленки и записал какую-то вещь в память Бонзо. Всплыла старая «утка» о существовании “Black Album” Лед Зеппелин. Этот слух касался записи альбома: смерть — блаженство. Один немецкий журналист утверждал, что тексты песен переведены им из древних швабов. Через 2 дня после смерти Бонзо лондонская газета “Evening News” напечатала статью «Загадка «Черной Магии» Лед Зеппелин». Ссылаясь на известный источник, писали: «Звучит дико, но Роберт Плант и все окружение группы утверждают, что занятия черной магией Пейджа, привели Бонзо к смерти, а также к другим трагедиям в группе … Думаю, что трое оставшихся музыкантов

побаиваются грядущих событий».

День памяти Бонзо состоялся через 2 недели 10-го октября в церкви “Rushock”, неподалеку от фермы Боннэма. Тело барабанщика кремировали почти сразу после смерти. Присутствовала служба безопасности, но только 8 местных юнцов стояли под моросящим дождем на похоронах. Маленькая церковь была набита и несколько местных жителей стояли поодаль, не в состоянии попасть вовнутрь. Местные музыканты из Electric Light Orchestra и Wings находились около Пэт Боннэм и ее детей — Джейсона и Зо.

Следователь сделал запрос и патологоанатом доложил, что Джон Боннэм скончался от передозировки алкоголя, выпив 40 порций водки за 12 часов (1 литр 200 граммов примерно), а затем захлебнулся собственной рвотой во время сна. Джимми засвидетельствовал, что Бонзо был сильно навеселе уже к моменту приезда на репетицию. Он добавил, что трудно сказать, сколько именно выпил Бонзо, так как он пил все время. Рекс Кинг, Рик Хоббз и Бенджи Лефевр также дали свои показания. После этого следователь из Восточного Беркшира вместе с полицией произвели обыск в доме Джимми Пейджа, но не нашли ничего подозрительного. И следователь дал заключение о смерти — «несчастный случай — непреднамеренное самоубийство».

В римской тюрьме “Regina Coeli” один заключенный подошел к Ричарду Коулу и сообщил: «Умер один из твоей группы». «Бедный Пейджи», — подумал Коул, решив, что этим несчастным был Джимми. Но главный вдохновитель был жив, а его подмастерье нет. Были статьи в прессе о том, что трое уцелевших члена группы решают вопрос — распадаться или нет. Согласно слухам, именитые английские барабанщики — Кози Пауэлл, Карл Палмер, Энсли Дунбар решают: а не заменить ли им Боннэма из Лед Зеппелин. Джимми не видел смысла продолжать с кем-то другим. Полностью устраивал только Джон Боннэм. К другим не лежала душа. 4-го декабря 1980 года, когда зимние дни стали еще более короткими, Лед Зеппелин опубликовала следующее, как всегда туманное заявление в прессе: «Потеря нашего дорого друга и глубокое чувство гармонии между нами и нашим менеджером, заставило нас прийти к выводу, что мы не думаем оставаться такими же, какими были раньше».

Глава двенадцатая: Кода

… мы знаем, что если бы Боннэм был жив,
он бы сделал все от него зависящее. Знаете,
надо быть очень большим барабанщиком,
чтобы играть так хорошо и так тяжело.
Такого, как Боннэм больше не будет.

— Чарли Уоттс.

После смерти Бонзо осколки когда-то могучей Лед Зеппелин стали медленно возвращаться к текущим делам и постепенно закружились в водовороте событий. Джимми почти немедленно приступил к работе. Его сосед — кинорежиссер Майкл Виннер попросил Пейджа записать мелодию к ужасно безвкусному продолжению фильма “Death Wish”. Ленту “Death Wish — II” необходимо было завершить в максимально короткие сроки и Джимми прибег к своему старому, испытанному трюку: взял и переделал “In The Evening” в другую песню, которую назвал “Who’s To Blame”, спетой старинным приятелем Крисом Фарлоу. “The Release” — проба Цеппелинов без участия Бонзо. Мудрые звукоинженеры пользовались классикой, например «Прелюдией № 3» Фредерика Шопена, теперь просто превращенную в «Прелюдию», печально исполненную на электрогитаре. Основной важной чертой музыки к кинофильму “Death Wish — II” был ужасный акустический монтаж «пугающих звуков», который придумал Джимми для создания беспокойных эпизодов: нисходящие шумы волынки, которые как бы проводили грань между пустотой и комфортом.

В сентябре 1981 года Джимми купил студию звукозаписи в Беркшире, принадлежавшую Гасу Даджеону — продюсеру Элтона Джона. С этого момента на целый год Пейдж уходит в подполье, отказываясь беседовать с работодателями и даже близкими друзьями. Он изучал описание синтезатора “Roland”. Джимми заявил работнику этой фирмы, что не выступает из-за тяжелых переживаний по поводу смерти Бонзо. Пройдут целых два года, прежде чем появятся новые упоминания о Джимми Пейдже.

Совсем не появлялся и Джон Пол Джонс. Исчез поп-музыкант

и звезда сцены. Джон Болдвин вернулся к оседлой семейной жизни в сельском районе Англии. Имевшие дело с Лед Зеппелин, знали, что Болдвин единственный, кто не пострадал. Он не умер, не терял детей и никогда не злоупотреблял наркотиками. Джон вернулся к своим фермам — удачливый и с чувством собственного достоинства. Время от времени удача Болдвина связывалась с легендарным дьявольским сговором. Даже такие умные и интеллигентные друзья Лед Зеппелин, как Дэнни Голдберг и Бено Готье не отрицали такой возможности. «В конце концов, Джимми мог сделать это», — говорит Готье. «Не удивлюсь, если все окажется правдой. Все они были очень молоды, но двое парней были вне игры. Они не собирались превращать дело в бизнес, а Джимми являлся для них легендой. Уверен, что он сумел убедить Джона (Боннэма) … Я не удивился: достаточно посмотреть, кто умер, кто пострадал, а кто — выжил. Верю, что это дело рук Сатаны. Логично и безумно, с другой стороны. Джимми не мог до конца управлять Джонсом».

Говоря о последних годах жизни Бонзо, Готье говорил: «Думаю — он уже на небесах или где-то еще, думая о том, что над ним неплохо подшутили. Можно представить, как он говорит: «Ну что — выпьем как следует, а потом сыграем в дартс. Смешно, не правда ли?»» Плант очень долго переживал о смерти Бонзо. Друзья вместе росли, и Роберт привел Джона Боннэма в Лед Зеппелин. Через 2 года Плант так отзывался о смерти Бонзо: «Это наиболее тяжелый, убийственный для меня момент. У меня был отличный, сердечный, добрый друг, которого уже никогда не будет. Это … конец. Я никогда даже и не задумывался серьезно о будущем группы или музыки». Роберт лишь немного оживился через несколько месяцев после смерти Бонзо. С весны 1981 года он стал иногда появляться с ритм-энд-блюзовой группой Honeydrippers, возглавляемой гитаристом Робби Блантом — старым другом из Киддеминстера, игравшим в свое время в Silverhead и Chicken Shack. The Honeydrippers занимались муссированием ритм-энд-блюза 50-х годов — музыки Альберта Кинга, Отиса Раша и Джина Винсента. Выступали в ночных клубах на севере страны — Шеффилде, Ноттингеме и Дерби. В то же самое время, Роберт стал коллекционировать собрание рокабильных песен на четырехдорожечном магнитофоне. В конце года он почувствовал себя готовым к уходу от обычного ритм-энд-блюза. Работая вместе с Робби Блантом, они стали вырабатывать собственное музыкальное лицо. Это ему нравилось больше, чем кажущаяся пышность Перси в прошлом. Песни Планта носили отпечаток арабской музыки. Прежде, чем отправиться со своей женой в путешествие по Марокко, он отдал Робби Бланту кассету

с оркестровыми одами позднего Ома Калхтум — египетской певицы и пан-исламской героини, приказав гитаристу учиться играть под ее пение. В Марокко Роберт и Морин посетили город Гулемин на юге страны, где они слушали берберийские ритмы и мелодии известной тогда “Blue Woman”. Затем они отправились дальше на юг, достигнув самого края Сахары.

Вернувшись в Англию, Роберт взял Робби Бланта и группу мидлендских музыкантов на Уэльс для записи первого соло-альбома. Как и Джимми, он привлек к работе поздний шедевр Цеппелинов “In The Evening” для главного хита альбома — “Burning Down One Side”. Арабский классицизм Ом Калхтум проглядывался в “Slow Dancer” и “Pledge Pin”. Когда основные вещи были готовы, где использовались различные барабанщики и простенькая блюзовая гитара Робби Бланта, Роберт привез записи к Джимми на консультацию. «Было очень эмоционально», — скажет он позже журналисту. «Мы просто сидели, и я положил руку на его колено. Мы оценивали материал вместе. Он знал, что я работаю над музыкой, опираясь на помощь других людей. Все, о чем я мечтал, чтобы он тоже продолжал творить». В том же интервью Роберт признает: «Я не хотел, чтобы меня называли старым пердуном в возрасте всего 34-х лет».

В мае 1982 года Джимми и Роберт выступили на «бис» в мюнхенском концерте группы Foreigner. Они испонили песню Литтл Ричарда “Lucille”. Через несколько месяцев, первый соло-альбом Роберта вышел на “Swan Song’. “Pictures at Eleven”, несмотря на плохие предчувствия Роберта, имел успех. Пластинка вошла в Top 1 ˚США и оставалась там в течение пяти недель, поднявшись до третьей строчки. В Англии альбом занял второе место. Роберт не желал исполнять песни Лед Зеппелин («Это было бы глупо и бессердечно», — заявил он.), поэтому турне в поддержку альбома не состоялось. Примерно в то же время Джимми сказал в интервью журналу “International Musician”: «Было бы глупо продолжать играть в Лед Зеппелин. Это оскорбило бы память о Джоне. Я не сумел бы выступать, оглядываясь на человека, сидящего за барабанами. Это было бы нечестно». Песни, которые Роберт Плант написал для “Pictures at Eleven” выражали освобождение и утешение. Казалось, что Роберт наконец-то освободился от мрачной тени Лед Зеппелин.

К середине 1982 года через 2 года после распада группы, Лед Зеппелин опять вызвала очередные споры в обществе. “Stairway To Heaven” исполнилось более 10 лет, но до сих пор она оставалась наиболее популярной песней американских FM станций. Этот факт обеспокоил группу баптистских проповедников юга и юго-запада страны. Один известный баптист

использовал даже свой радиопередатчик для утверждения, что песня несет действующие на подсознание послания Сатаны. Во время воскресной заутреней он проиграл 2 варианта “Stairway To Heaven”. Первый — обычная версия, звучала так, как ее привыкли слушать бодрые американские тинэйджеры, считая гимном рок-музыки. Другой вариант прослушивался на медленной скорости, и тогда отчетливо слышались слова: «Добро пожаловать к Сатане». В конце песни, тот же призрачный голос, казалось, говорил: «Пойдет снег». Проповедник приводил это в качестве доказательства, что рок-музыка является инструментом Антихриста. В апреле 1982 года Комитет штата Калифорния проиграл “Stairway To Heaven” наоборот прямо на заседании сессии в надежде, что неясный голос Дьявола будет услышан на пленке. Некоторые члены Комитета клялись, что они отчетливо слышали слова: «Я живу для Сатаны» при слушании композиции в положении реверса. Лед Зеппелин немедленно объявили посланниками Дьявола, ввергавших миллионы молодых людей в проклятие, заставляя совершать невольные ошибки по наущению Антихриста и сил тьмы.

Эдди Крамер — продюсер и звукоинженер, работавший над четырьмя альбомами Лед Зеппелин, говорил, что такие обвинения полностью беспочвенны и глупы. Да и зачем тратить столько дорогого студийного времени на всякую ерунду. Крамер настаивал на том, что никакой маскировки при реверсе быть не может и что Цеппелины никогда не делали скрытых посланий в своих песнях. Также он подчеркивал, что любой проповедник может взять “Stairway To Heaven” в студию и наложить на песню все, что вздумается для подтверждения своей дурацкой теории.

В декабре 1982 года Джимми выпустил последний альбом Лед Зеппелин, который стал финальным и для фирмы “Swan Song”. “Coda” — собрание 8-ми песен, записанных в разные годы за 12 лет полета Цеппелина. “We’re Gonna Groove” (одно время даже открывала концерты) — относилась ко временам “Led Zeppelin II” 1969 года. “Poor Tom” — пришла из времен Bron-Y-Aur 1970 года, в то время как “I Can’t Quit You Baby” была сделана в «Альберт Холле» в том же году. “Walter’s Walk” осталась от старгровских сейшенов 1972 года. Вторая сторона включала три вещи, записанных в Стокгольме — “Ozone Baby”, “Darlene” и “Wearing and Tearing” да барабанное соло “Bonzo’s Montreux”, которое Джимми смонтировал в своей новой студии в 1982 году и приписал к «Ударному оркестру Джона Боннэма».

Альбом выпустили безо всяких пышностей. Обложка почти напоминала надгробие со старыми фотографиями группы на внутреннем конверте. Как и обычно, критики распекли альбом.

“The New York Times” отмечала, что “Coda” первая новая музыка Лед Зеппелин, появившаяся после смерти Боннэма, «и ответ на мольбы владельцев музыкальных магазинов, обеспокоенных падением продаж записей и пластинок, ответ на запросы тинэйджеров». “Coda” появилась в американских чартсах и заняла 4-ю строчку сразу же после выхода. Она хорошо распродавалась весь последующий год.

За лето 1983-го года Роберт Плант выпустил свой второй сольник “The Principle of Moments”. Написанный в Ибизе и выполненный опять же на Уэльсе с барабанщиками Филом Коллинзом и Кози Пауэллом, он был менее авантюрным, чем “Pictures at Eleven”. В результате, успех даже превзошел ожидания. Одновременно вышли 2 таинственных видеоклипа для поддержания пластинки. Видеоклип хита “Bit Log” очень меланхоличен: он рисует Роберта, остановившегося на автозаправочной станции в американской пустыне и просматривающего старые фотографии. Вот он пробирается через разрушенный город, стоит в думах над кошачьей корзинкой, прежде, чем, наконец, явиться в лучах заходящего солнца. В видеоклипе “I’m In The Mood”, Роберт Плант выделывает разные позы, серьезно уставившись на лимон.

“The Principles Of Moments” был выпущен на “Atlantic”, а не на “Swan Song”. Питера Гранта одолели личные проблемы. Он так никогда и не посетил репетиции Роберта или записывающие сейшены. Таким образом Роберт объявил о своей полной независимости от Лед Зеппелин, оставив "Swan Song”. Спрашиваемый о Гранте репортерами, Роберт отказался комментировать свой поступок, добавив, что уважает Питера Гранта за их сотрудничество в прошлом.

В июне 1983 года Роберт подогнал свой большой коричневый «Мерседес» к студии “Shepperton” неподалеку от Лондона, чтобы порепетировать свое первое американское турне, предстоявшее в сентябре. Барабанщиком на гастролях должен был стать Фил Коллинз, а Ричи Хэйворт (впоследствии — Little Feat) будет работать в плантовском турне по Англиии в конце года. Через несколько дней Плант записал выступления для программ “Top of the Pops” и “A Midsummer Night’s Tube”. Выступление в “Tube” было неудачным, поэтому он решил его забрать и с другой программы. Роберт отправился в Америку в сентябре, где он находился 2 месяца, играя вещи с двух сольных альбомов. Несмотря на многочисленные просьбы, вокалист отказался играть музыку Лед Зеппелин. Большинство концертов завершалось исполнением регги Боба Марли “Lively Up Yourself”. В интервью Плант подтвердил, что ушел от жены и теперь живет один. И рад

быть соло исполнителем, потому что в Лед Зеппелин чувствовал себя слишком изолированным. Он также рад, что его новые альбомы восприняты серьезно. Несколько раз Плант отвергал все слухи, касавшиеся Джимми Пейджа и его интересов к оккультизму. Это касалось и историй о его антипатии к увлечению Пейджа Алистером Кроули. Роберт рассказывал о себе, как о человеке, обожавшим играть в теннис и путешествовать. Он жалел, что не вел дневник Лед Зеппелин — записи о поездках и приключениях за долгие годы. Он также презрительно говорил о новом поколении имитаторов Лед Зеппелин в лице Def Leppard. Американские концерты собрали аншлаг. Юнцы стали слушать новую «звезду» — Планта. В прессе о нем писали, как о «жизнерадостном, немелодичном поэте» и «артистичном, мелодраматичном экзотике». Ричард Коул, проживавший тогда в Лос-Анджелесе, решил, что концерт Планта был лишен пластики. Как заметил Коул, фаны просто сидели, никаких лихорадочных действий, как в былые времена Лед Зеппелин. Перед возвращением в Англию, Роберт появился на MTV — кабельного музыкальном канале. Улыбавшийся, раскованный, с мешками под глазами в результате гастролей он спел из Элвиса, Дэйва Эдмундса и Stray Cats, Visage и Duran-Duran, чей стиль и элегантность так воспевал.

В октябре Роберт, Джимми и Джон Пол Джонс встретились в Лондоне, чтобы обсудить дальнейшую судьбу умиравшей “Swan Song”, которая не будет больше выпускать пластинки, чьи офисы в Нью-Йорке и Лондоне были закрыты. Но троица так и не выработала единого решения по закрытию фирмы. «Они не изменились», — сказал Роберт другу о своих бывших коллегах. «Они все никак не могут собраться с мыслями».

В конце сентября Джимми Пейдж появился из своей добровольной ссылки, чтобы играть на бенефисе всех звезд в «Альберт Холле». Это произошло, потому что Ронни Лэйн (бывший басист Faces) — владелец передвижной студии, где однажды записывалась Лед Зеппелин, страдал склерозом. Лэйн прошел курс нетрадиционного лечения гипербарическим кислородом. Лечение требовало дорогостоящего оборудования. Прежде, чем привести к желаемому результату, препарат вызывает побочные эффекты и ослабление организма. Ронни попросил Эрика Клэптона устроить бенефис в Лондоне, чтобы приобрести специальный аппарат для излечения и для всех страдающих заболеванием. Клэптон согласился. Глинн Джонс согласился продюсировать шоу и пригласил Яна Стюарта из Стоунз, который, в свою очередь, привел Чарли Уоттса и басиста Билла Уаймена. Позже во время вечеринки в доме у Джеффа Бека

туда пригласили и Джимми Пейджа. Прошлым летом произошло воссоединение Yardbirds в “Marquee”, организатором которого выступил Пол Самвелл-Смит: участие приняли Джим Маккарти и Крис Дрейа. Джеффа Бека, Эрика Клэптона и Джимми Пейджа даже не известили о событии. Пейдж обиделся. На вечеринке Ян Стюарт обсуждал выступление Ронни Лэйна с Джеффом Беком. Джимми бродил и жаловался: «Никто не просит меня больше играть. А почему я не могу играть здесь?» Стюарт подначивал: «Давай, давай». Скоро и другие музыканты — Джо Коккер, барабанщик Кенни Джонс и Стив Винвуд играли в акции, но козырной картой шоу стали три ярдбердовские гитары — Клэптон, Бек и Пейдж — в первый раз после долгих лет вместе на сцене.

Шоу состоялось в последнюю неделю сентября. Эрик Клэптон был за хозяина и открыл его сетом своих мастерских блюзов и южным роком. Джефф Бек и его импровизирующая группа, выступавшая в стиле фьюжн (с Яном Хаммером на клавишных) в течение часа играли электроджаз. Джимми очень долго не был на людях. Он вышел, освещенный прожектором под ураган радостных криков, снял пиджак, попробовал струны, закатал рукава рубашки. Рукоплескания не смолкали. Тощий, с длинными развивавшимися волосами, он начал с «Прелюдии» Шопена, сопровождаемый ритм-секцией ударника Саймона Филлипса из группы Джеффа Бека и бас гитаристом Фернандо Сондерсоном. Стив Винвуд спел “Who’s To Blame” и другие песни из фильма “Death Wish — II”. Наконец Джимми берет «Гибсон» с двойным грифом и исполняет “Stairway To Heaven” как инструментальную композицию без текстов. Она все равно звучала волшебно и динамично даже и без голоса Роберта. Выступление завершалось 12-струнной кодой и игрой смычка. Затем Джимми вышел уже с Джеффом Беком и Эриком Клэптоном. Три гитариста исполнили “Layla” — известную песню о любви Эрика Клэптона. Музыкантам было около сорока лет, все они испытывали стрессы этого среднего возраста, но в тот вечер казались целеустремленными и деятельными. Во время шоу кто-то ограбил костюмерную Пейджа. Через три месяца бенефис Ронни Лэйна состоялся в четырех американских городах — Далласе, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе и Нью-Йорке под покровительством Билла Грэма. Джимми Пейдж тогда сообщил друзьям, что прекратил употреблять героин.

Американское турне началось с репетиций и 2-х концертов в Далласе. У Стива Винвуда оказались и другие дела, поэтому Джимми пригласил вокалиста Пола Роджерса. Два года назад Bad Company поменяла состав. Роджерс выпускал сольники, пытаясь

стать одним из лучших рок певцов. Одно время Джимми и Пол подумывали о создании собственной группы. Во время этих гастролей они приступили к написанию длинной песни, состоявшей из 4-х частей. Композиция так и осталась незавершенной и безымянной, но кое-какие ее куски все же использовали. После Далласа выступления переместились в Сан-Франциско, где Джимми вел жизнь отшельника в своем люксе, чтобы хоть как-то успокоить нервы (он никак не мог приспособиться к другим музыкантам). После концертов другие звезды собирались за кулисами, беседовали и отдыхали, а Джимми садился в ожидавшую его машину и возвращался в отель. Одна местная газета даже назвала его «самым переоцененным гитаристом рока». На следующий вечер стоя у микрофона, он сказал: «Добрый вечер. Приятно смотреть на дружеские лица». Отвечая на уколы прессы, Джимми великолепно отыграл свой сет. После исполнения Шопена на черном Телекастере, он вытащил смычок и дотронулся до струн. Толпа принялась стонать от удовольствия: «Смычок!» Джимми, вдруг, отшвырнул его в толпу, не сыграв и единой ноты, будто смычок являлся бессмысленной мишурой далекого прошлого. Затем он представил Пола Роджерса и сыграл “Who’s To Blame” и “City Sirens” из кинофильма “Death Wish — II”. Далее следовала “Mama Loves To Boogie” с сольной пластинки Пола Роджерса. Потом он представил «совершенно новую вещь, над которой я и Пол продолжаем работать. Надеемся, что она вам понравится». Композиция имела несколько названий — “Midnight Moonlight” или “Bird On The Wing”. Новая песня стала примером гитарного маньеризма Пейджа. Сидя на стуле, полностью сосредоточившись на игре, Джимми играл волнующий кровь хард-рок, фолк, психоделические вещи и новый стиль — гармоничный фанк. Когда песня набрала крутые обороты, Джимми встал, чтобы продемонстрировать свои типичные телодвижения, отбрасывая назад волосы, откинувшись назад, жестикулируя руками в такт мелодии. Он расхаживал с важным видом по сцене и улыбался, наслаждаясь собой. Пейдж как бы остался в прошлом. Во всех городах песню встретили столпотворением. Пейдж превратил игру на гитаре почти в спортивное состязание. Джимми завершил сет (как и в Лондоне) инструментальной “Stairway To Heaven”, которую Роберт отказался исполнить во время американских гастролей двумя месяцами раньше. На этот раз Джимми предложил толпе подпевать. «Будь моим гостем», — сказал он. Для исполнения взрывного финала “Stairway”, на сцену вышли Клэптон и Бек. После “Layla”, Билл Грэм представил зрителям всех музыкантов, которые сменяли на сцене друг друга, ну и,

конечно же, Ронни Лэйна. Услышав имя Джимми Пейджа публика буквально взревела от восторга и крики продолжались целых пять минут. Джимми был растроган. Опять Пейдж выиграл шоу.

Приехав в Лос-Анджелес несколькими днями позже, Джимми остановился в “Sunset Marquis” под именем Джеймса Макгрегора. С ним путешествовала молодая танцовщица-стриптизерша, которую Джимми подцепил в ночном винном магазине Сан-Франциско. Прибыв в город, Пейдж позвонил Коулу, жившему в Голливуде. Ричард в это время пропивал 200000 долларов, доставшихся ему от Лед Зеппелин. Перед освобождением из итальянской тюрьмы его навестили английские детективы, задавшие ему вопросы о нераскрытых убийствах. В скором времени, арестовали Джимми Пейджа за небольшое количество кокаина.

Друзья предостерегали Коула о том, что Питер Грант охотится за ним. Это вынудило Коула перебраться в Калифорнию сразу же после освобождения из тюрьмы в начале 1981 года. «Тогда он был таким худым», — вспоминал Коул, — «что между воротником рубашки и шеей можно было просунуть руку». На этот раз, когда Коул отправился с Джимми в отель, Пейдж был таким же тощим, но не просил наркотиков у Коула. Взор у гитариста был ясен. У Джимми продолжалась связь с Лори Мэддокс, которой к тому времени исполнилось 25 лет. Она все так же сильно продолжала любить Джимми. Они встретились в “Rainbow” и целовались, сидя за столом. Лори попыталась отвести гитариста на стоянку автомобилей, чтобы сфотографироваться, но он отказал девушке. Пейдж отвез Лори к себе в номер и два старинных любовника долго беседовали. Лори сильно обиделась, узнав, что Джимми бывал в городе, но за 2 года так ни разу и не позвонил ей. «И вот что он мне ответил», — вспоминала она, пытаясь передать интонации его голоса, — «Лори, последние 7 лет жизни я был так напичкан наркотиками, что даже не хотел видеть тебя. Теперь я покончил с этим и знаешь сколько времени потребовалось на это? 4 дня».

Лори продолжила: «Скажи, а ведь наша любовь была особенной. Я — ангел со сломанным крылом и со смущением говорю это». «Знаешь, никому об этом не говорила и надеюсь, что он не разгневается на меня, так как я до сих пор обожаю его. У него доброе сердце и неповторимая душа. Я буду всегда любить Пейджа. Я выросла рядом с ним, это было началом моей жизни». «Грустно видеть его таким худым и бледным», — говорит она. «Я даже не поверила. Меня поразил его вид в самое сердце. Думаю, что он был очень несчастлив, сотворив с собой такое. Всякие сучки довели Джимми до такого состояния. Я также узнала, что

на некоторое время он превратился в импотента, потому и искал забвения в героине. Он не был больше прежним Джимми. Но теперь он стал постепенно превращаться в обычного Пейджа.» «Он сообщил мне, что принимал героин ежедневно на протяжении семи лет, а теперь заявил, что с этим покончено. И я верю ему. Нет причины обманывать. Очень беспокоился обо мне. Сказал: «Лори, а ты продолжаешь принимать эту дрянь?» «И когда я ответила отрицательно, он воскликнул: «Слава Богу!»»

В Лос-Анджелесе Джимми опять играл великолепно. Когда он достал свой смычок, толпа опять пришла в неистовство. Пол Роджерс — коренастый, искренний, размахивавший микрофоном, как тинейджер-вокалист из группы Free 15 лет назад. Пол делал большие успехи. За кулисами у Джимми была своя костюмерная. Коул поинтересовался судьбой Питера Гранта: «Как там Фэтсо (Толстяк)?» Джимми ответил: «Я уволил этого толстого пиздюка. Пусть идет к ебеней матери, раз заслужил это. Забудь этого долбоеба!»

На следующий вечер к Джимми пришли старые друзья — мисс Памела и певец Майкл де Барр. Парочка поженилась и жила в Лос-Анджелесе. Майкл создал новую группу Chequered Past со Стивом Джонсом, экс-гитаристом врагов Цеппелинов Sex Pistols. За кулисами Барр старался вести непринужденно и одновременно он умолял Пейджа сыграть несколько мелодий из первого альбома новой группы. Стив Джонс сказал Джимми: «Ты всегда был моим кумиром. Пейдж отреагировал: «Угу, угу», проявив полную рассеянность. В последствии, Джимми сообщил мисс Памеле, что одинок и не имеет друзей. «Так он лгал всегда», — комментирует мисс Памела.

После Лос-Анджелеса гастроли переместились в Нью-Йорк. И опять Джимми вызвал овации публики, правда поделив восторги с двумя другими гитаристами Yardbirds, которые всегда пытались конкурировать с Пейджем. (“The Rolling Stone”, освещая турне, сообщал: «Имели место трения между Клэптоном, который «завязал» с наркотиками с десяток лет назад и Пейджем, о котором нельзя было этого сказать».) Отзывы о Джимми, как и всегда, были прямо противоположными. Один критик сказал, что Пейдж похож на «кусок тощего мяса из «Макдональдса»». Другой заявил, что новая совместная песня Джимми и Пола Роджерса, если она будет выпущена, то моментально станет «платиновой».

После гастролей Джимми отправился домой, а затем — в Сингапур и на остров Бали, чтобы немного развеяться на Рождественские праздники. Перед отъездом он сообщил прессе, что возможно приступит к формированию новой группы с Полом Роджерсом где-нибудь в 1984 году. Может выпустит пластинку и

вернется в музыку. «Я слишком уж долго без работы», — заметил он. Вернувшись из Сингапура, Пейдж позвонил Ричарду Коулу в Калифорнию и сообщил ему о декабрьских гастролях Роберта в Англии. Во время бристольского шоу на сцене в джеме принимал участие и Джон Пол Джонс. Джимми решил присоединиться к выступлениям Роберта в Лондоне. Коул сказал Джимми следующее: «Я собирался прийти к концу концерта. Но затем мне позвонил Джонси и сказал «нет». Пейдж добавил: «Приходи к началу, так как после 4-го номера будет довольно уныло»», «Пейджи совсем не изменился», — говорит Коул. «Он проговорил: «О, этот ебаный Перси. С ним говорить все равно, что с религиозным фанатиком»». Через несколько месяцев Ричард Коул был арестован во второй раз за управление автомобилем в нетрезвом виде и должен быть помещен в тюрьму согласно калифорнийским законам. Несмотря на это, он вылетел в Лондон ночным рейсом. Перед отъездом он задумался о том, что часто называл «ебаными стигматами Лед Зеппелин». На вопрос — верит ли сам во все это — отреагировал: «Не думаю, что кто-то из группы охуенно выиграл. У меня, бля, никогда не было удачи после развала. Плант ушел от жены, его сын умер. С Пейджем и Джонсом все в порядке. Бонзо умер. Грант вышел из игры … Вся эта история охуенно покрыта мраком».

Раны Лед Зеппелин стали зарубцовываться. 1984-й год продолжался и Джимми истомился от ничегонеделания. В возрасте 40 лет Пейдж опять засучил рукава. Он играл на сейшенах Стивена Стиллза, выпустившего сольный альбом, выступил вместе с Робертом Плантом и подбил диско-фанк продюсера Найла Роджерса поработать в студии над альбомом классического рок-н-ролла. Сейшены соединили вновь не только Роберта и Джимми, но и Джеффа Бека для дуэли двух солирующих гитар, что было еще во времена Yardbirds. Первые 5 вещей из этих сессий были выпущены осенью 1984 года на пластинке под названием “The Honeydrippers/ Volume 1” на новой фирме Роберта “En Paranza”. Материал “Honeydrippers” включал и новые варианты Hank Ballard and the Midnighters “I Get A Thrill”, новоорлеанскую классику “Sea of Love”, “I Got A Woman” Рэя Чарлза (которую последний заимствовал у Southern Tones и представлявшую собой старый госпел “It Must Be Jesus”), “Young Boy Blues” Бена Е. Кинга (написанную Филом Спектором) и резкую, пронзительную гитару на мотив “Rockin’ At Midnight” Роя Брауна. Хотя и выпущенная инкогнито, пластинка выдавала голос Роберта. Скоро появились и видеоклипы, в которых Роберт представал задумчивым, мечтательным, романтичным на фоне природы Балеарских островов. Музыка не была «крутой», но

старинные фаны узнавали чистый энтузиазм, так схожий с цеппелиновским напором прошлых дней. Альбом имел коммерческий успех, оставаясь многие недели в американской “Top 10”. Даже Бонзо участвовал в создании пластинок из могилы. В Англии ливерпульская группа Frankie Goes To Hollywood лидировала в списках с хитом “Relax”. Тяжелые барабанные аранжировки для песни были сделаны нью-йоркским инженером на синтезаторе “Fairlight” после соединения двух вещей с “Led Zeppelin II”. Убийственная ирония.

В конце 1984 года полиция обратила внимание на человека в состоянии полной прострации в здании вокзала. Им оказался Джимми Пейдж. Во время обыска у него обнаружили пакетик с кокаином. Владелец наркотика был арестован. Это был второй арест за хранение наркотиков в течение двух лет. Возникли опасения, что Пейдж будет заключен под стражу. Во время слушания дела Джимми находился в наручниках. Судья произнес: «Вообще-то, это случилось во второй раз и Вы должны отправиться в тюрьму. Но если так произойдет, то это может печально отразиться на Вашей профессии». Джимми оштрафовали на 450 фунтов. Он был слишком известным музыкантом и имел слишком много долларов, чтобы отправиться в тюрьму. В конце месяца Пейдж объявил, что занят организацией группы под названием The Firm. Альбом и гастроли стали неизбежными.

Вслед за этими событиями, поп-мир, который так хорошо знали Цеппелины и на который влияли, перестал существовать для них. Юные фанаты теперь попали под влияние плохого вкуса или иными словами — сели на диету британских синтез-групп, опущенных трансвеститов и метал-групп. Теперь видеомагнаты и расисткие радиопрограммы вещали поп-музыку. Лед Зеппелин проклинали опять, именуя гангстерами. Истинные хулиганы и громилы вылезли на поверхность. Всем стало ясно, что Цеппелины скорее умрут, чем попадут под пяту этих людей.